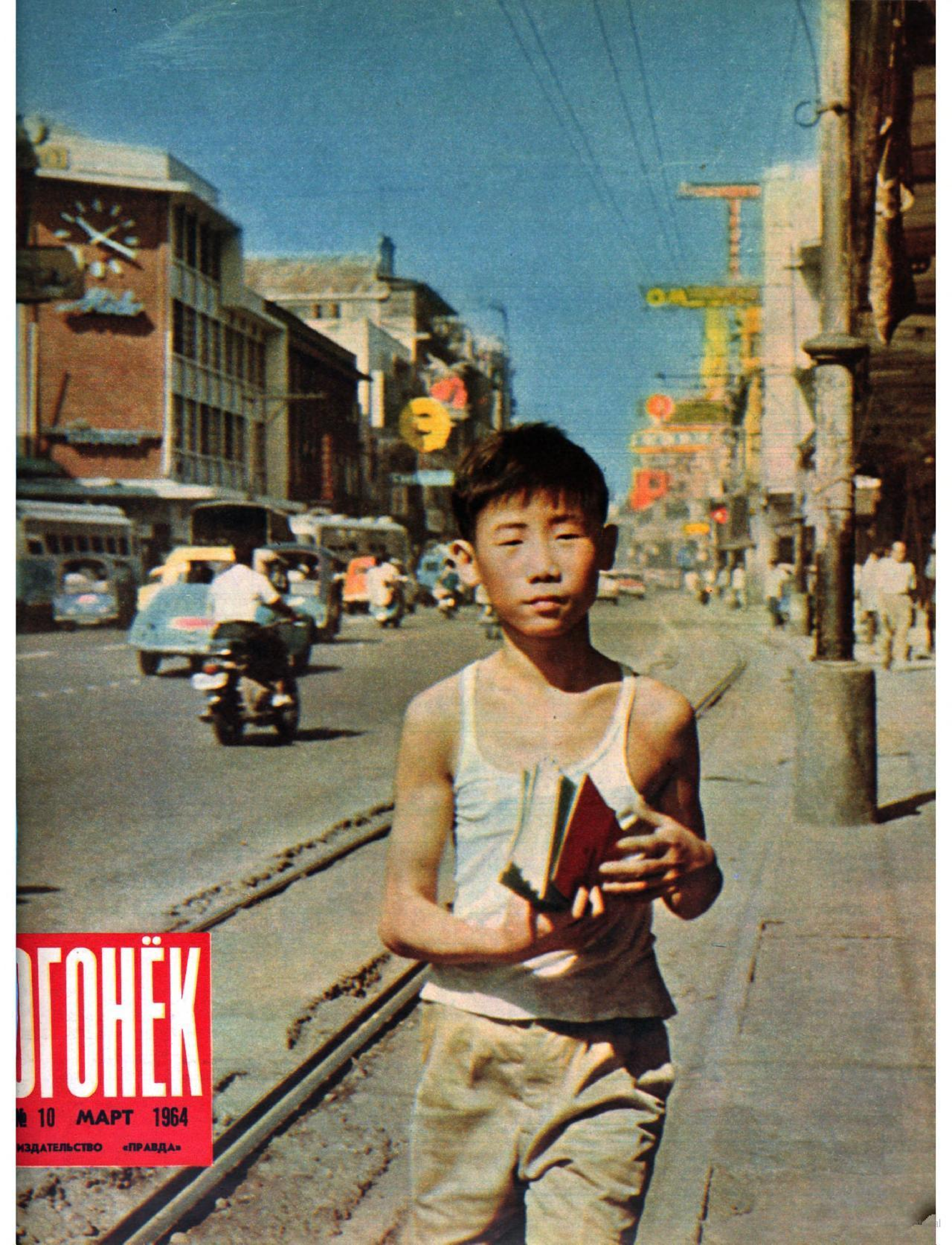

ОГОНЁК
№ 10 МАРТ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 10 (1915)

1 МАРТА 1964

Советская страна с радостью и гордостью встретила своих дочерей и сыновей — спортсменов СССР, с успехом выступивших в Инсбруке.

Одиннадцать золотых, восемь серебряных и шесть бронзовых медалей привезли на Родину наши замечательные хоккеисты, конькобежцы, лыжники, фигуристы. В неофициальном зачете советские спортсмены намного оторвались от команд других стран.

Этот успех был высоко оценен руководителями партии и правительства, всем советским народом, и вот 19 февраля герои Белой олимпиады пришли

Фото Л. Бородулина.

в Дом приемов, куда их пригласило правительство Союза Советских Социалистических Республик.

В зале — Л. Скобликова, капитан сборной хоккейной команды Б. Майоров, чемпион по биатлону В. Меланин, фигуристы Л. Белоусова и О. Протопопов, лыжницы К. Боярских, А. Колчина, Е. Мекшило, М. Гусакова, председатель Центрального совета союза спортивных обществ и организаций СССР Ю. Д. Машин, наши замечательные тренеры, другие члены олимпийской команды.

Бурными аплодисментами встретили собравшиеся товарищей Л. И. Брежнева, А. П. Кириленко, А. И. Микояна, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, Н. С. Хрущева, Н. М. Шверника, В. В. Гришина, Л. Н. Ефремова, П. Н. Демичева, Л. Ф. Ильичева, В. И. Полякова, Б. Н. Пономарева, А. П. Рудакова, В. Н. Титова, А. Н. Шелепина.

Товарищ Н. С. Хрущев сердечно поздравил спортсменов с победами, которые они одержали на IX зимних Олимпийских играх, и отметил, что этими победами представители нашего спорта прославили Родину, наш народ, советскую молодежь.

Несколько часов продолжалась эта дружеская, сердечная встреча. Никита Сергеевич Хрущев еще раз пожелал спортсменам дальнейших успехов во славу советского спорта, во славу нашей Родины.

Премьер-министр Дании Енс Отто Краг 20 февраля нанес визит в Кремле Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву.
Фото А. Гостева.

ВО ИМЯ ДОБРОСОСЕДСТВА И ДРУЖБЫ

По приглашению Советского правительства нашу страну посетил с официальным визитом видный политический и государственный деятель премьер-министр Дании Енс Отто Краг с супругой.

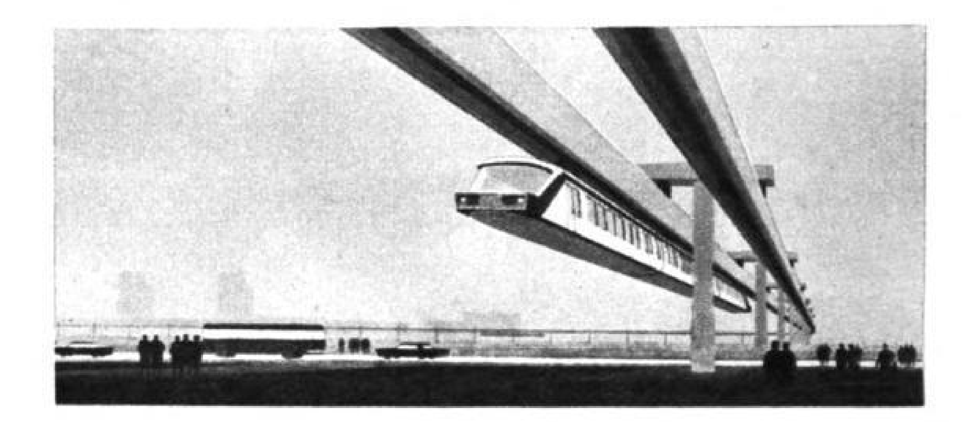
Приветствуя гостя, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев сказал: «Народы Советского Союза неизменно стремятся к установлению и развитию отношений истинного добрососедства с народом Дании. Ваш визит к нам мы понимаем таким образом, что эти чаяния близки сердцу и датского народа».

«Надеюсь, что мое посещение будет вкладом в дело улучшения отношений между народами наших стран»,— заявил Енс Отто Краг.

Гость из Дании имел встречи и беседы с Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым, государственными деятелями Советского Союза. Он ознакомился с Москвой, побывал в городах-героях Ленинграде и Волгограде, в столице Грузии Тбилиси.

Супруга премьер-министра Дании известная актриса г-жа Хелле Виркнер Краг посетила киностудию «Мосфильм».
Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

Воздушная, скоростная

Читатели «Огонька» спрашивают, что представляет собой монорельсовая воздушная дорога.

Ответить на этот вопрос наш корреспондент попросил Анатолия Степановича Луговцова — главного инженера института «Метрогипротранс», где производится проектирование такой дороги.

— Прежде всего,— сказал Анатолий Степанович,— разберемся, какие требования предъявляются к современному пассажирскому транспорту. Это: удобство, скорость, безопасность и дешевизна.

Автомобили, автобусы, троллейбусы и трамваи отвечают почти всем этим условиям, кроме, пожалуй, одного — скорости. То есть они способны двигаться очень быстро, но по свободной дороге. А этого-то в городах как раз и не бывает. Транспортникам пришлось уйти под землю. Однако постройка подземных железных дорог — дело трудоемкое и дорогое.

Идея надземных дорог не так уж нова. В некоторых городах Европы и Америки такие дороги существуют уже давно, но это, по сути дела, обычные рельсовые железные дороги, только поднятые на металлическую эстакаду. Постройка их очень дорога, скорость небольшая, а грохот от движения поездов делает их в городе нежелательными.

Поэтому мы решили создать подвесную воздушную дорогу. Вы, конечно, скажете, что подвесные дороги уже имеются у нас в Союзе. Действительно, но это канатные маломощные, тихоходные дороги, предназначенные для перевозок руды, угля или камня с карьера на завод. Правда, есть несколько маленьких пассажирских воздушных дорог, но о них говорить не приходится, это скорее фуникулеры. Какова же будет наша дорога?

Монорельсовая, то есть однорельсовая. Подвесная — значит, вагон пойдет не сверху рельса, а под ним.

По трассе с интервалом в 30 метров будут установлены полые железобетонные или металлические опоры в форме буквы «Т». К кон-

Интервью «Огонька»

Живет рядом хл

Н. Ф. КОЗИНЕЦ,
Герой Социалистического Труда,
директор совхоза «Горьковский», Кокчетавской области

Сейчас наша степь под снегом. И поля, и совхозный городок, и молодые сады, и пруды, и фермы... Вьюжит, зги не видать. А сойдут снега — и тогда глазу откроется красивая земля, освоенная энтузиастами, молодежью.

С каждым годом ширится хозяйство, усложняются проблемы его развития. Трудности первоустройства позади. Но никогда не забыть начала, первых дней. По существу, там, куда пробивались через снега, а потом и через распутицу автоколонны и тракторы с вагончиками, с людьми и техникой,— там ничего не было. И вот забили столбик, начертали на дощечке название совхоза. Развернули флаг. Бьется полотнище на ветру. Это было начало... Люди говорили не речи, каждый говорил о своей мечте увидеть эту бескрайнюю степь богатой, полной зелени садов и хлебного золота. Рядом со мной стоял паренек в телогрейке, в нахлобученной ушанке. Я запомнил его, это был Алексей Герт, семнадцатилетний тракторист. Запомнил потому, что со мной приехали на целину пятьдесят восемь семей из Донбасса, а этот хлопчик был почти местный, из Казахстана. Но он тоже мечтал о первой борозде. Помню, я сказал ему:

— Понимаешь, хлопец, какое дело великое — совхоз мы сейчас создали и будет здесь город и будут сады, а ты, может статься, инженером будешь. Счастье свое найдешь обязательно!..

Алексей усмехнулся.

— Я пахать приехал. Инженером стать — это дело долгое...

И вот минули годы. Не узнать наших мест. А места эти действительно наши, нашими руками преобразованы. Сейчас совхоз дает тысячи и тысячи тонн хлеба. Уже года три плодоносит сад, заложенный в первую целинную весну. Наши яблоки, смородина, сливы продаются в райцентре, а компот из собственных сухофруктов — постоянное блюдо в меню совхозной столовой.

В городке несколько улиц. Каждый дом — это трехкомнатная квартира с кухней, с газом и водопроводом. Про электричество уж я не говорю!.. В степи — чудесный пруд. Будет их три, обязательно сделаем, а что значит вода в этом крае, думаю, можно догадаться...

Но сбылось ли мое пророчество насчет инженерного будущего юного тракториста? Сбылось. Алексей Герт уж два года работает главным инженером совхоза. Хлопец

цам поперечной перекладины опор крепятся несущие балки. Внутри них будут находиться рельсы, по которым пойдут электромоторные тележки с подвешенным к ним вагоном. У каждого вагона будет две таких тележки с четырьмя электромоторами. В отличие от обычных металлических колеса у тележки резиновые, пневматические. Примерно такие же, как у автобуса. Колеса будут скрыты внутри балки. На случай, если шина спустит воздух, есть еще стальные колеса. Их диаметр несколько меньше, чем у резиновых, и, как только шина выйдет из строя, тележка чуть опустится и будет продолжать путь, опираясь уже на стальное колесо. Это исключает аварию.

Резиновые шины и то, что колеса будут скрыты внутри балки, сделают поезд почти бесшумным.

Поезда могут быть разные. От одного до шести вагонов. Вместимость каждого вагона — 100—120 человек. Максимальная скорость такого поезда — 150 километров в час.

Посадочные станции проектируются в виде легких павильонов из стекла и пластика.

Вас, конечно, интересует высота, на которой пойдут наши поезда. Забираться высоко нужды пока нет. Вполне достаточно, чтобы низ вагона свободно проходил над наземным транспортом, а это составит 4,5—5,5 метра. Поезда, пролетающие над двенадцатиэтажными домами, как рисуют некоторые художники,— пока только плод их фантазии.

Какова же гарантия безопасности движения? Дорога будет оборудована новейшим автоматическим устройством сигнализации и блокировки. Возможность катастрофы практически почти исключается. А в случае если поезд остановится между станциями, пассажиры смогут спуститься на землю по специальному трапу.

Строиться первая монорельсовая дорога будет в Москве. Очевидно, по трассе завод ЗИЛ — Нагатино, а затем до аэропорта Домодедово.

Строительство воздушной дороги в центре Москвы нецелесообразно. Потребуется сооружение высоких посадочных площадок, железобетонные опоры загромоздят улицы. Кроме того, частые остановки и крутые повороты, неизбежные в старой части города, очень снизят скорость. Другое дело — постройка воздушной линии при создании новых жилых районов.

Фестиваль Шостаковича

В 177-й школе города Горького любители музыки избрали Шостаковича председателем совета своего клуба.

Фото автора.

В международной практике известны фестивали, посвященные музыке одного композитора. Не так давно город Эдинбург посвятил фестиваль Д. Шостаковичу, а последняя «Пражская весна» расцвела музыкой С. Прокофьева. Однако концерты из сочинений этих композиторов дополнялись там музыкальной классикой.

Второй фестиваль «Современная музыка» в городе Горьком был целиком посвящен творчеству Д. Д. Шостаковича.

За десять дней здесь прозвучало более 50 произведений выдающегося советского композитора; в том числе восемь симфоний, все квартеты, квинтет, трио, вокальные циклы; инструментальные концерты; в постановке Московского музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко горьковчане услышали оперу Д. Шостаковича «Катерина Измайлова».

Крупнейшие исполнители нашего времени, объехавшие с концертами весь земной шар, и по числу витков вокруг него, как заметил М. Ростропович, «занимающие место где-то между Ю. Гагариным и Г. Титовым», участвовали в фестивале.

Государственный квартет имени Бородина явился в Горький прямо из Скандинавии. После продолжительной поездки по США приехал Д. Ойстрах. В полной боевой форме — во фраке — появился на вокзале М. Ростропович и тут же с вокзала уехал играть сонату Д. Шостаковича в Правдинск. Виолончелист каждый день без устали выступал в двух-трех камерных, симфонических концертах, а на закрытии фестиваля дирижировал симфоническим антрактом из «Катерины Измайловой». Сам Д. Шостакович, присутствовавший почти на всех концертах и встречах, все же успевал до обеда поработать над музыкой к кинофильму «Гамлет», и представители «Ленфильма» выхватывали листы партитуры у него прямо из-под пера.

Дмитрий Дмитриевич приехал в Горький вместе со своими учениками — аспирантами Ленинградской консерватории, игравшими в концертах и свои сочинения. Пожалуй, их успех — особенно у студенческой аудитории — доставил Шостаковичу наибольшее удовольствие.

Фестиваль был праздником не только для взрослых. Пионерская дружина школы № 177 Ленинского района города пригласила композитора приехать на открытие музыкального клуба. Встреча эта состоялась, и к многочисленным званиям Д. Шостаковича прибавилось еще одно — «Почетный председатель клуба любителей музыки»,— о чем свидетельствует врученный ему диплом. Тут же, во время встречи, школьники присвоили своему клубу имя Д. Шостаковича.

Фестиваль имел огромный успех не только в залах филармонии, консерватории и оперного театра. Концерты проходили в рабочих районах города — в Сормове, у автозаводцев. Бригады артистов выезжали в Правдинск, Павлово, Дзержинск, Кстово, районный центр Урень, Лысково...

Нигде не приходилось приспосабливать репертуар к местным условиям. В Дворцах культуры и клубах области исполнялись те же произведения, что и в концертных залах города: сложнейшие хоровые поэмы на слова революционных поэтов, квартеты, вокальные циклы. Фантастическая популярность музыкального праздника могла бы заставить поверить в «чудеса на Волге». Однако у чуда был реальный фундамент. Организаторы фестиваля очень много поработали. Они постепенно — задолго до фестиваля — начали подготавливать слушателей, приобщая их к великой мудрости и красоте серьезной музыки.

М. КАПУСТИН

опец...

прошел трудную школу жизни, поднял не один гектар степной земли. Потом учился в Алма-Ате и вернулся в совхоз механиком. Был молод, но мы доверили ему технику большого отделения. Алексей женился, сейчас у него уже подрастают двое «старожилов»... А тракторист тем временем стал инженером — дипломированным. Сейчас у Алексея под началом огромный машинный парк, в котором только тракторов около ста шестидесяти!

Вот вам история одного степного городка, история только одного его жителя. Одолел все трудности этот житель. А вместе с ним — и все первые в совхозе 58 семейств, которые приехали со мной из Донбасса...

Главное — ковыльная степь стала пшеничной.

В прошлом году, самом неурожайном, мы с каждого из 450 гектаров, засеянных элитной, превосходного сорта, сильной пшеницей «саратовская-29», собрали стопудовый урожай. Это наши семена, наш золотой трамплин к урожаям богатым и устойчивым!

Отшумят последние метели, отшумят талые воды, и выйдут в простор неоглядной нивы тракторы. И проводит до межи новых молодых трактористов Алексей Герт, тот самый, что мальчишкой приехал на целину, освоил ее и теперь организует работу очень большого и очень сложного машинного парка современной фабрики зерна.

Советские парламентарии во Франции

24 февраля во Францию прибыла делегация Верховного Совета СССР во главе с членом Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным.

Товарищ Н. В. Подгорный передал от имени советского народа, от правительства СССР и его главы Н. С. Хрущева наилучшие пожелания французскому народу. Он отметил, что обмен делегациями между Советским Союзом и Францией способствует сближению и взаимопониманию народов обеих стран.

На снимке: Париж. Глава делегации Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный возлагает венок на могилу Неизвестного солдата.

Телефото АФП — ТАСС.

Последняя фотография Дениса Федоровича Гоппа с семьей.

ПРАВДА О БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШЕМ

Генрих ГУРКОВ

— Разрешите?

Парень высокого роста, с рыжеватой аккуратной бородкой. У нас в редакции в дверь обычно не стучат — сразу входят. Он постучал.

Спокойно, даже очень спокойно сказал:

— У вас в седьмом номере в очерке «По следам «Кап Аркона» упоминается имя заключенного концлагеря Нойенгамме Гоппа Дениса Федоровича. Это мой отец.

Товарищи с Рязанского радио и из скопинской районной газеты, приехавшие в «Огонек», чтобы получить материалы о земляке — майоре Гордееве[1], замерли.

— Я Гоппа Валерий Денисович,— сказал парень.— Мне было полтора года, когда пришло извещение об отце: «Пропал без вести». В сорок втором. Мать искала, обращалась всюду. Нигде и никто не знал, что с ним случилось. И вот через двадцать два года — фамилия в «Огоньке». Расскажите мне об отце.

Он достает снимок. Это — последнее фото, где семья Гоппа в полном составе. Отец, мать. Ее зовут Мария Евсеевна. Малыш сверху — Валерий. Ниже — сестренка.

«...Пропал без вести»...— Верили ли они до конца в эту короткую и жестокую строчку, отпечатанную на официальном бланке?

Ты хочешь знать, каким был отец, Валерий? Ты узнаешь об этом. Подожди несколько минут. Ты не предупреждал, что придешь, но если бы ты это сделал, я позвал бы того самого человека, который сейчас войдет в комнату. Тебе расскажет об отце майор Василий Александрович Букреев, его товарищ и друг. Они вместе были в лагере, вместе руководили подпольной организацией. Сейчас без пяти одиннадцать. В одиннадцать Букреев приедет.

В одиннадцать он приехал.

Я не буду рассказывать, какой была встреча. Это нетрудно понять.

...У тебя был замечательный отец, Валерий. Человек высокого мужества и чести, исключительной доброты, настоящий солдат и коммунист.

Букрееву и ему антифашисты концлагеря Нойенгамме — русские, немцы, бельгийцы, французы, югославы — поручили разработать план восстания. Это значило доверить тысячи жизней. Он заслуживал такого доверия, твой отец.

По двое разрешала эсэсовская охрана ходить по лагерю. И два человека — Букреев и Гоппа — каждый вечер подолгу мерили шагами дорогу вокруг барака.

Все нужно было продумать. Нападение на казармы эсэсовцев... Захват склада оружия (там 250 пистолетов и 170 винтовок, сообщили немецкие товарищи)... Одновременный захват всех дотов... Блокировка всех дорог, чтобы отрезать лагерь от нацистских гарнизонов... Захват соседнего аэродрома — это должен сделать летчик-капитан Козуля со своими людьми... Попытка выйти на связь с частями Советской Армии и войсками союзников.

Чехословацкий коммунист Богуслав Дошлик, работавший в ревире — лазарете для заключенных, ухитряется одновременно класть на лечение все руководство лагерной организации сопротивления. Там, в ревире, ночью принимают план восстания. Командиром назначают Василия Букреева, начальником штаба — Дениса Гоппа.

Что произошло дальше, ты знаешь из «Огонька», Валерий. Товарные вагоны, Любексная бухта, 3 мая...

— Скажите, когда вы в последний раз видели отца?

Голос спокойный. Вот только сигарета пляшет в пальцах.

Букреев отвечает:

— Мы были в одном бараке. Нас отправили из лагеря вместе. В последний раз я видел его на борту «Атен». На этом судне нас перебрасывали на «Кап Аркона». Денис Федорович стоял на палубе «Атен». Я видел его, его не спутаешь ни с кем: у него была совсем белая голова. Больше я его не встречал. Его, должно быть, отправили на «Тильбек». Оттуда спаслось всего несколько человек. Отца среди них не было, Валерий.

— Можно, я пойду покурю?

...Если кто-нибудь подробнее знает о Денисе Федоровиче Гоппа, напишите в «Огонек». Мы передадим письмо Валерию Денисовичу Гоппа, инженеру-приборостроителю. Он три дня назад защитил диплом в Бауманском техническом училище.

---

[1] См. «Огонек» № 2 и № 7 за 1964 год.

ЖУРНАЛИСТЫ НА БОРТУ «ЛИТВЫ»

Гаснет свет в зале, однако сегодня вы становитесь не просто зрителем — сегодня вы будете путешественником. На борту советского теплохода «Литва» вы совершите увлекательное путешествие по Средиземному морю, увидите далекие страны, прекрасные экзотические города, посмотрите на жизнь других народов...

Нарядные автомобили на улицах городов, оживленные люди. Но вот камера поворачивает немного в сторону, и нашим глазам открываются другие картины. Человек несет на спине огромную тяжесть. Трудно понять, как это ему удается удержать ее! Смеющиеся лица на рекламах — и безнадежные лица безработных,— это бедняки Неаполя. По красивейшему городу мира старик Сальваторе провозит нас в своем старинном экипаже по узеньким улочкам.

— Чао, Сальваторе!.. Чао! — слышим мы со всех сторон. Здесь все знают друг друга по имени, все свои. А на центральных площадях Неаполя есть и чужие. Американские моряки. Еще не раз встретимся мы с этими наглыми, самоуверенными парнями во время путешествия; в парадной форме прогуливаются они по улицам средиземноморских городов, демонстрируя свой «образ жизни».

Мы встречаем их и в море. Что делает здесь, в Средиземноморье, американский авианосец? Тягостное впечатление и невеселые догадки...

Цель нашего путешествия — Африка.

До недавнего времени Африка означала золото, уран, нефть, алмазы и несметные, еще не разведанные, богатства для белых колонизаторов. И непосильный труд, бесправие, рабство для самих африканцев.

Сейчас этот континент — самый яркий пример того, как быстро и решительно меняется наша планета.

Именно поэтому и направилась сюда «Литва». Выбрав Алжир местом своей Третьей всемирной встречи, демократические журналисты мира подчеркнули свои симпатии, свое уважение к борющейся Африке. Ослепительно белое судно на голубых волнах Средиземного моря стало символом дружбы и правды.

В Алжире нас встречает Анри Аллег. Имя этого славного алжирского журналиста всем известно.

А вот на высокой скале, над самой водой,— вилла Казино де ля Корниш. Арабы говорят, что море у этого места стало солонее,— столько здесь пролито слез! Отсюда пьяные оасовцы сбрасывали в море замученных до смерти алжирских патриотов. Теперь здесь клуб Армии Национального Освобождения, где и произошло открытие Всемирной встречи прогрессивных журналистов мира.

«Пусть знаменем прогрессивных журналистов всегда будет правда жизни...».

Эти слова послания Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева журналисты встречают аплодисментами.

Начинается еще одно путешествие — теперь уже по Африке. Пирамиды — памятники былого величия и памятники двадцатого века: Асуанская плотина, новые города Ганы, больницы в Эфиопии... Мы видим новую строящуюся страну.

И вот «Литва» идет обратным курсом к родным берегам.

Это путешествие — такое увлекательное и интересное — мы совершили благодаря авторам фильма: А. Аджубею, Е. Аккуратову, В. Маевскому, Ю. Монгловскому, К. Непомнящему, Ю. Трушину.

Н. ГЕНИНА

На снимке: кадр из фильма. На языках всех народов мира беседуют журналисты во время приема в Кремле.

Триптих московский

Анна АХМАТОВА

ПОЧТИ В АЛЬБОМ

Услышишь гром и вспомнишь обо мне,
Подумаешь: она грозы желала.
Полоска неба будет твердо-алой,
А сердце будет, как тогда, в огне.

И так случится в тот московский день,
Когда навеки город я покину
И устремлюсь к желанному притину,
Свою меж вас еще оставив тень.

БЕЗ НАЗВАНЬЯ

Среди морозной праздничной Москвы,
Где протекает наше расставанье
И где, наверное, прочтете вы
Прощальных песен первые изданья,
Немного удивленные глаза...
«Что? Что, уже? Не может быть!»
«Конечно!»

И святочного неба бирюза,
И все кругом блаженно и безгрешно.

Нет, так не расставался никогда
Никто ни с кем — и это нам награда
За подвиг наш.

ЕЩЕ ТОСТ

За веру твою и за верность мою,
За то, что мы в этом с тобою краю,

Пускай навсегда заколдованы мы,
Но не было в мире прекрасней зимы,

И не было в небе узорней крестов,
Воздушней — цепочек, длиннее — мостов...

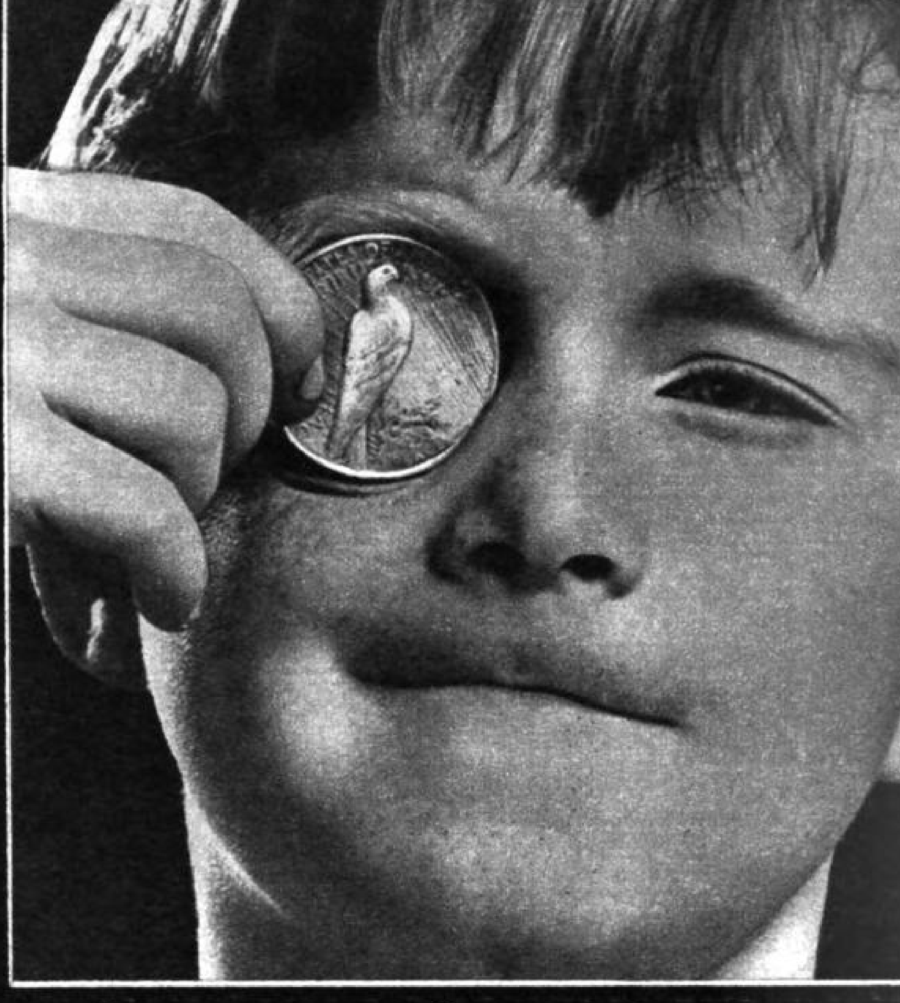
За то, что плывет все, беззвучно скользя,
За то, что нам видеть друг друга нельзя,

За все, что мне снится еще и теперь,
Хоть прочно туда заколочена дверь.

Генрих БОРОВИК,
обозреватель «Огонька»

РАК МОРАЛИ

Это американская реклама. Она учит смотреть на мир с точки зрения доллара.

Вечерами на 42-й улице людно, шумно, светло и грязно. По обрывкам газет, которые ветер гонит вдоль тротуара, банановым коркам, бумажным колпачкам-стаканчикам, оберткам от мороженого бредут прохожие. На углах, подрыгивая ногами в такт музыки, несущейся из ближайшего бара, стоят молодые ньюйоркцы. Одеты они по-разному. На одном углу преобладают кожаные курточки, на другом — грубые черные свитеры. В моде белые носки, коротковатые черные штаны из крепкой материи, которые никогда не гладят. На углах среди дергающихся юнцов много девочек-подростков. Неподвижные лица, стянутые толстым слоем смуглого тона, тоненькие белые шейки и лихорадочно бегающие глаза...

В каждом американском городе есть своя сорок вторая улица, хоть и под другим названием. На каждом углу этой улицы по вечерам собираются подростки и молодые люди в белых носках.

Мистер Гарнер рассказывал мне о них, понизив голос и даже оглядываясь. Мистер Гарнер — мой сосед по отелю, толстый, энергичный, белолицый человек с порхающими руками. Журналист из провинциальной газеты.

— Они спустят к чертям всю Америку!..— говорил он горячо, незаметно кося глазом на подростков в белых носках.— Дайте им вырасти. Они себя вывернут до конца...

— Вы уверены? — усомнился я.

— Да вы что, не знаете «возбужденных»?..

И мистер Гарнер, чуть брызгая слюной и извиняясь по этому поводу, рассказал мне, как он написал в своей газете о таких вот молодчиках, которые стоят на перекрестках в его городе, в штате Иллинойс. О, он их лихо разделал в газете! А через несколько дней устроил вечеринку у себя дома. Так, несколько сослуживцев из газеты и несколько уважаемых в городе людей. И вот часов в десять вечера подъехали две машины. Оттуда вышли люди в полумасках, у двоих были пистолеты. Они заставили мистера Гарнера и его гостей стоять молча, заложив руки за голову, и в течение нескольких минут били их по щекам. Женщин не трогали. Потом связали всех, заткнули рты кляпами и уехали.

Молодые люди и подростки взрывают почтовые ящики, поджигают бумагу в урнах для мусора, мчатся по городу на бешеной скорости, выставив в окна автомобилей голые зады, оскверняют портреты кандидатов в конгресс и отцов города, запускают в церкви кошек, привязанных к спинам собак, и т. д., и т. п. Странные, тревожащие душу респектабельного американца преступления.

Вместе со «странными» преступлениями растет число преступлений «обыкновенных», совершаемых молодыми людьми.

В 1962 году молодых людей в возрасте до 18 лет было арестовано в Соединенных Штатах на 9 процентов больше, чем в 1961 году.

Эти арестованные подростки угнали 62 процента всех похищенных за год автомашин, совершили половину всех краж, пятую часть всех изнасилований (данные основаны на арестах).

В 1963 году возросло число беременностей у девочек 12—13 лет.

В 1963 году возросло число самоубийств среди подростков 12—15 лет.

— Ничего святого!—вскидывал руки мистер Гарнер.— Это страшно! Я не знаю, куда они катятся... Ничего себе поколеньице...

«Поколеньице» действительно сложное.

В Соединенных Штатах его иногда зовут «поколением возбужденных» и считают преемником «потерянного» поколения.

Только очень немногие из американских публицистов, социологов, экономистов набираются достаточно мужества, чтобы взглянуть на причины трагедии молодого поколения глубже и рассказать о них публично.

Уильям Коффин, священник Йельского университета, говорит: «В обществе, основанном на конкуренции, обязательно есть проигравшие. Мы еще не поставили перед собой вопрос: что делать с проигравшими? В этом мы аморальны».

Священник, произнося эту горькую фразу, допускает одну неточность: он забывает, что в обществе, основанном на конкуренции, проигравших — большинство.

Кто стоит на перекрестках улиц в кожаных куртках? Люди, изнывающие от материального благополучия? Нет. Это шестнадцатилетние, «проигравшие», даже если есть среди них дети обеспеченных родителей.

Еще до окончания школы ребята знают, что они не нужны обществу, которое произвело их на свет.

Сейчас в Штатах, по данным журнала «Лук», не могут найти работу около миллиона юношей, окончивших школы. Одна шестая всей армии безработных США — молодежь до 20 лет, хотя эта возрастная группа составляет лишь четырнадцатую часть всей рабочей силы в стране.

Сейчас двадцатилетние — это те, кто родился во время войны. Но ведь после войны детей рождалось больше. Значит, через два года молодежи будет еще трудней. В прошлом году шестнадцатилетних в Соединенных Штатах было ровно на один миллион больше, чем в 1962 году.

Сейчас ежегодно ищут работу после окончания школы 2 300 тысяч молодых людей. Американские статистики считают, что к 1970 году эта цифра возрастет до 3 миллионов. А число рабочих мест, которые обычно получала молодежь, ежегодно уменьшается на 250 тысяч из-за введения автоматизации.

Вот слова министра труда США Уиртца: «Безработица среди молодежи может превратиться в одну из самых взрывчатых социальных проблем в истории американской нации».

Я так и вижу сейчас перед собой отсюда обоюдовыпуклого мистера Гарнера, который иронически поджимает мокрые губы и кипятится:

— По-вашему, меня и моих гостей били безработные? Зады в окна автомобилей выставляют безработные?!

Прав мой нью-йоркский знакомый. Поколение «возбужденных» — это не только безработица.

Профессор Пирмэн считает: «Самая важная вещь состоит в том, что ребята не чувствуют себя внутренне направленными. Они не знают, кто они и куда идут».

«Что-то чрезвычайно неблагополучное происходит с нашим обществом,— пишет С. Грэфтон в недавно вышедшем журнале «Лук»,— ибо мы не знаем, как научить детей вести себя в этом самом обществе».

Действительно, как научить американскую молодежь уважать простейшие принципы человеческой морали, если они, эти принципы, каждый день, каждый час, каждую минуту втаптываются в грязь на этой самой сорок второй стрит?

Если ты хочешь добиться успеха в бизнесе, ты должен плюнуть на элементарные нормы человеческой морали.

Если ты не хочешь плевать на эти нормы, ты разоришься.

Конечно, абсолютное большинство американских родителей хотят, чтобы их дети выросли честными, хорошими, высоконравственными людьми. Но абсолютное большинство родителей в США хотят и того, чтобы их дети «добились успеха» в жизни.

И это противоречие тоже приводит многих молодых американцев на перекрестки центральных улиц американских городов, где они, одетые в кожаные курточки, мелькая белыми носками, по-детски выражают свое презрение лжеспокойствию и лжедостоинству общества, в котором живут.

Идеологи капитализма пытаются срочно изобрести какие-то идеи, которые могли бы увлечь «возбужденное поколение», сообщить ему какие-то цели в жизни. Но изобретательство тянется уж какой год, а идей нет.

И вдруг недавно появилось нечто новое. С наибольшей полнотой новые мысли высказаны редактором американского журнала «Лук» мистером Робертом Маскином.

Да, кризис морали американского общества вступил в критическую стадию, соглашается он. Да, американское общество аморально. Да, противоречие между общечеловеческими нормами морали и американским образом жизни калечит людей, особенно молодых. Вывод? Простой. Надо создать новый свод принципов морали. Надо набраться мужества и объявить высокоморальными те аморальные поступки, которые существуют в бизнесе, в политике внешней и внутренней, в расовых взаимоотношениях, в вопросах пола и т. д. И тогда, как считает мистер Маскин, американское общество сможет с гордостью сказать, что оно высокоморально... а возбужденное поколение успокоится и перестанет показывать общественности голый зад.

Интересно, как отнесся бы мистер Маскин к врачу, который предложил бы избавиться от рака простейшим способом — не считать рак болезнью?..

Возбужденные молодые люди в белых носках продолжают взрывать почтовые ящики. Но кто скажет, где кончается детское возмущение лицемерием общества, в котором живет американская молодежь, и начинается просто разбой, просто насилие или просто убийство? Конечно, «возбужденные» — это не бо́льшая часть американской молодежи. Лучшие представители молодых людей США находят другие пути борьбы. А на углах сорок вторых улиц американских городов стоят на вид здоровые парни и девушки.

Умрет или не умрет в них человек?

ТАЙФУН ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Интервью с генералом Умберто Делгадо

Знакомые собратья по перу из корпуса иностранных журналистов, аккредитованных в Бразилии, заранее предупредили: пробиться к генералу Умберто Делгадо, одному из руководителей борьбы против режима Салазара, будет довольно трудно. Достав домашний телефон, позвонил. На другом конце подняли трубку. Мужской голос:

— Кто говорит?

— Корреспондент агентства печати «Новости». Из Советского Союза. Мне хотелось бы условиться о встрече с генералом, чтобы взять у него интервью.

— Так вы из Советского Союза, из Москвы? Прошу вас, подождите одну минуточку, я доложу генералу.

Действительно, не прошло и минуты, как тот же человек подошел к телефону.

— Простите, вы можете перед интервью предъявить документы, удостоверяющие, что вы действительно советский корреспондент?

— Безусловно. Я всегда ношу при себе удостоверение.

— В таком случае генерал будет ждать вас завтра дома, в своей квартире в одиннадцать часов тридцать минут утра. Устраивает вас это время?

— Вполне. Я приду точно. Спасибо. До свидания.

Умберто Делгадо.

— До свидания.

На следующий день в назначенный час я сижу в квартире Делгадо и смотрю, как генерал, пожилой человек крупного телосложения, с бритой головой, близоруко щурясь, разглядывает мое журналистское удостоверение и чуть-чуть при этом смущенно улыбается, как бы говоря: «Ничего, мол, не поделаешь, обстоятельства заставляют проявлять особую бдительность».

— Вы уж извините,— Делгадо возвращает мне книжечку,— положение у меня довольно деликатное, и бывали случаи, когда ко мне пытались пробраться под видом журналистов люди, ничего общего с этой благородной профессией не имеющие, но зато тесно связанные с небезызвестным Салазаром. Так что...— Генерал смеется и разводит руками.— Между прочим, я рад вашему приходу. С советским корреспондентом мне приходится беседовать впервые. Какие же у вас вопросы?

— Во-первых, хотелось бы знать ваше мнение о внутреннем положении в нынешней салазаровской Португалии.

— Отвечая на этот вопрос,— говорит генерал,— следует сказать об очень тяжелой экономической обстановке, сложившейся в стране. Салазар довел Португалию до грани катастрофы. Нищета — вот то слово, которое лучше всего характеризует жизненный уровень трудящихся. Пятьдесят семейств богачей держат в своих руках больше богатств, чем миллионы простых людей. Происходит непрерывное обнищание индустриального пролетариата, не говоря уже о крестьянстве. Дальше так продолжаться не может. Страна похожа на вулкан. Очень печально, что в результате долгих лет диктатуры произошел упадок духовных сил португальской интеллигенции. Настроения значительной части ее можно охарактеризовать как некий застой, «ревматизм мышления». И все же в целом в последнее время в кругах интеллигенции наблюдается заметный сдвиг влево.

Генерал Делгадо встал и, подойдя к шкафчику с документами, вынул из него небольшую папку с вырезками и какими-то материалами. Взяв плотный конверт, он протянул его мне:

— Здесь мной собраны заметки и статьи, относящиеся к январю 1962 года. В это время мне удалось пробраться в Португалию и предпринять попытку свержения салазаровского режима. Я приехал в страну с поддельным паспортом. Меня сопровождала моя секретарша. Интересно отметить, что у нее под шубой был спрятан мой генеральский мундир португальской армии, а когда мы проходили таможенный и полицейский контроль в аэропорту Лисабона, то никто ничего не заподозрил. К сожалению, операция восстания была недостаточно продуманна и успеха не имела, я имею в виду полный успех, хотя психологический эффект был огромный. Пусть попытка свержения Салазара в тот раз и не увенчалась успехом, но зато народ реально убедился в том, что оппозиция не умерла, что силы, способные противостоять салазаровской диктатуре, готовятся к активным действиям.

— Не можете ли вы сказать,— спросил я генерала,— об отношении правящих кругов различных стран мира к положению в Португалии, об их отношении к португальской оппозиции?

— Это,— ответил Делгадо,— один из самых деликатных вопросов, которые вы в состоянии мне задать. Ну, как вы считаете, почему салазаровский режим держится уже более тридцати лет? Из-за того, что Салазару оказывают помощь, а оппозиции в такой помощи регулярно отказывают. Представители Запада не поддерживают действия оппозиции из-за боязни «коммунистической опасности». Мало того, они прилагают все усилия, чтобы воспрепятствовать нашей деятельности. Приведу такой пример. Чтобы пробраться в Португалию, мне необходимо было на небольшой срок получить временную визу в одну из стран Европы. Франция, славящаяся своими демократическими традициями, не позволила мне остановиться на ее территории. Англия, страна, восхвалявшая мои действия во время второй мировой войны на стороне союзных войск, отказала мне в визе. Италия тоже отказала. Единственно, где меня поддержали,— в первом же консульстве страны социалистического лагеря. Я хочу заявить, что я не левый, я, как футболист Пеле,— левый полусредний. Среди коммунистов я всегда находил людей, готовых обсудить наши общие проблемы борьбы, людей действия, людей, готовых на жертвы и подвиги.

Мне оставалось задать последний вопрос.

— Скажите, сеньор Делгадо, какова ваша позиция в отношении борьбы народов португальских колоний за свое освобождение, за свою независимость?

— В этом вопросе моя позиция не изменилась с 5 октября 1960 года, когда я официально заявил, что португальская революция признает право народов на самоопределение. В декабре 1961 года в Марокко я установил контакт с Марио да Андраде, одним из лидеров борющегося народа Анголы. Мы стали друзьями с Андраде. В декабре 1962 года вся борющаяся оппозиция салазаровскому режиму опубликовала совместное заявление, в котором подтвердила свою поддержку трех пунктов: самоопределение народов, независимость колоний и прекращение огня. Я твердо стою на позиции оказания помощи борющимся за свободу народам. В то же время я придерживаюсь мнения, что первостепенной задачей является свержение диктатуры Салазара. Если восстанет народ в самой Португалии, то за несколько дней автоматически прекратится колониальное господство Салазара в колониях. Я уверен, что это произойдет скоро... Вот так я отвечу на этот последний вопрос. А сейчас разрешите мне подарить вам на память о нашей беседе мою книгу «Тайфун над Португалией».

Генерал снял с полки небольшую книгу, сделал надпись на титульном листе и протянул мне.

— Так как вы ничего не спросили о моих ближайших планах,— заметил он, улыбаясь,— то я сам посвящу вас в свои секреты. Через несколько дней я покидаю Бразилию и переночую поближе к Португалии, поближе к арене предстоящей битвы.

Прощаясь, я спросил у генерала Делгадо, не может ли он дать мне одно обещание.

— Пожалуйста,— последовал ответ,— но какое же это обещание?

— Что в Лисабоне вы мне первому дадите интервью для советской прессы сразу же после свержения диктатуры Салазара.

— Договорились,— серьезно сказал генерал.— Итак, до встречи в Лисабоне.

Олег ИГНАТЬЕВ,
корреспондент АПН

Фото автора.

КТО ПОЕДЕТ В АМСТЕРДАМ?

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Признаться, в дни Белой олимпиады мы, шахматисты, почти забыли про пешки, полностью подчинились инсбрукскому ритму и на расстоянии вместе с советскими туристами скандировали: «Шайбу! Шайбу!»

На фоне огромного спортивного ажиотажа никому не было дела до шахмат. Но сегодня, когда наши инсбрукские золотоискатели уже дома, хочется отметить, что и советские шахматисты также молодцы.

Советские шахматисты отправились в путь в разные страны парами. Ясно, что никто не может сравниться с Л. Белоусовой и О. Протопоповым, но пара В. Смыслов и И. Болеславский успешно «прокатилась» по Швеции, ветераны М. Ботвинник и С. Флор «танцевали» на голландской равнине. П. Керес и И. Ней — блестящий эстонский дуэт — блеснули на крупном турнире в той же Голландии — Бевервейке. Замечательная пара, М. Таль и Н. Гаприндашвили, удивила и изумила сначала шахматную Англию — в Гастингсе и затем Рейкьявик в Исландии. Там, где советские шахматисты, там победа!

«Там», за рубежом, успех советским шахматистам всегда обеспечен, если они даже имеют дело с таким соперником, как Бобби Фишер, который в этом году в чемпионате США набрал 11 очков из 11. Да, ничего не скажешь: здорово играет Бобби в шахматы! Но самые большие заботы неизменно ждут наших шахматистов дома: ведь на своих турнирах они испытывают всегда сильнейшую конкуренцию!

В напряженной борьбе протекал в Ленинграде XXXI чемпионат СССР. В нем зарегистрированы несколько «падений»: так, например, не сумел войти в состав зонального турнира такой молодой и способный гроссмейстер, как Лев Полугаевский. Что делать! В «добавочное время» в Москве в матч-турнире трех — Л. Штейн, Р. Холмов. Б. Спасский — победил Л. Штейн, новый чемпион Советского Союза. Резиденция чемпионата страны — Львов.

В прошлом наши чемпионаты страны считались одновременно отборочным турниром для межзонального турнира. Но ведущие шахматисты просили провести отдельный зональный турнир для выявления советских представителей на межзональном турнире — важнейшем этапе на пути к первенству мира. Этот зональный турнир сейчас в самом разгаре в Москве.

Международная федерация решила допустить персонально М. Таля прямо в межзональный турнир. Василий Смыслов поставил на обсуждение вопрос о том, почему его «экс» хуже. После этого Василий Смыслов был также прямо включен в состав межзонального турнира. Этот турнир начнется в Амстердаме 20 мая, в день рождения М. Эйве.

Вот почему и получилось, что в теперешнем нашем зональном турнире участвует нечетное количество участников — семь. Только трое победителей попадают в межзональный турнир.

Среди участников зонального турнира шесть наших ведущих гроссмейстеров и А. Суэтин — без пяти минут гроссмейстер. Неясно, попадет ли А. Суэтин в заветную тройку, но у него все шансы набрать норму для получения звания гроссмейстера, и это будет также хорошим призом за участие в этом напряженном турнире.

На турнире заведен новый регламент: после пяти часов игры — полуторачасовой перерыв «на ужин», и затем еще два часа игры. Но у какого гроссмейстера может быть хороший аппетит, если у него отложена партия? Тут кусок хлеба в горло не лезет. Теперь «рабочее время» участников зонального турнира — восемь с половиной часов, после чего в случае неудачи следует бессонная ночь. Да, незавидна жизнь шахматиста на пути к первенству мира!

Как попасть в тройку? Какую тактику применить? Осторожность? Нет, на одних ничьих до победы не доедешь. Это ясно всем участникам. Так, например, Е. Геллер с ходу решил броситься в атаку. Но в этом турнире и не так просто бросаться. У Е. Геллера получился весьма неудачный старт — два нуля! Именно так неудачно стартовал Д. Бронштейн в Ленинграде. Наученный горьким опытом, Д. Бронштейн играет теперь осторожнее, но четыре половинки — это тоже не то, о чем можно мечтать.

Мощно стартовал Р. Холмов. Две победы (над В. Корчным и Б. Спасским) — это весьма солидный запас в таком турнире. Перед седьмым туром, завершающим первый круг, у лидера — 3,5 очка из 5. Да, трудно будет у такого крепкого орешка, как Р. Холмов, отнять посадочный «талон» на поездку в Амстердам. Кто же из участников получит путевки в Голландию? Прямо скажем, очередь большая, и в этой очереди пока что Е. Геллер последний.

Правофланговый кибернетики

Юбилей, когда человеку шестьдесят или тем более семьдесят, всегда казался мне зловещим актом. Как же была я поражена, попав на шумный, прямо-таки веселый юбилей. Сколько было здесь шуток и смеха, сколько молодого задора!

Веселье достигло апогея, когда в конце заседания юбиляру вручили удивительный подарок. На трибуну поднялся человек и поставил перед виновником торжества кибернетическую машину!

— Это машина-экзаменатор,— сказал он.— Студенты одного из вузов подготовили такой ее вариант, который требуется академику.

Машина давала ответы на вопросы: «Может ли машина стать академиком?» или «Может ли академик стать машиной?».

На последний вопрос ответ был такой: «Может, если он стал членом многих комиссий», или: «Может, если работает, как автомат», или: «Может, если будет высказывать чужие мнения». Машине не был чужд юмор.

...Кто же этот человек, которого с такой любовью чествовали сотни людей: молодые и старые, штатские и военные, министры и студенты, философы и геологи, педагоги и хозяйственники? И при чем здесь кибернетика?

* * *

...Ну что ж, надо идти на драку... Вы считаете, что это полезная работа? Если полезная, надо защищать ее... Да, храбро воевать... Ничего тут особенного нет: одно из событий среди многих аналогичных... В общем, надо драться. А нервничать не надо: да, новое рождается с трудом... Скисла? Не надо скисать... Мало ли дураков на свете... Будем драться на другом уровне... Ну, в бой!

Телефонный разговор. Я услышала его, когда однажды субботним вечером пришла к адмиралу и академику Акселю Ивановичу Бергу. Сам того не ведая, он рассказал о себе гораздо больше, чем я надеялась узнать.

— Моя жизнь? Да вот она.— И он показал мне на груду писем.— За юбилейные дни я получил их свыше полутора тысяч от самых различных людей. Думал, многих давно нет в живых...

Я беру одно из писем наугад:

«Нас разделяют тысячи километров, у меня в саду зреют апельсины, лимоны, распускаются чудесные розы, а у Вас, судя по сегодняшней газете, в Москве, где я родился... 12 градусов мороза и на крышах синеет снег. Вспоминаю Медникова, Королькова, Карцева... Где они, все эти милые юноши, которые вместе с Вами и мной пили чай из больших кружек с двуглавым орлом?

Вы, кроме моей матери, умершей в Севастополе, не пожелавшей эвакуироваться, Вы единственный человек, которому я пишу на нашу Родину после 35 лет. Огромное счастье в жизни оставить после себя что-либо действительно полезное для человечества.

Уважающий Вас
А. П. Павлов (выпуска 1911 г.)».

Болью, затаенной тоской веяло от этого письма. Я с удивлением взглянула на Берга.

— Я отлично его помню. Оба мальчишками учились в Морском корпусе, вместе плавали на линейном корабле «Цесаревич», вместе в первую мировую воевали с немцами. Я сменил его в 1916-м штурманом на английской подводной лодке «Е-8», входившей в состав русского Балтийского флота. А потом наши пути разошлись...

Павлов бежал из революционной России. Берг — дворянин, сын царского генерала, стал на службу революции. Он командует советскими подводными лодками. Это он, будучи штурманом легендарной подводной лодки «Пантера», воевавшей в первую мировую, гражданскую и Отечественную войны, вел ее в знаменитый рейс в Копорский залив, где в течение 27 часов «Пантера» сражалась с подлодками английских интервентов. Сражалась, маневрируя в смертельной зоне минных заграждений.

— Приятная неожиданность: я получил письмо от бывшего младшего штурмана «Пантеры» Александра Ивановича Краснова.

...Я листаю письмо за письмом. Я погружаюсь в этот поистине живой паводок. Есть среди писем ве-

Ирина РАДУНСКАЯ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

селые, с шутливыми воспоминаниями, есть грустные, есть деловые. Есть длинные и совсем короткие, в несколько полосок телеграфного шрифта.

«...Приветствует и поздравляет Вас с семидесятилетием бывший комиссар Штаба Петроградской Морской базы и чрезвычайный комиссар по разоружению линкоров Плэттен Ян Янович. Смотрел на Ваше фото и сквозь него видел звездные пути революции, по которым мы вместе шагали...»

...Стихли залпы революции. Берг, влюбленный в технику, своими руками монтировавший первые радиоприемники, идет учиться в Военно-морскую академию. Он становится инженером, одним из первых ученых-радиотехников. И затем многие годы отдает воспитанию радиоспециалистов. Зайдите в любой учебный или научно-исследовательский институт этого профиля и спросите: «Есть ученики Берга?» Ручаюсь, вы не найдете ни одного учреждения, где бы вас тотчас не окружила шумная, энергичная, разновозрастная толпа берговских учеников.

...Стремительный темп жизни катастрофически прерывается. Наступает один из самых трагических периодов культа личности. Через жизнь Берга проходят почти три трагических года. Но чудеса бывают во все времена. И один из рассветов Берг встретил снова дома.

А через пару лет, когда Отечественная война была в самом разгаре и ее исход во многом зависел от того, будет ли наша армия обладать одним из мощнейших средств нападения и обороны — радиолокацией, партия ставит во главе этих работ профессора А. И. Берга. Бергу понадобилось все мужество моряка, опыт командира, знания ученого. Изнурительная и полностью лишенная намека на романтику борьба за отечественную радиолокацию требовала предельного и непрерывного напряжения сил. Он жил в служебном кабинете, вдали от семьи, деля часы между лабораториями, заводами и неизбежными заседаниями.

Аксель Иванович достиг пенсионного возраста, находясь на посту заместителя министра обороны СССР. Катастрофа, как всегда, наступила внезапно. В железнодорожном вагоне Берг потерял сознание. Врача поблизости не

Электроника и медицина — проблема сегодняшнего дня.

→

Папа, мы пойдем на лыжах?

День загружен до предела: заседания и выступления, споры и консультации, советы по телефону и жаркая дискуссия с глазу на глаз.

оказалось. Впоследствии выяснилось, что это был тяжелейший инфаркт.

Но воля к жизни и железный организм победили. Берг снова стал в строй. Мало того, он увлекся молодой наукой, загадочной незнакомкой, которую многие сначала приняли за авантюристку. Вот как об этом сказал на юбилейном заседании друг и сверстник Акселя Ивановича академик А. Л. Минц:

— Признанный и прославленный ученый-радиотехник академик Берг изменил круг своих интересов. А это вовсе не так просто после 60 лет. Он возглавил в нашей стране молодую науку — кибернетику. Героизм этого перехода заключается не только в том, чтобы заново переучиваться в этом возрасте, но еще больше в том, чтобы броситься в область, которая отдельными нашими философами определялась как лженаука, как проявление буржуазного идеализма. Вот почему почитатели Берга именуют эту науку «ки-берг-нетикой».

Берг — человек очень современный. Ему по душе тот темп, в котором шагает наша жизнь. Он не желает ждать, пока кибернетика по примеру своих бабушек выпросит себе признание. Нет, и еще раз нет! — говорит Берг. Ей нужно проложить дорогу в самые различные области техники, промышленности и хозяйства. Ее надо сделать основной наукой управления.

Берг возглавляет Совет по кибернетике, верховный кибернетический орган нашей страны, всю свою энергию, всю страсть воина он обрушивает на сомневающихся и колеблющихся, на невежд и консерваторов. Вы можете услышать его бурную, зачастую дерзкую речь и в педагогической аудитории, и в металлургическом институте, и перед собранием геологов, и в среде философов. Он призывает строить электронные машины, которые будут, как никто, беречь народную копейку, которые помогут ученым в сложнейших расчетах, хозяйственникам в планировании, геологам в использовании огромного материала о подземных богатствах, медикам в лечении и профилактике болезней.

... Прошел юбилей. Берг вступил в восьмой десяток. Но слова «покой и пенсия» все еще не вошли в его словарь.

— Настала эра революции в педагогике,— говорит Берг.— Наука развивается такими темпами, что прежние методы обучения не поспевают за эволюцией знаний. Мало изменить учебники, мало увеличить количество школ и высших учебных заведений. Надо конструировать специальные обучающие машины,— их всеобъемлющая память, умение быстро анализировать ситуацию поможет обеспечить высококачественное обучение в самом далеком селе и ауле. Конечно, программу действий таких машин будут составлять опытные педагоги.

Недавно начал свою деятельность Совет по программированному обучению. И, конечно, главную роль играет в нем Берг.

День академика, как и в юности, начинается в 5 часов утра. В 6 часов он за рабочим столом. Он считает, что два утренних часа стоят пяти дневных: голова свежа, и телефон молчит. Затем получасовая прогулка с дочкой, и он в своем служебном кабинете...

Василий ЖУРАВЛЕВ

Перекаты

Рисунок А. Краснова.

* * *

Грачиные ручьи, да выпь в ночи,
да мир цветенья
от отцов в наследство...
Ах,
сельское задиристое детство,
прошел тебя —
и ног не замочил!
Уроки на мостках реки учил,
да плуг влачил
по теплой пашне голой.
И не заметил,
как с начальной школой
я первую ступень перескочил.

И юность
быстрая на быстрые дела,
железо накаляя добела,
мне в жизни,
на второй моей ступени,
дала
не только росный куст сирени,
но и оружье воина дала.

И ныне,
разделив и свет и тень,
наполнив созиданьем
каждый день,
седое время планов и сражений
меня вперед
ведет без понуждений
за горизонт,
где ждет моих свершений
неторопливой зрелости ступень.

* * *

Сенокосный да веселый,
давший юности разбег,
здравствуй,
росный мой поселок —
нефтеносный Малгобек.
В свежих далях не впервые
на подоблачном юру
всюду вышки буровые
словно пляшут поутру.
Хищная кружится птица,
с неба падая молчком.
Малгобек мой скулолицый,
дай мне вволю насладиться
вешней яблоней-дичком.
Дай войти в твои ворота,
чтоб увидеть поскорей
рядом с трудною работой
красоту земли твоей.

* * *

Спокойная, лесная, полевая,
покачивая в волнах облака,
препятствия в пути одолевая,
по перекатам катится река.
Еще недавно,
в жирных клочьях ила
крутые волны вынося в залив,
она и бунтовала и бурлила,
щебенкою все русло завалив.
Теперь же,
спотыкаясь о пороги,
покачивая стынущий закат,
так тяжело ей со своей дороги
смывать за перекатом перекат.

* * *

Анна Ивановна! Вас
я вспоминаю сейчас...
Реденький иконостас
все еще не погас.
Вечер за ветряком
стелет туман густой...
Кружку с парным молоком
ставите вы на стол.
Кружку с зарей парной
ставите передо мной.
И,
руки скрестив на груди,
снова стоите в тени...
— Ты у меня... гляди,
Зойку не обмани!..

Пронизал окно из синьки
месяца косящий взгляд.
Тени от листвы осинки
белизну стены пестрят.
Равнодушно и упрямо
в тишине сосна скрипит.
Зоя, Зоя! Видишь, мама
спит
и словно бы не спит.
Терпеливой и сторожкой,
ей, наверное, опять
думки о твоей дорожке
белизну души пестрят.

* * *

Закат отпылал.
И в кузне зеленой
работяга — зеленый кузнечик
покинул свою наковальню
из лунных лучей.

Черемуха песней цветенья
наполнила вечер
и мягкою тенью прикрыла
уже задремавший ручей.

Закат отпылал.
Луна, словно рыжая кошка,
замерла
на причальном помосте.
И замерли зыбкие сходни.
И замерло сердце в груди.

Подруга моя!
Поскорей приходи
к моему одиночеству в гости,
к цветенью черемухи в гости
и в гости к ручью приходи.

* * *

Бывало так
и так всегда сбывалось:
чуть человек
продрогнет на ветру,
к костру чужому подойдет
и малость
погреет кисти одубевших рук.

Об этом знали мы,
не только что читали,
но с самых детских,
с самых дерзких пор —
всегда и всюду
мы предпочитали
свой собственный
раскладывать костер.

Раскладывали —
лишь рука смогла бы!
Раскладывали
в дождь и на ветру.
И нам приятно было,
если слабый
порой
тянулся к нашему костру.

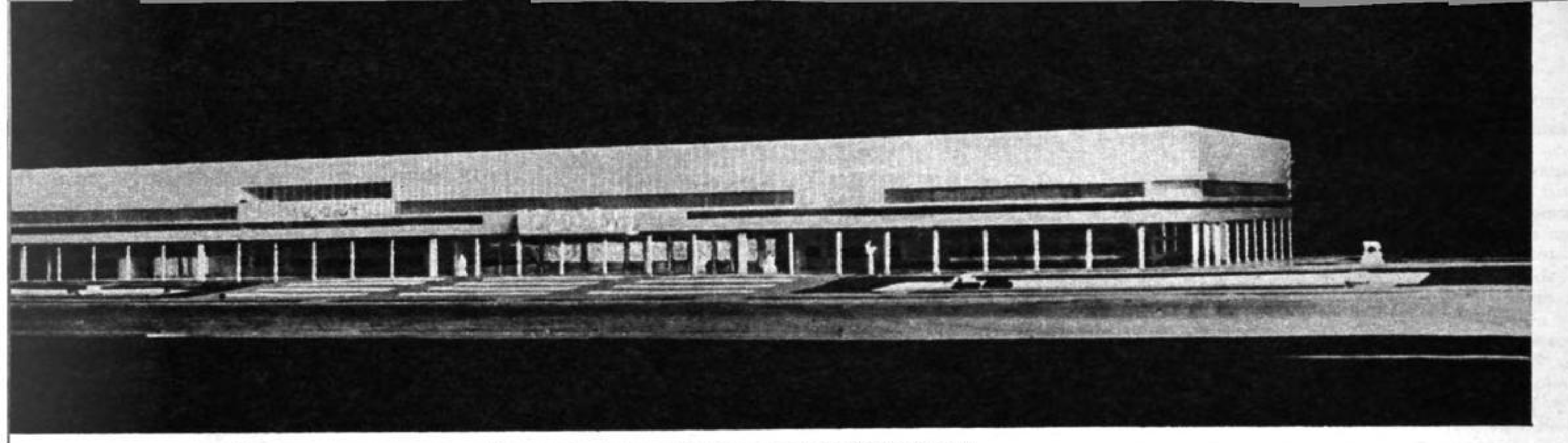
Ровесники мои,
теперь уже папаши!
Мне нравится,
что и до сей поры
в пути
опять мы разжигаем наши
из юности пришедшие
костры.

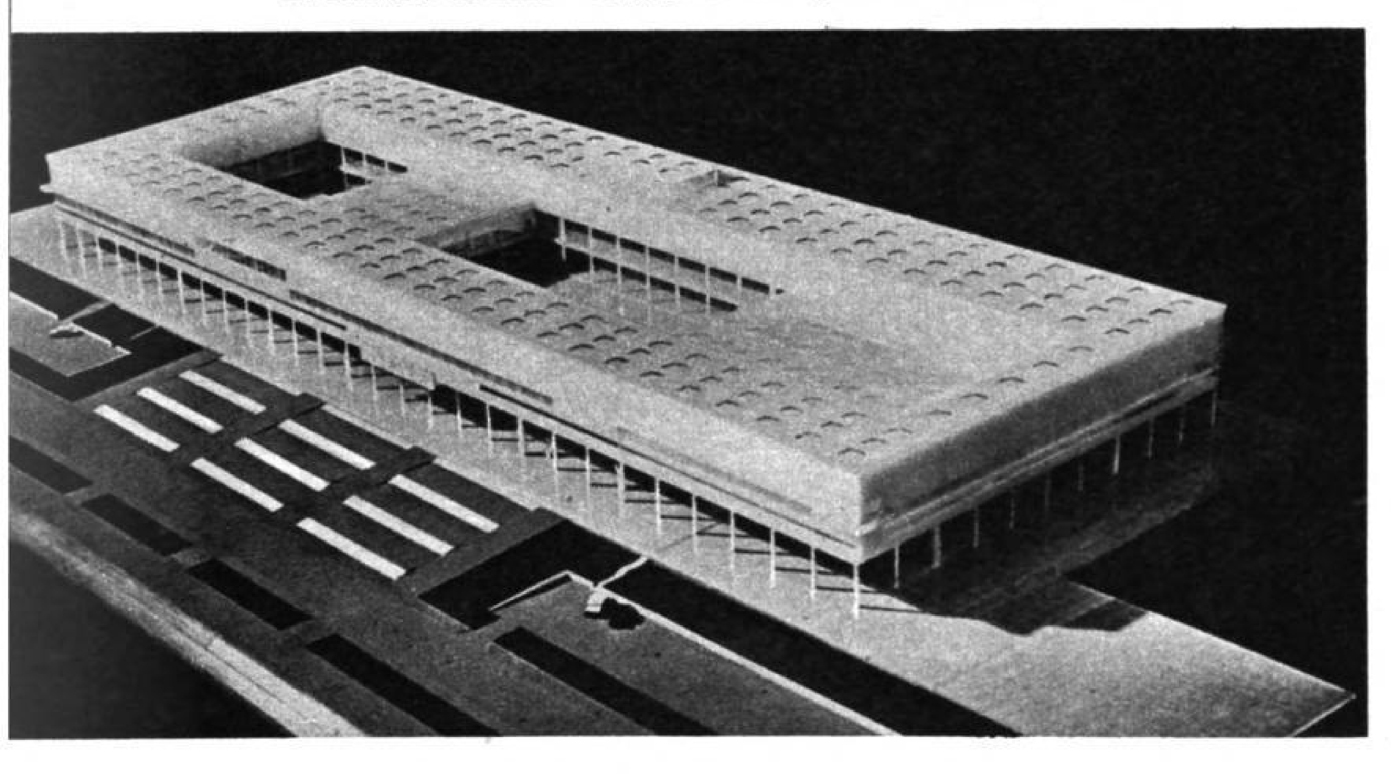
Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА

На этих двух снимках — Государственная картинная галерея СССР (макет).

Гигантские масштабы строительства Москвы известны всему миру: ежедневно ее жители получают в среднем 350 квартир; каждые восемь-девять дней — школу.

Но не только тысячами новоселий определяется размах столичного градостроительства. Москва — крупнейший центр советской и мировой культуры. И это ко многому обязывает зодчих — творцов новых зданий театров, музеев, библиотек, выставок... Каковы замыслы, свершения?

Мы попросили рассказать об этом председателя Исполкома Моссовета В. Ф. ПРОМЫСЛОВА.

Зам
и св

Гостиница «Россия». В ее ансамбле — самый большой в Москве концертный зал.

В. Ф. ПРОМЫСЛОВ,
председатель Исполкома Моссовета

Цирк на проспекте Вернадского.

Представим себе, что перед нами справочник «Москва», по традиции выпускаемый издательством «Московский рабочий». Но на обложке дата: «1967». Славный год: пятьдесят лет Советскому государству! Заглянем в завтрашний день.

...Третьяковка, МХАТ имени Горького... Кто не переступал с волнением пороги старинных зданий в Лаврушинском переулке и в проезде Художественного театра! А вот в справочнике другие адреса. Любимая народом картинная галерея и прославленный русский театр уже справили новоселье.

На Крымской набережной, в обширном тенистом Парке искусств, воздвигнуто монументальное, об-

лицованное белым подмосковным камнем здание Государственной картинной галереи СССР. Все здесь, начиная от вестибюля с гардеробом на шесть тысяч человек и кончая экспозиционными залами, производит внушительное впечатление.

С этажа на этаж поднимаешься широкой лестницей или по эскалатору. Полтораста экспозиционных залов, и среди них специальный — памяти П. М. Третьякова; просторный лекторий, многочисленные научные кабинеты, книгохранилище, реставрационные мастерские, рентгеновский кабинет, фототека — всего не перечесть!.. Средняя высота залов — семь метров, но есть и высотой в десять-одиннадцать метров, те, где экспонированы, скажем, грандиозные картины Александра Иванова или скульптуры советских мастеров.

Ученые и конструкторы много потрудились над решением проблем освещения, вентиляции, кондиционирования воздуха, автоматического удаления пыли.

Под одной крышей с галереей расположится Выставочный зал Союза художников. И лучшим, выдающимся работам советских художников легче будет, как говорится, перебираться с выставки в галерею.

ничным — задача, стоящая перед коллективом архитекторов. Размеры зала останутся примерно такими же, как и в нынешнем здании,— на 1 250 человек. Не будет ни одного неудобного места. Идеальная акустика: где бы вы ни сидели — в первом ряду партера или в последнем ряду верхнего яруса,— от вас не ускользнет слово актера.

Более полувека назад К. С. Станиславский радовался вращающейся сцене или «электрической рояли, с помощью которой можно управлять всем светом сцены и театра».

Мысленно перенесемся в зрительный зал нового здания. Невидимые зрителем, разместились пост управления освещением сцены, свето- и кинопроекционные аппараты, речевая кабина, радиовещательный и телевизионный пункты. Точные приборы, управляемые умелыми руками, помогут осуществить любой сценический эффект, постановочный замысел. Рука об руку с режиссером работает инженер. Механизация сцены обеспечит бесшумную, непрерывную и, главное, быструю монтировку декораций во время спектакля. Актеры не испытывают при этом никаких помех. Как и в Кремлевском Дворце съездов, оркест-

нов и водяных феерий. Приказ с пульта управления — и резервная арена подается в зрительный зал.

Под куполом запроектирована круговая кинопанорама. Не забыта и большая эстрадная площадка.

Строительство зданий МХАТ и цирка начнется уже в нынешнем году.

И еще об одном театре. У площади Маяковского реконструируется старинное здание, освободившееся после переезда Театра оперетты в другое помещение и отданное Театру сатиры. Отдать-то отдали, а играть в нем оказалось неудобно. Пройдет немного времени, и на фронтоне реконструированного здания зажжется знакомая неоновая вывеска. Здесь все будет выглядеть по-иному. Рациональная планировка, современное оборудование сцены, оригинально решенный зрительный зал...

А теперь отправимся в район Фрунзенской набережной. Между 2-й и 3-й Фрунзенскими улицами, на участке в четыре гектара, растут сооружения, которые, без сомнения, привлекут внимание любителей балетного искусства в нашей стране и за ее рубежами. Сюда из тесного, вековой давности дома, что на Пушечной улице, переберется Хореографическое учи-

зал Дома союзов или Зал имени П. И. Чайковского. В этом же ансамбле — двухзальный широкоэкранный кинотеатр.

А раз мы заговорили о кино, то не могу не напомнить, что в одной из мастерских «Моспроекта» разработано предложение о строительстве гигантского кинотеатра на четыре тысячи мест.

Сотни библиотек — больших, средних и малых — насчитывается в столице. Две из них, пользующиеся всемирной известностью, сменят местожительство. Всесоюзная библиотека иностранной литературы уже готовится к переезду в строящееся для нее здание на Берниковской набережной. Недавно утвержден проект здания Фундаментальной библиотеки Академии наук СССР в Новых Черемушках. В отличие от многих советских и зарубежных библиотечных корпусов он задуман не вертикальным — в нем всего три этажа,— а горизонтальным. Книгохранилище рассчитано на семь миллионов томов. Впоследствии, не меняя конструкции здания, путем его расширения, можно будет вдвое увеличить книжные фонды.

В последние годы Москва украсилась рядом прекрасных монументов, увековечивших память вы-

Интервью «Огонька»

ыслы
ершения

Библиотека Академии наук СССР.

Архитекторы, работая над проектом, поддерживают тесный контакт с искусствоведами, работниками музеев. Они побывали в знаменитых галереях Запада, ознакомились с их опытом. И можно с уверенностью сказать, что наша национальная гордость — Картинная галерея СССР — по своему оснащению будет одной из лучших в мире. В течение года она сможет принять посетителей по крайней мере вчетверо больше, чем нынешняя Третьяковка.

...Знаменитая мхатовская чайка перелетит на Тверской бульвар. С довоенных времен здесь стоит законсервированная коробка здания, когда-то предназначавшегося Музыкальному театру имени Вл. И. Немировича-Данченко. Сейчас это здание решено реконструировать и передать Художественному театру.

Константин Сергеевич Станиславский в своих воспоминаниях пишет, что девиз, которым руководствовались при постройке первого здания МХАТ в бывшем Камергерском переулке, гласит: «Все — для искусства и актера, тогда и зрителю будет хорошо в театре». Сделать новое здание МХАТ привлекательным, запоминающимся и в то же время сдержанным, лако-

ровая яма будет опускаться или подниматься по нажиму кнопки.

Здание театра можно разделить на три части. Первая принадлежит зрителю: зрительный зал, гардеробы, исключающие сутолоку, фойе, курительные, буфеты, анфилада комнат Музея МХАТ. Вторая часть театра — для артистов: хорошо обставленные уборные, как правило, расположенные поблизости от сцены, репетиционные залы и даже специальная комната для настройки инструментов оркестра. И третья — то, что недоступно постороннему глазу: машинное отделение, трюм, арьерсцена, различные склады и мастерские.

В справочнике 1967 года изменится и адрес Московского цирка: вместо Цветного бульвара — проспект Вернадского. Рассчитанный на три тысячи зрителей, новый Московский цирк будет одним из крупнейших в Европе. Интересно задуман проект: ребристый купол, издали похожий на огромный шатер, опирается на железобетонные колонны.

Предусмотрено три манежа. На одном разыгрывается представление, а на остальных двух подготовлена аппаратура и декоративное оформление сложных аттракцио-

лище Большого театра, школа лучшего в мире балета. Центральное место в основном корпусе займут интернат и двадцать классов танца. Тут же учебный театр с залом на 500 человек.

И еще о балете. На этот раз о балете на льду. В Лужниках, на территории Стадиона имени В. И. Ленина, строится специальный крытый, с трибунами, каток для тренировок и выступлений.

Если говорить о театральных новосельях, то надо упомянуть и руководимый народным артистом СССР Сергеем Образцовым Центральный театр кукол. В 1965 году на Садово-Каретной улице начнется строительство здания этого театра. В перспективе — сооружение на Юго-Западе столицы здания Театра народного творчества. На его подмостках будут выступать талантливые коллективы художественной самодеятельности Москвы и других городов страны.

В 1965 году завершится строительство самой большой в СССР гостиницы — «Россия». Она воздвигается недалеко от Кремля, в Зарядье. Это не только гостиница. Ансамбль отеля включает универсальный киноконцертный зал на три тысячи мест, значительно больший, чем, скажем, Колонный

дающихся государственных деятелей, ученых, писателей. В недалеком будущем в сквере у гостиницы «Украина» встанет бронзовая скульптура Т. Г. Шевченко. Модель ее была недавно осмотрена и положительно оценена руководителями партии и правительства.

На проспекте Мира, неподалеку от ВДНХ, сооружается обелиск в честь запуска первого советского искусственного спутника Земли — сверкающая стрела, стартующая с мощного основания. А внутри основания разместится музей, экспонаты которого расскажут о победах СССР в области освоения космоса. В ближайшее время завершится проектирование обелиска Свободы, что будет установлен на Советской площади. Но самая почетная задача наших скульпторов и архитекторов — это памятник Ленину. С огромным воодушевлением трудится большой творческий коллектив над созданием образа Владимира Ильича.

Ни одна капиталистическая страна не может сравниться с Советским Союзом по размаху культурного строительства. Наше государство делает максимум возможного, чтобы лучше, полнее удовлетворить растущие духовные запросы советских людей.

Люди слушали Мартынова, верили ему...

В зимней деревне ложатся рано. Когда нас определили на постой, пришлось хозяйке Татьяне Ивановне слезать с печи, искать ощупкой кофту, доставать из печи топленого молока.

— А хлеба вам, ребятки, городского или нашего? — спросила она и, не дожидаясь ответа, нарезала серые ломти от каравая неохватного диаметра.

Тихо. Ни ходиков, ни сверчка! Только вздыхает разбуженный теленок.

Мы ели мягкие, пахнущие летом и солнцем, теплые ломти, прихлебывали желтое молоко с пенками и слушали старую хозяйку.

— А было лето на ту пору сухое. Бездожье, как летось. В поле ни былинки, ни травинки. И ручей пропал, ушла вода. То ли кара божья, то ли климат, как нынче по радио объясняют, а только не ждал народ ничего хорошего. Вот тогда, в самую сушь, и навалилась гроза. Сказывали старики, что быдто ударил в одночасье гром страшный, пала молония и пробила она треснутую землю. И родился ключ на том месте. И напоил он и людей, и землю, и скотину, и каждую сохлую былинку. До сих пор тот ключ бежит, а сколько лет минуло! Неиссякаемый, незамерзаемый. Стужа либо сушь — бабы к нему за водой ходят. На той воде и хлебы наши ставят. Нет ее мягче, чтобы самые густые косы промыть. А деревню с того раза Громовым люди кличут...

Татьяна Ивановна полезла на печь. Мы тоже легли. Сопели внучата хозяйки на широченной кровати под морозными окнами.

* * *

Встали мы, конечно, позже всех. Ребятишки до света ушли в школу — им за три километра, в соседнюю деревню. За печью — возня, игры. Пробежал, танцуя свой ритуальный танец, котенок с мышью. Совсем близко орал петух. За большими розовеющими на восходе окнами урчали голуби — устроились, наверное, под стрехой.

Татьяна Ивановна выговаривала нам: «Какие едоки, такие и работники...» В конце концов она заварила нам сухих яблок и нарезала вчерашнего, все так же чудесно пахнущего солнцем и летом мягкого каравая. Мы скоро управились и вышли на улицу.

Ночью пуржило. Мело и сейчас. Дома, столбы электролинии, сады, протянувшиеся вдоль улицы,— все было завалено снегом. Пробитую с вечера бульдозером дорогу заново переметало у нас на глазах. Снег тяжело лег и на соломенные крыши этой безлесной деревни, и на провода, и на всю окрестную равнину матовой белизны, начинающуюся сразу от задов Громового. Белым-бело, даже глазу больно. Только там, где выбеленные инеем яблони крайнего сада сбегают под оснеженный угор, графически четко чернел живой ручей.

Ключ, тот самый... Он возникал среди серебристой наледи и многих рыжих следов, такой неожиданный в охолодавшем мире белого, чуть подсиненного утра. Мы опустили ладони в воду.

Теплый ток родника струится из-под рыжего камня, оплетенного скользкими корнями. Струится тоже и золотистый песок и никлые, вытянувшиеся по течению нити сочных травинок.

Узкая, быстрая и почти невидимая для глаза родниковая струя ширится, разливается, уносится дальше, дальше, пока не исчезает под толстым пологом снегов.

...Возле правления сугробы еще выше. И коновязь завалена снегом. У коновязи дремлют поросшие инеем лохматые лошаденки. Тихо. Только изредка с надрывом кричит ворона, рассевшаяся на телевизионной антенне.

В правлении жарко натоплено. Но люди, кроме счетоводов, не раздеваются — люди в полушубках, в толстых пальто, поверх которого непонятно как натянут плащ. Входят, выходят. Каждый озабочен своим. Кто на горло берет, кто молча уходит, очевидно, ни с чем.

За перегородкой и жаркой печью — кабинет председателя.

Председатель, Анатолий Мартынов, в недавнем прошлом главный агроном Щигровского производственного управления, уже успел в то утро побывать на двух фермах. Теперь вместе с Верой Холодовой, колхозным экономистом, он всматривается в долгие колонки цифр. Потом они что-то сравнивают, пересчитывают. То и дело гремит, а когда готов итог, то нежно позвякивает арифмометр.

Мы попали в колхоз «Комсомолец», можно смело сказать, в исторические дни. Громко сказано? Ничуть. Колхоз — один из отстающих. С этим свыклись и в управлении, и в деревнях, трижды объединявшихся мелких артелях, едва прокармливавших себя. Почему так случилось, сейчас, может быть, и не время доискиваться. Таких вот деревенек, как Громовое, Горелово, Головинка, на курской земле до сих пор еще немало. Но на этой же земле есть и знаменитые Марфино с Калиновкой... Догнать их—наипервейшая, прямо-таки жизненная задача и «Комсомольца» и других хозяйств.

Мартынову двадцать восемь лет. Зовут его тут по имени и отчеству, а то и совсем хорошо — Филипповичем. Лицо у него молодое, ясное, открытое. Он часто сутулится, много молчит, людей выслушивает с неделанной заинтересованностью. В ответах и распоряжениях не резок, участлив, но тот будет глуп, кто это внимание, мягкость, культуру в обращении сочтет за безволие, нерешительность. Он очень тверд в своих суждениях и дважды не повторяет того, что велено однажды.

Когда Анатолия везли «сватать» в колхоз, ему — припоминает — было не по себе. Одно дело — долг, а другое — когда вся, тогда уже определившаяся в райцентре жизнь, хоть и с трудной, но уважаемой и хорошо оплачиваемой должностью главного агронома, пошла насмарку.

Привезли на собрание. Его многие в Громовом знали. Да и в Гореловом и в Головинке знали, потому что работал поблизости агрономом и еще потому, что родом сам он и родители его недальние, из Щигров. Шумели недолго, проголосовали дружно. Утром принял дела и колхозную печать. Определился на квартиру. И начались те десять месяцев, за которые завтра, уже в качестве председателя, он будет впервые отчитываться перед колхозниками «Комсомольца».

Десять отчетных месяцев... Долгие и несказанно трудные. Было все: и пересев не вышедших из-под снега озимых, и небывало сухое лето, и наветы деревенских анонимов, и мужской разговор с отстраненным предшественником, которого по пьяному делу склоняли возглавить «группировку» якобы верных ему до гроба сторонников, и борьба с самогоноварением и бессовестной растащиловкой на фермах. А тут еще бескормица рано навалившейся зимы... И, конечно, были деятельные дни и ночи, перекройка посевов, ликвидация долгов перед государством, ожесточенная борьба за первые накопления в банке, добыча строительных материалов, племенного скота, элитных семян... И планы, планы — как вырваться из экономических пут? Путы — неожиданно точное в этой его ситуации слово. Настолько запутанной представилась новому председателю экономика колхоза, что он видел выход не в том, чтобы искать, распутывать концы, а в том, чтобы рубить их — с ходу и как можно скорее. Ладить из старого и на этом старом ставить латки,— нет, он пойдет другой дорогой. Все переиначить, все заново!.. А заново — это всегда очень нелегко.

— Но я пошел на это,— говорит Анатолий.— Прежде всего предстояло изменить самую атмосферу в колхозе. Народ здесь недружный. Всяк за себя, на особинку прожить старается. Всяк тащит себе в избу, а тащили, откровенно скажу, буквально все, что попало... За водкой — и то на тракторе... Вот и хотелось перво-наперво изменить эти отношения. И между односельчанами и вообще к колхозу. Второе — оплата. Ни по одной графе мы плана и нынче еще не выполнили, а с колхозниками правление все-таки рассчиталось. В неурожайный год. Это им о многом сказало. Теперь поставил целью, чтобы не по на-

Николай БЫКОВ

Фото Л. Шерстенникова.

ЛЫЙ ЛЮЧ

рядам на работу их посылать, а чтобы сами они шли и требовали каждодневно себе дела...

И не только вот это он, Филиппович, успел сделать, как завтра скажет, за отчетный период, а и многое другое. Плохо, нет специалистов. Первая ласточка, которая во многом уже сделала грядущую весну,— Вера, экономист. Родом из Хомутовки, по образованию агроном, а стала после курсов экономистом-плановиком. Сейчас Вера уже на третьем курсе экфака Воронежского сельхозинститута. Она помогла расписать и осуществить первые мероприятия по переходу на хозрасчет. Вместо десятка былых бригад — три производственных участка. Каждому заведующему участком будут приданы — когда они появятся в колхозе — три специалиста: агроном, зоотехник и механик. А еще лучше, если инженер! Строгий учет и отчетность. Весь расчет — в рублях. Дано участку — получено от участка.

...Он встал, повернулся к окну: на дворе все так же метет. Замерзшие стекла тускло высвечены новым снегом.

Он снова молчал, думал о своем — о трудном, для постороннего просто непостижимом. Планы, как бы хороши они ни были, это еще не плоды. Это лишь старт долгого, утомительного пробега... Завтра — отчетное. Первое в его жизни. Лицом к лицу с теми, кто голосовал, можно сказать, за его красивые глаза и ласковые обещания. То было в апреле прошлого года. Что он им скажет завтра? Что он успел? И что пообещает нового? Хозрасчет, денежную оплату? Да, именно это. Но как объяснить людям, привыкшим за многие небогатые годы довольствоваться малым,— пусть малой оплатой, но и малым трудом,— как объяснить им, что хозрасчет, денежная оплата—это реальный шаг к достатку? Уже сейчас по деревням идут разговоры: «Председатель чевой-то надумал без хлеба нас оставить...»

Вот и к Вере день и ночь паломничество: «Объясни, как без трудодней жить будем, чем тогда корову-то, кабана, гусей кормить,— что ли рублями, либо как?» Вера объясняла. Она даже своей Марье Антоновне, квартирной хозяйке, далеко за полночь не раз уж толковала, что той выгоднее будет за постой деньги получать, чем 22 ни о чем не говорящих трудодня. Но пока не понимают люди, не верят словам, уходят со своим неверием, чтобы пустить по деревне новые толкования грядущих перемен.

То, что переход на новую систему ведения хозяйства, на новую оплату волнует колхозников,— это хорошо, это и понятно, иначе оно и быть не могло. Но верно и то, что не осилить колхозникам премудрость нововведения вот так, со слов, стоя возле позванивающего арифмометра, не понять, пока не получат они первых своих денежных заработков на руки. А вот то, что работать отныне придется по строгим нормам и разрядам, что теперь не отсидишься за спиной товарища, что труд непроизводительный и труд малоквалифицированный отныне не стоит нипочем,— это поняли сразу и почти все. Вот деревня-то и заговорила! И то — машин мало, основные трудоемкие работы — ручные, а плата за них по самому низкому разряду. Да и отыщет ли еще председатель денег, чтобы ежемесячно выплачивать заработную плату колхозникам?..

* * *

Утром следующего дня мимо нашего дома проехал человек в темном полушубке, широко охваченном ремнем. На ушанке — не разглядеть какая кокарда. Лошадь высоко поднимала сильные ноги, без труда перла через переметы.

— Участковый,— глянув мельком в окно, прокомментировала Татьяна Ивановна,— нынче отчетное. Либо вы не пойдете?..

Мы поспешили на отчетное. У правления толпились мужики и парни. Таких, чтобы под хмельком были, не видно, а раньше, сказывали нам, обязательно принимали—для храбрости... Здоровались, закуривали, задавали пропотевшим лошаденкам овса, припасенного к этому праздничному дню.

Вера Холодова, экономист из «Комсомольца».

Люди съезжались со всех деревень. А их в «Комсомольце» добрая дюжина!.. Дальние разглядывали машинный парк. Его занесло в последние дни, но видно было, что сцепки, тракторы, автомашины, которые частью разуты,— вся техника стоит, как на параде, по линеечке. А то, что в снегу, так гаражей или хотя бы навесов добрых по всей округе верст на тыщу не встретишь... Много денег еще колхозу надо. И строиться, строиться!..

В тесном клубном помещении, что под одной крышей с правлением, наигрывал несложные, с детства знакомые припевки баянист — приехавший на каникулы студент. Бабы выходили по двое в тесный круг и как есть, в пальто, застегнутом на все пуговицы, в нераскрытых полушалках, топтались и выкрикивали частушки:

Урожай, не угрожай,
Мы тя не боимси-и,
Мы работать здоровы,
А получать ленимся-и!..

Люди смеялись. Баянист дергал баян. Выходила новая пара:

Председатель молодой,
Молодой, бядовый.
Он грозит нам не бядой,
А оплатой новой!..

Потом танцевали. Потом принесли красную скатерть на составленные столы, графин с водой и граненый стакан. Смолк баян. Люди, что оказались ближе к сцене,

Писатель, чуткий ко времени

Виктор Владимирович Лаврентьев пришел в творчество зрелым человеком. Первое свое драматическое произведение — «На просторах» — он написал, имея за плечами немалый жизненный и литературный опыт, пройдя через годы суровых фронтовых испытаний, побывав на стройках Кузнецка, Кемерова, Лениногорска, Караганды.

И все же Лаврентьев может быть причислен с полным на то основанием к писателям, чье творчество рождено последним десятилетием. Лучшие пьесы его — «Кряжевы», «Светлая», «Иван Буданцев», «Где-то совсем рядом» — остро поднимают проблемы современного общественного бытия. Пронизанные большой и глубокой философской мыслью, они знакомят с крупными характерами людей, чувствующих себя ответственными за все, что совершается вокруг нас, за судьбы людей не только ближних, но и дальних.

Председатель колхоза Иван Буданцев, человек непримиримый к показухе... прирожденный хлебороб Анисим Ермолаев, живущий мечтой об изобилии, о сказочных урожаях. Вот славные герои нашей действительности. Их и воспевает драматург.

Виктор Лаврентьев живет в Новосибирске и населяет свои пьесы сибиряками. Но он менее всего может быть причислен к так называемым «местным» драматургам. Его пьесы ставились и на столичной сцене и во многих городах нашей страны. Иные из них успешно идут в театрах стран социалистического лагеря. Нет, писатель не может жаловаться на невнимание! Хотя театры наши, порой жалующиеся на отсутствие новых, интересных пьес, все же, думается, еще недостаточно активно обращаются к острой и умной лаврентьевской драматургии.

Перечитывая ранние пьесы Лаврентьева, убеждаешься, что и сегодня они звучат так же актуально, как в момент своего рождения. Это значит, что писатель, чье пятидесятилетие мы отмечаем, улавливает в жизни, во времени не случайные, скоропреходящие черты, а стремится к глубинам общественных процессов.

Юр. ЗУБКОВ

Музыка, фортификация и реактивные самолеты

Между Летним садом, Фонтанкой и Садовой высоко в небо вознесся сверкающий позолотой шпиль Михайловского замка.

В середине прошлого века все живущие, работающие и служащие в замке были подчинены воле генерала Тидебеля — начальника Николаевского инженерного училища и академии.

Подчинен был ему и скромный преподаватель фортификации Цезарь Антонович Кюи. Тидебель не весьма доволен репетитором: все время, свободное от лекций и строевых занятий, он посвящает музыке.

— Музыка и фортификация? — не то раздраженно, не то изумленно говорил генерал о Цезаре Кюи.— И пусть бы еще писал небольшие романсы, а то он, видите ли, пишет оперы!

Пожалуй, Тидебель был бы еще более изумлен, узнай он о том, что Цезарь Антонович Кюи совмещал обширные познания ученого-фортификатора, инженера и талант композитора с необычайной плодовитостью и взыскательностью музыкального критика, историка, полиглота, педагога, общественного деятеля. Цезарь Антонович Кюи — автор 10 опер, 250 романсов, 300 музыкально-критических статей, десятка учебников по фортификации и ее истории. Эпистолярное наследие композитора составляет объемистый том.

Обо всем этом невольно вспоминаешь, когда неожиданно сталкиваешься с новым проявлением многогранности интересов Цезаря Кюи.

Это подтверждают обнаруженные в Центральном государственном военно-историческом архиве неизвестные до сих пор письма композитора. Этими письмами Цезарь Антонович в меру своих возможностей оказал помощь русскому новатору, стоявшему у колыбели отечественного реактивного самолета.

Кюи пишет видному военному деятелю, помощнику военного министра Алексею Андреевичу Поливанову, впоследствии служившему в Красной Армии:

«Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Андреевич!

Был у меня вчера Герасимов и ознакомил с проектом своей ракеты. (Талантливый это и остроумный человек.) Сообщил о Вашем ласковом, сочувственном приеме (чем меня нисколько не удивил, ибо отлично знаю, какой Вы сердечный человек).

Просил, не могу ли я похлопотать у Вас о возможно скорой выдаче хоть части пособия, обещанного ему на опыты. Хотя это совершенно лишнее, так как Вы и без того сделаете все, что возможно, все же исполняю его просьбу и пользуюсь случаем, чтобы самым сердечным образом пожать Вашу руку.

Душевно преданный Ц. Кюи».

Кто же такой Герасимов? Заслуживает ли его ракета внимания двух крупных военных инженеров того времени Ц. Кюи и А. Поливанова? Было ли это действительно открытие или изобретение пороха ?

Суд времени сказал свое веское слово. Имя инженера Н. Герасимова вошло в историю отечественной науки и техники. Как свидетельствует патент № 21024 с приоритетом от 15(2) октября 1909 года, Герасимов изобрел «Устройство для приведения в движение летательных аппаратов, состоящее из газового генератора и двух турбин, последовательно питаемых газами... причем вторая турбина выпускает газы, толкающие прибор вперед».

На современном техническом языке это устройство называется турбокомпрессорным воздушно-реактивным двигателем, и, следо-

сели на скамьи. Задние остались стоять. И вдоль стен и у запотевших окон тоже стояли... К столу поднялись передовые доярки и заведующие участками. Председатель, торжественный и еще более помолодевший, начал отчитываться.

То, что говорил собравшимся колхозникам Анатолий Мартынов, не походило на доклад. Он просто и доверительно вел беседу о том, как прошел год. В общем-то колхозники знали, как он прошел; председатель только всем известное представил в цифрах годового отчета, объяснил, сколько задолженности списано, сколько осталось после объединения с «Серпом и молотом», как были распределены доходы. Все это выслушали молча.

Молча выслушали и цифры производственного плана на 1964 год. Молчаливое согласие поддерживало председателя, когда он говорил и о том, что надо больше сеять выгодные, урожайные по этим местам культуры, что убыточно бросать купленные удобрения на станциях или на межах, что надо использовать торфяную крошку на подстилку скоту: это в несколько раз увеличит количество органических удобрений. Все еще низка урожайность зерновых и свеклы — значит, надо хорошенько позаботиться о них. И о кормах тоже: надо восстановить посевы клевера, для этого потребуется выделить средства на добрые семена — они дороги...

Собрание согласно молчало. Мужики возле дверей и за печью украдкой курили. Бабы слушали внимательно, как-то истово, будто боялись пропустить главное. В глазах застыло изумление перед молодостью и очень уж хозяйской рассудительностью Филипповича. Вот уж и привыкли, кажется, к нему и к его обхождению, а все дивно, как это он так складно и понятно говорит... Не заговорил бы. И они слушали цепко, самую суть, не слыша его мягкой, чуть ли не семейной интонации.

Загудело, темной волной колыхнулось собрание, когда председатель перешел к хозрасчету, а значит, и к новой денежной оплате. Справа и слева выкрикнули вопросы, кто-то кого-то перебил, задние старались пересилить взволнованные голоса передних— и начался шум.

Анатолий поднял руку, улыбнулся. Ему нехотя повиновались.

— Я сначала все расскажу. Постараюсь заранее ответить на возможные вопросы. Я их знаю, ваши вопросы. Правление их продумало, многие из вас уже задавали их и Вере в конторе и мне на фермах. Поэтому послушайте. Ну, а если уж не поймете, тогда спросите, я еще раз все объясню.

И он подробно, очень понятно рассказал о разрядах, о нормах, о принципе денежной оплаты.

— Годами вам писали «палочки». Если даже вы и работали старательно, то все равно трудодень был низок, оплату по трудодням вам никто не гарантировал, иногда вам его оплачивали полностью, как было с весны обещано, но чаще всего колхоз оставался вашим должником. Рубль — это значит прежде всего гарантированная оплата. Не отдать рубль нельзя. Другое дело, что его труднее заработать, это не мифический трудодень, которому до сих пор ученые-экономисты так и не нашли меру и определение. Рубль дисциплинирует. Трудодни пишутся одинаково всем: и тем, кто тащил, и тем, кто при этом только крякал. Рубль не позволит лодырю ехать на общеколхозной шее, он заставит искать работу высокооплачиваемую, значит, заставит учиться. Он заставит подумать каждого и о производительности своего труда, и о том, чтобы зерно, молоко, мясо были дешевле, а производство их росло, потому что тогда и доход наш будет расти. Там, где за трудодни работали двое или трое, теперь будет работать один человек, потому что ему невыгодно рубль делить на двоих или троих, а колхозу невыгодно держать двоих-троих там, где справляется один. Вы сами в этом убедитесь. Кроме того, расценки мы с вами, как только станем на ноги, будем богаче, увеличим, это же все в нашей власти. Тогда зарплата даже на ручных работах возрастет. В конце могу обещать, что правление платить деньги будет, для этого у нас есть необходимые средства в банке. Ваши деньги!

Хорошо объяснил Филиппович. И правленцы и Вера радовались за него, и Лида, агроном, тоже, и зоотехник Валя... А зал гудит, не успокаивается, людям—каждому — хотелось знать одно: сколько денег он получит, если привезет воз соломы, или выходит двадцать телят, или надоит тонну молока?

— Доярка в июне будет зарабатывать в среднем сто восемьдесят рублей,— отвечал председатель.

— Дневных сторожей сами доярки попросили уволить, потому что днем они и так доглядят, а денег на сторожей, мол, зря тратить нечего. И верно рассудили!..

И. Е. Репин. Цезарь Антонович Кюи.

вательно, Н. Герасимов был создателем предтечи одного из тех двигателей, которыми оснащаются ныне реактивные лайнеры!

Только на 12 лет позднее русского новатора, в 1921 году, французский инженер Гийом разработал аналогичную схему двигателя.

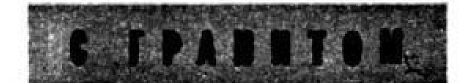
То, что письмо Ц. А. Кюи было послано Поливанову не напрасно, подтверждает другой документ, обнаруженный в архиве:

«Многоуважаемый и дорогой Алексей Андреевич!

Одно Вам только могу сказать: Ваша любезность — бесконечна! Искренно Ваш Ц. Кюи. 23 окт.»

Когда Цезарь Антонович писал эти письма, он был уже не репетитором, а заслуженным профессором, инженер-генералом.

А. ИВОЛГИН

ЕДИНОБОРСТВО С ГРАНИТОМ

В последнее время обретает индустриальные черты одна из древнейших профессий — добыча и обработка естественного камня. Лом, кирку да и пневматический молоток сменяет горелка ракетного типа.

— Для простоты мы называем этот аппарат терморезаком,— говорит инженер А. Н. Генбач.

Мы беседуем с ним в проблемной лаборатории новых методов разрушения горных пород и бетонов Казахского политехнического института. Андрей Никандрович — главный конструктор лаборатории, руководимой профессором А. В. Бричкиным. Имена обоих ученых названы в авторском свидетельстве об изобретении, которое стало возможным благодаря технике высоких температур и сверхзвуковых скоростей.

Термический резак невелик по размерам и напоминает пистолет-пулемет, только заряжается он с помощью питающих шлангов. В миниатюрной камере сгорает керосин, распыленный центробежной форсункой, и кислород. Температура в 2 700 градусов и скорость движения примерно 2 000 метров в секунду придают этой смеси поистине титаническую силу. В считанные секунды факел, единоборствуя с гранитным монолитом, отсекает от него изрядную долю. Но терморезак не только каменолом, он же и гранильщик. Обрабатывая камень, он ловко выравнивает его поверхность.

Если придать обычному терморезаку другой наконечник, он будет резать бетон и железобетон. Его факел способен прожечь в конструкции отверстие любых очертаний и размеров.

Что же это — опыты, испытания? Да, они продолжаются, но ракетная горелка стала уже и рабочим орудием. В Янцевском гранитном карьере, Запорожской области, она превращает каменные глыбы в облицовочные плитки, валы бумагоделательных машин. В ходу терморезаки и на камнеобрабатывающем комбинате в Водниках — под Москвой, на Алма-атинском заводе нерудных строительных материалов.

Теперь на очереди строительство при участии лаборатории экспериментального завода «вечной брусчатки». И в карьере и на конвейерных линиях камень преобразят мощные ракетные горелки. Граниты Курдайского и Котурбулакского месторождений, ближайших от Алма-Аты, за десять лет истираются под колесами автомашин всего лишь на четыре миллиметра. Стало быть, дорожная плита толщиной в двадцать сантиметров разрушится лишь через столетия.

Алма-атинскими горелками заинтересовались моряки. Они хотели бы крушить большими термическими резаками ледяной панцирь в портах Советской Арктики и береговой припай в Антарктиде. Возможно, в недалеком будущем на прибрежье одного из студеных морей раздастся команда: «Из термических аппаратов по льдам — огонь!»

Ан. ВЕТРОВ

Эта гранитная чаша сделана с помощью реактивной горелки.

КРЫЛАТАЯ СЕМЬЯ

Недавно в белорусское село Озерцы, что на Витебщине, на имя Натальи Моисеевны и Степана Павловича Пляц поступила сердечная поздравительная телеграмма из Москвы от Военного Совета Военно-Воздушных Сил страны: «В день Вашего 80-летия Военный Совет Военно-Воздушных Сил шлет Вам, замечательным советским патриотам, горячий привет. Вы воспитали мужественных и достойных воинов-авиаторов. В суровые годы Великой Отечественной войны среди отважных летчиков сражались и Ваши сыновья — Дмитрий, Леонид, Михаил и Иван. И сейчас полярный летчик Леонид, офицер ВВС Михаил и техник гражданского воздушного флота Иван честно и добросовестно отдают свои силы и знания укреплению могущества нашего воздушного флота. Вашу семью по праву можно назвать крылатой...»

Когда над Родиной нависла смертельная опасность, шесть сыновей и две невестки Натальи Моисеевны и Степана Павловича мужественно сражались с врагом на фронте, в партизанских отрядах, помогали ковать победу самоотверженным трудом в тылу. Четыре сына — Дмитрий, Иван, Леонид и Михаил, невестки — Руфина и Раиса — были летчиками. Члены крылатой семьи в годы Великой Отечественной войны сделали 2 640 боевых вылетов. Родина высоко оценила подвиг членов семьи Пляц. Они награждены 50 орденами и медалями. А невесткам Руфине Гашевой и Раисе Ароновой было присвоено звание Героя Советского Союза.

В сельхозартели имени «XVIII партсъезда» создан музей. Один из его стендов посвящен семье Пляц.

Я. КУЧАР

Вышел парень, чубатый, с энергичным жестом. Иван Кандауров, комбайнер. Он рубанул рукой, заговорил, не сбиваясь, горячо, от души:

— Товарищи! Я о себе скажу. Я в год от силы полгода работаю. А вы посмотрите на меня — мне ли дома сидеть? У меня же семья... И я не сижу — я слоняюсь без дела, а мне, как механизатору, идут трудодни. Приду домой, а сын спрашивает: чего ты, папка, сегодня делал? Что ему ответить? Я только махну рукой: мол, не поймешь ты моих делов... Пацан, а мне стыдно перед ним, товарищи. Правильная теперь у нас будет оплата. Трудодни кучей валили, что дадут — тому и рад. Нет, рубль надо заработать пóтом!

Сказал Иван сокровенное, и тут начался главный разговор. В шуме, в гаме, но честный, в открытую.

— А как же с хлебом? За ним либо в город?

— Нет, хлеб будет свой,— отвечает Мартынов.— Хлеб будем выдавать на заработанный рубль.

— А если у меня шесть душ одних детей?

— И детям дадим! По числу едоков, но не более трех центнеров на каждого,— отвечает давно подсчитанное председатель.

— Три центнера — чего ж лучше! — довольно крякнул старик Воронков.

— А деньги ежемесячно?

— Ежемесячно!

— И хлеб ежемесячно? — выкрикивает с недоверием какая-то женщина.

— Хлеб ежемесячно не растет,— отвечает уже не председатель, а здоровенный парень, быть может, тракторист.

— Верно! Так как же быть? — Теперь его очередь спрашивать председателя.

— Запас должно иметь! — отвечает разом несколько голосов.— Чтоб государству продать, и для себя иметь зерно...

— Правильно, товарищи! Запас обязательно. Переходящие фонды. И не только зерно. Будет у нас и молоко для нужд населения, и мясо, и яблоки, и овощи свои. Мы в правлении все это обдумали. Возможности есть, и богатые. Ведь у нас такие черноземы!.. Дело за вами!..

Долго еще говорили, кричали, перебивали друг друга, выступали со сцены. Потом опять пришел студент с баяном. Доярки танцевали. А разговор шел и шел все вокруг одного: как поднять хозяйство, как выйти в люди?.. Надоело шагать в затылок другим, признанным передовикам. Вот и свет дали, подключили колхоз к государственной электролинии, и машин понакупили — значит, только руки к земле и фермам приложить надо...

* * *

Лошадь бежала трудно, высоко подбрасывая круп, то и дело проваливаясь по брюхо в снег. Мы уезжали в Головинку, на станцию. Лошадь тащилась напрямки, через поле. Дороги исчезли окончательно, а тут еще бульдозер наворочал айсберги: снегозадержание.

Сады остались справа. За садами дымили редкие избы. Из коровника выбежали одна за другой коровы. Они шли на водопой, к роднику.

И вдруг еще одно солнце закраснелось, закачалось в снегу — там был теплый ключ.

Улеглась метель, в воздухе пахло весной.

Алексей **АДЖУБЕЙ**,

Константин **ПЕРЕВОЩИКОВ**

Парню пойдет спецовка строителя

ЗАРИСОВКА ИЗ ТАИЛАНДА

Фото авторов.

На обложке этого номера журнала фотография мальчишки из Бангкока, столицы Таиланда. Не часто приходится советским людям бывать в этом государстве. Хотя наша страна и Таиланд поддерживают дипломатические отношения и, больше того, связаны знакомством в течение многих десятилетий, обстоятельства последнего времени, к сожалению, привели к тому, что отношения между государствами стали носить подчас формальный характер. Однако во время поездки в Таиланд мы почувствовали, что многие жители далекой страны, к каким бы общественным кругам они ни принадлежали, живо интересовались Советским Союзом. Мы, в свою очередь, конечно, хотели больше и лучше знать Таиланд.

Но вернемся к мальчишке, который идет по улицам Бангкока. Жгучие, кажется, ощутимо тяжелые лучи падают на него прямо с зенита: мы ведь совсем рядом с экватором. А ему нипочем! Его не беспокоит и воздух, так насыщенный испарениями, что, кажется, плесни в него еще чуть-чуть воды, и все окутается влагой, все вокруг — дома и люди — утонет в горячем океане жидкого воздуха. Но мальчуган привык ко всему этому. Привык он и к тому, что на завтрак, обед и ужин он ест отваренный на пару рис — иногда со жгуче-острой овощной приправой, иногда с рыбой, а то и всухомятку. Да мало ли к чему он привык или будет вынужден привыкнуть!

Что ждет этого мальчишку: мундир солдата сеатовских войск или спецовка строителя новой жизни? Как сложится его судьба?

И тут, прежде чем рассказать о столице Таиланда, мы хотели бы сделать маленькое отступление. Однажды в советском посольстве во время официального приема нас познакомили с внешне очень милым, вполне, так сказать, респектабельным человеком лет сорока. Его жена, типичная американка, как мы себе представляем, то есть говорливая, шумная, держащаяся несколько моложе своих лет, вместе с мужем премилым образом рассказывала нам всего-навсего о его идиллически мирной службе в штабе СЕАТО, который находится в Бангкоке. Служащий СЕАТО и впрямь походил бы на преуспевающего бизнесмена с небольшим пакетом акций в кармане, если бы не его спина. Да, да, не удивляйтесь: спина! Американец был в строгом черном костюме, но его, повторяем, выдавала спина. Ни один человек не держит таким образом спину, как это делает военный в штатском костюме. Когда мы в шутку сказали об этом нашему собеседнику, жена его заметила: «Как это вы угадали? Ведь мой Джек двадцать лет служит в военно-морских силах».

Таких, как этот американец, американцев, англичан, австралийцев и прочей публики довольно много в городе. Однако не подумайте, что возле здания штаба СЕАТО в Бангкоке постоянно дежурят бронеавтомобили и танки. Нет, здание, выдержанное в красивых тонах восточной архитектуры и окрашенное в голубой цвет, тоже выглядит вполне мирно. Однако мы откровенно говорили и министру иностранных дел Танату Коману, и другим официальным лицам в Таиланде, и нашим коллегам-журналистам, что теперь уже мало на свете наивных людей, которые могли бы поверить в миролюбивые намерения СЕАТО.

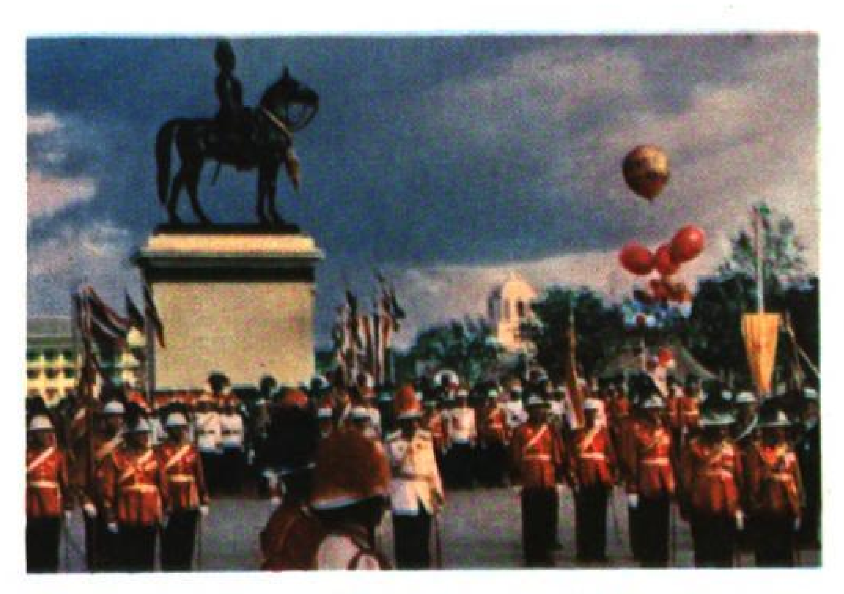
Достаточно вспомнить кровавые события в Южной Корее и Южном Вьетнаме, где американцы меняют одну за другой своих марионеток, стремясь победить и поставить на колени народ, достаточно вспомнить многое из того, что делают они в Юго-Восточной Азии. Впрочем, что несет с собой СЕАТО для Таиланда, мы скажем еще и ниже.

...Навстречу радости или горю, счастью или бедам шагает мальчуган с обложки журнала по этому неповторимо своеобразному городу? Там, где сейчас ступает его нога, была когда-то вода, клонги-каналы, которые перерезали город вдоль и поперек. Они же покрыли густой сетью большую часть страны. Каналы соединены между собою и с морем. Без них немыслим Бангкок да и вся страна.

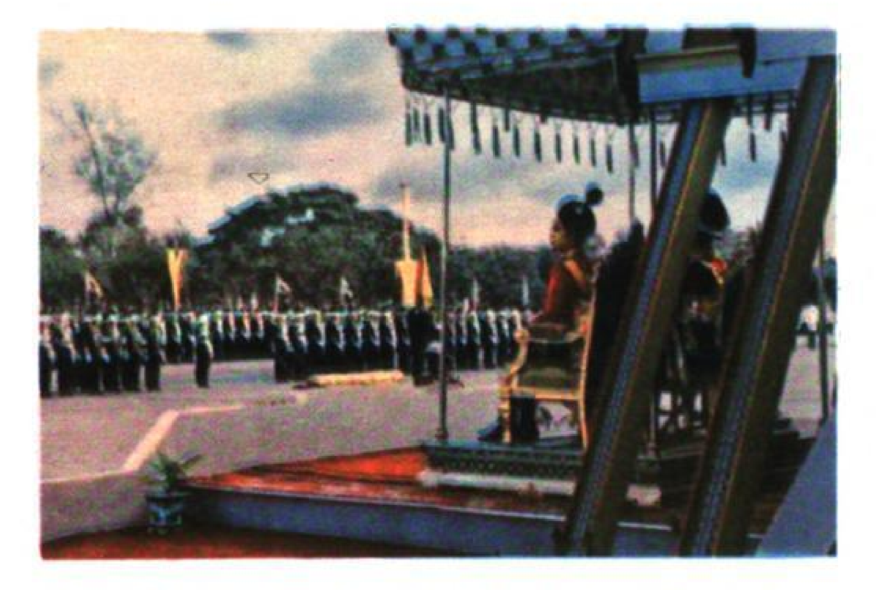
Возле каналов или прямо на воде ютятся лачуги, двухэтажные дома с балкончиками, на которых днем почти обязательно сушат в солнечных лучах постели и белье. На воде — в лодках-домах, лачугах на бамбуковых сваях — живет почти половина населения Таиланда. Для них, как и для всей страны, каналы несут саму жизнь: воду на поля, рыбу в дом. Но не одну радость дают каналы населению. Вода в них почти застойная, покрытая зеленой плесенью. Отсюда враг номер один — малярия. Было время, когда малярией болела четверть всего населения. В последнее время силами таиландцев и с помощью ООН — во всяком случае, в Бангкоке — многое сделано, хотя эта тяжелая болезнь далеко не побеждена. И сейчас приблизительно 50 миллионов рабочих дней ежегодно уносит малярия из таиландской деревни. И сейчас по крайней мере один из ста больных умирает. Малярия — страшная болезнь. Это в нашей стране благодаря очень большим профилактическим ме-

Грозные стражи — сказочные богатыри у входа в Ват Пра Кео («Храм изумрудного Будды») в Бангкоке.

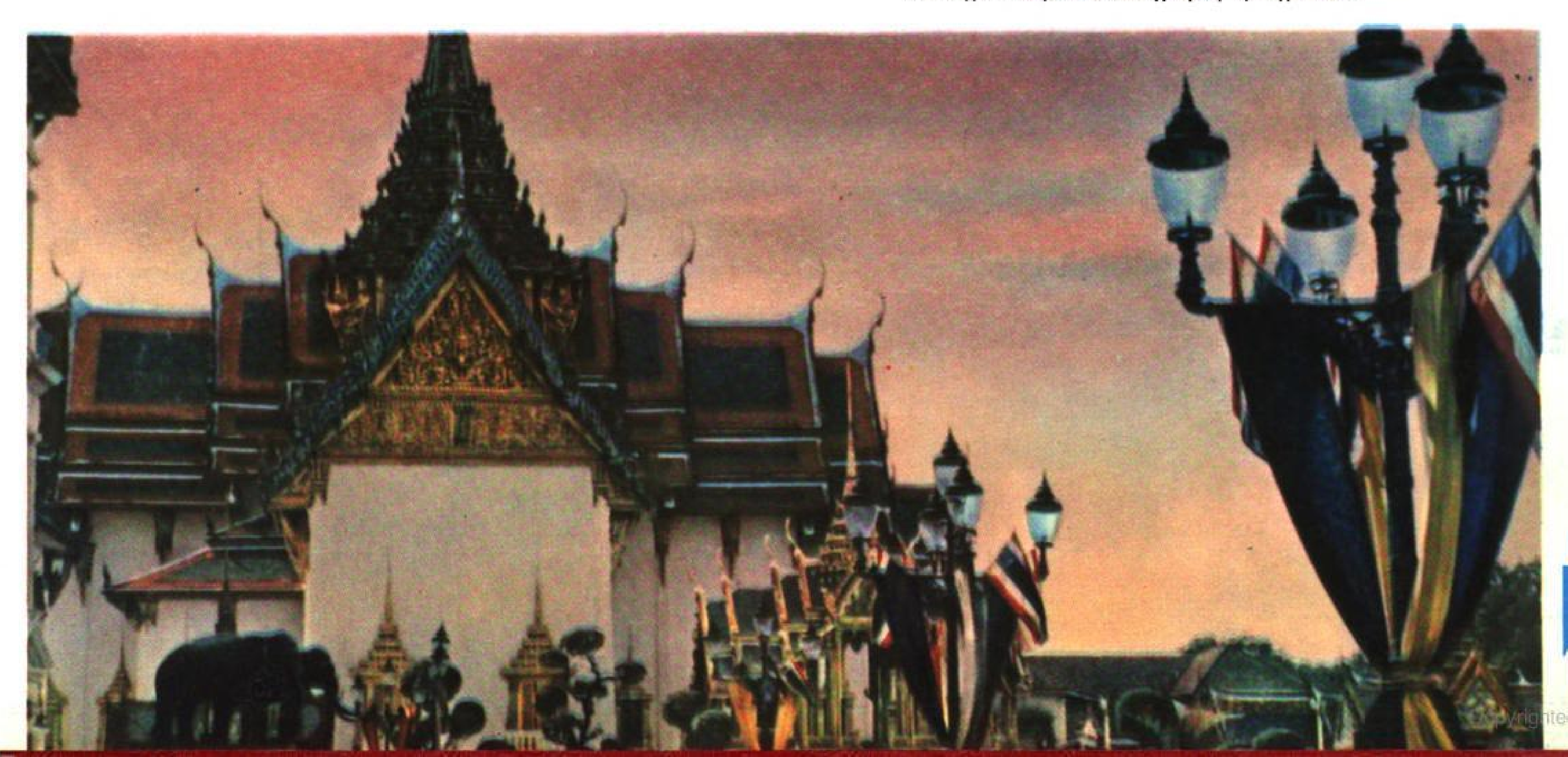

Таиланд, ранее называемый Сиамом, имел тесные связи с царской Россией. Под влиянием этих связей сиамская армия стала носить форму, похожую на русскую. Эту форму носит и сейчас королевская гвардия.

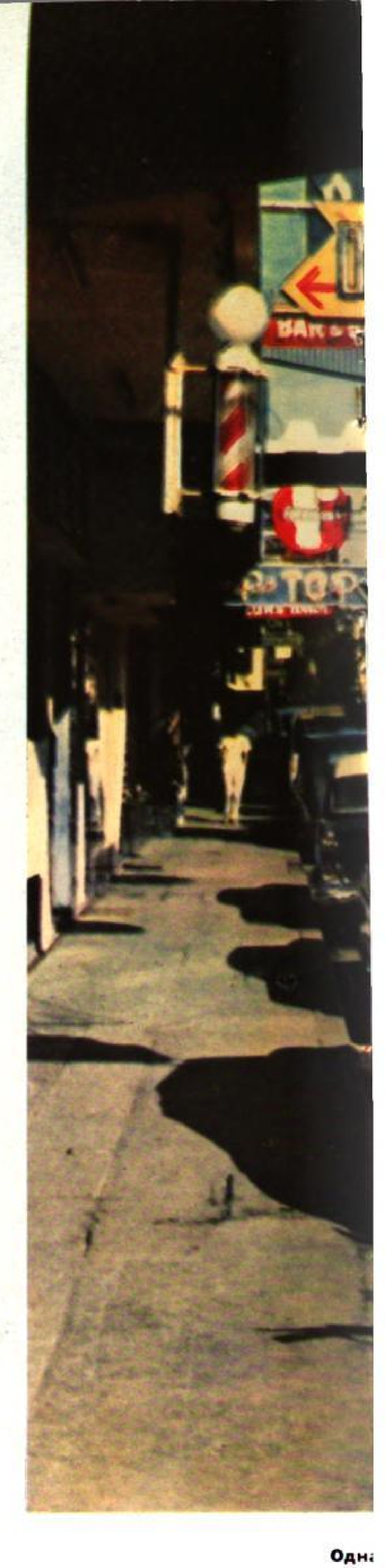

Парад войск, состоявшийся по случаю национального праздника — дня рождения короля. Принимают король и королева, одетая в мундир гвардейского полковника.

У входа в королевский дворец Гранд Палас.

Юные рыбачки.

Одна

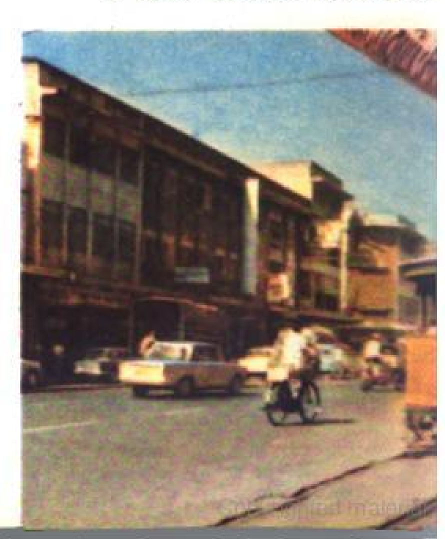
Слишком много каналов в Бангкоке. Некоторые из них теперь засыпают.

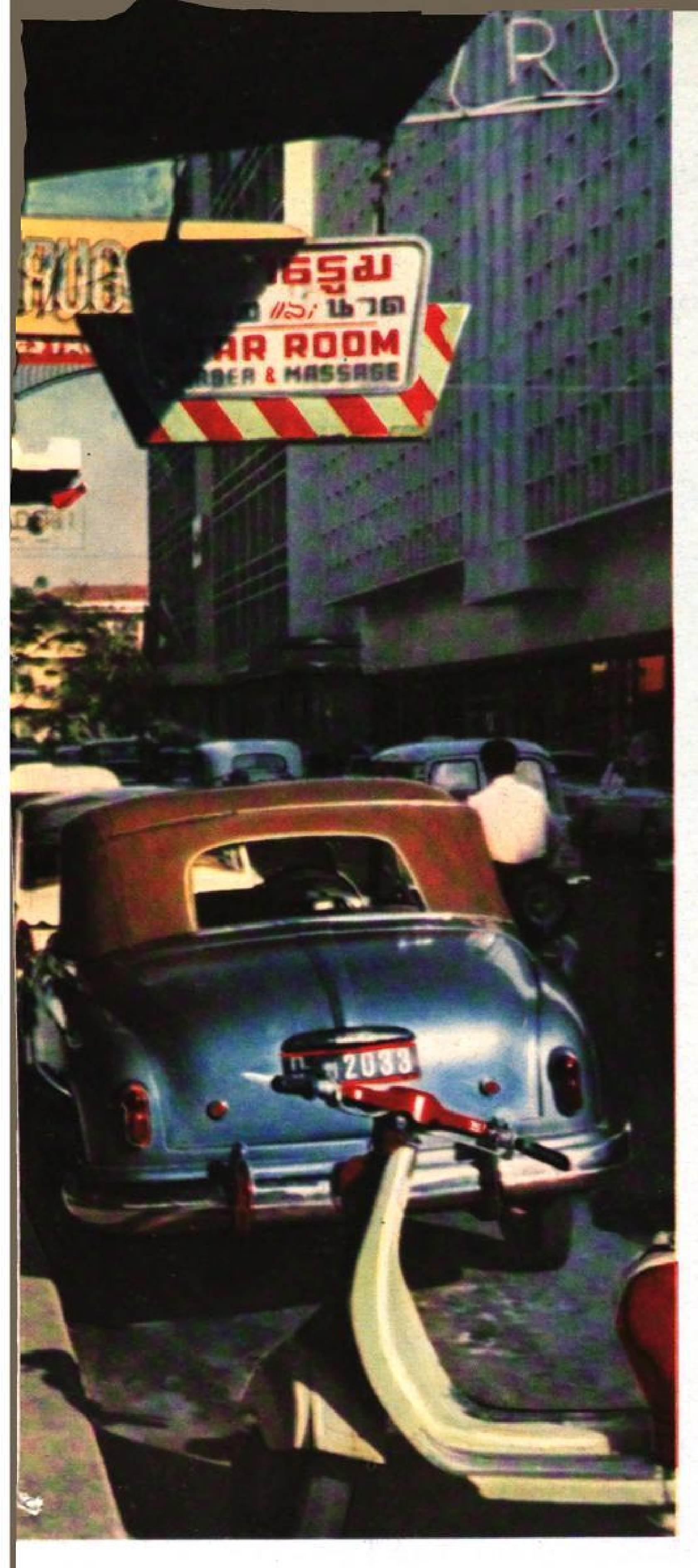

Но и сейчас столица перерезана большими и малыми водными путями.

И здесь когда-то протекал

из улиц делового центра столицы.

На усладу гурманам рыбак принес в ресторан живых черепах.

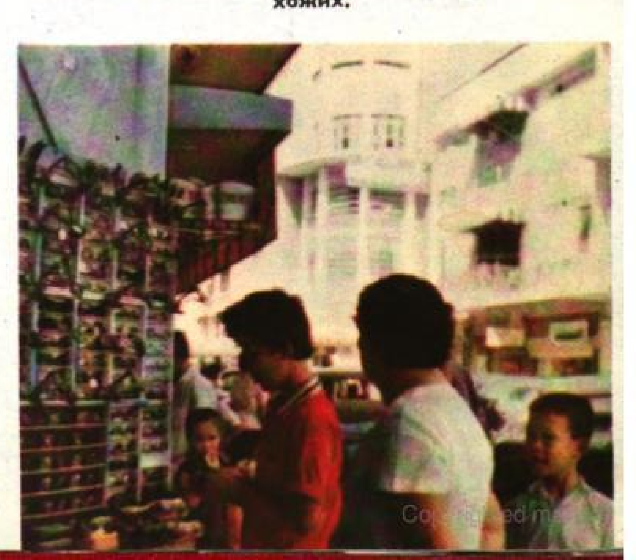
анал.

В городе растут современные дома.

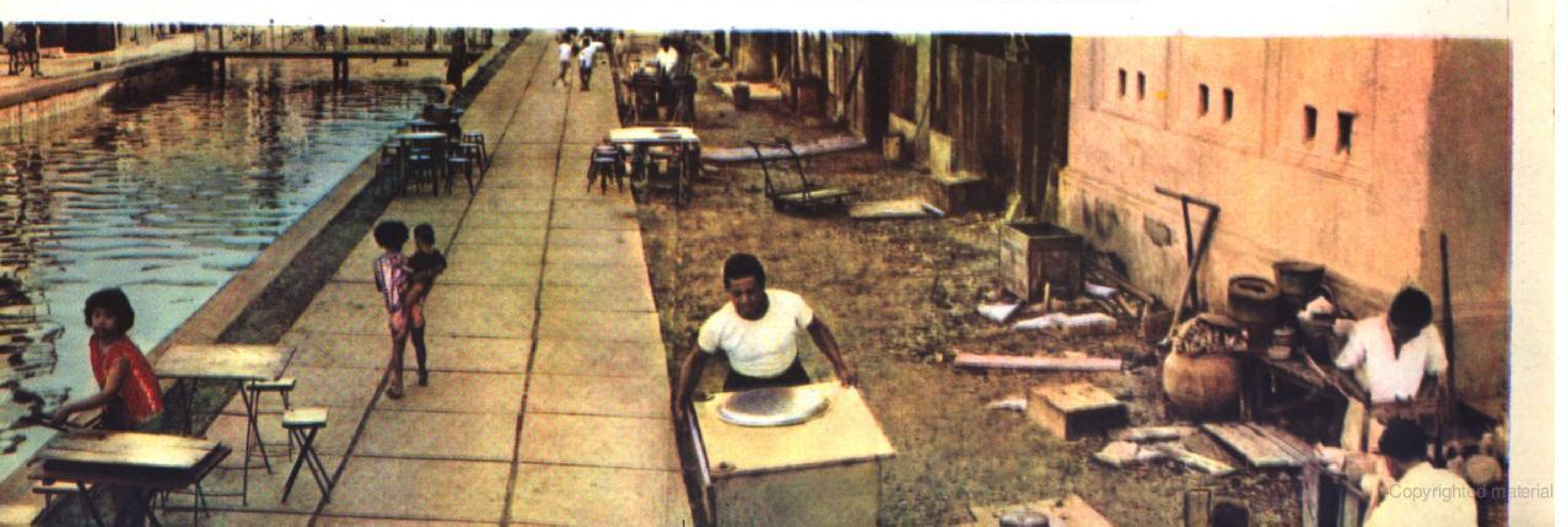

«Купите черные очки! Помните, что солнце у нас беспощадное!» — убеждают торговцы прохожих.

Чтобы увидеть, как по артериям-каналам вливается в Бангкок жизнь, надо обязательно побывать на Плавучем рынке.

Вся жизнь на берегах каналов. Тут уличные ресторанчики, тут работают ремесленники, тут играют дети.

рам удалось людям — даже в Средней Азии, где малярия была массовым бедствием,— совсем забыть этот недуг. Но для населения Азии, Африки, Латинской Америки малярия все еще остается самой страшной болезнью, которой болеют 150 миллионов человек; полтора миллиона людей умирает от нее ежегодно.

Обычно таиландцы воду пьют из колодцев. Но разве побежит крестьянин к колодцу во время работы в поле? Разве маленькие дети будут утруждать себя поисками питьевой воды, когда канал рядом? Пьют и такую воду. Отсюда еще один враг — самые страшные желудочные болезни: холера, хроническая дизентерия. Скученность, отсутствие профилактических мер способствовали широкому распространению других болезней: проказы, венерических, бешенства. А для самого Бангкока настоящее бедствие — туберкулез. Обо всем этом сообщалось в отчетах различных комиссий ООН, с которыми нам довелось познакомиться на конференции круглого стола редакторов газет стран Азии и Дальнего Востока.

Упомянутые нами факты и цифры не секрет для властей и населения Таиланда. Однако борьба против этого зла идет малыми силами: явно не хватает докторов и медсестер; большая часть из них работает в районе Бангкока. Понятно, конечно, что одним увеличением медицинских работников болезней не одолеешь. Требуется искоренять главный источник болезней — улучшать условия жизни людей.

В городе рядом с ультрасовременными домами, рядом с многоэтажными универмагами — нарядные пагоды: только в столице их более трехсот.

Не только на человека, знающего историю искусства Востока, но и на любого, кто видит эти поистине сказочные сооружения из мрамора, золота, ценных пород дерева и затейливо раскрашенного простого камня, они производят чарующее впечатление. Мы не вдаемся в религиозную сущность построек, мы говорим лишь о мастерстве резчиков по камню, кости, дереву, о волшебных — да, да, мы не оговорились,— о волшебных красках: зеленых, пурпуровых, синих, которые десятилетиями и даже веками не выгорают под лучами тропического солнца, да еще в условиях огромной влажности.

У пагод своя история, зачастую очень сложная, таинственная. Они, безусловно, свидетельство глубокой талантливости народов Юго-Восточной Азии, богатства их культуры. Создали эти храмы умельцы рабочие, блестящие архитекторы и художники. К сожалению, на Востоке редко услышишь их имена. Чаще всего это безвестные люди.

Пагоды впечатляют своей роскошью, красками, необычностью архитектурных линий. Они и впрямь кажутся упавшими с неба прямо в месиво лачуг, лавчонок этакими светящимися небесными созданиями на грешной неласковой земле. В этом месиве мелкие лавки менял, торговцев всякой всячиной — от женьшеня до перламутровых пуговиц. Тут же дешевые закусочные, с двумя-тремя столами на тротуаре.

Нельзя представить себе Бангкок, нельзя запомнить его, если не побывать на Плавучем рынке. В первый раз мы были на этом рынке ночью. Сели на небольшой катерок и отправились вначале по широкой, а потом по все более суживающейся протоке к небольшому домику, где собирались посмотреть национальные танцы. Чем дальше от пристани, тем темнее и темнее становилась ночь, и уже казалось, что нет ни воды, ни неба. Не виден был даже нос лодки, чудилось, что мы летим по воздуху в какую-то вязкую, непроглядную черноту.

По временам сбоку от нашей лодки мелькал фонарик и вывертывался, уплывал в сторону длинный узкий сампан, напоминающий пирогу, на котором крестьянин, рыбак или девушка с парнем, разведя маленький костерок под таганком, варили нехитрый ужин. Лодка пропадала в черноте, но еще доносился пряный, щекочущий ноздри запах острого кушанья, специй, рыбы. И опять мелькал новый таганок с кушаньями. Мы спросили у наших хозяев: что это за передвижные рестораны? Нам ответили: когда здесь на лодках блуждают влюбленные или рыбаки, они пользуются услугами этих плавучих кухонь.

Если ночью Плавучий рынок — место фантастическое, как будто созданное для того, чтобы смотреть на маленьких эстрадках причудливые движения танцовщиц, то днем рынок уже другой. Он бурлит и грохочет. Сотни, а может быть, тысячи лодок, груженных овощами, фруктами, зерном, рыбой, изделиями кустарей, движутся без какой-либо регулировки и, кажется, вот-вот столкнутся. Но у Плавучего рынка есть свои законы. Лодки расходятся каждая к своей цели, продавцы гортанными криками рекламируют свои товары и на лету подхватывают брошенную за покупку монетку.

Рыночную погоду определяет рис — этот основной продукт питания таиландца. Благодатный теплый климат, обилие воды позволяют получать сравнительно много риса для страны с населением в 29 миллионов человек — 7,9 миллиона тонн зерна. Суеверные крестьяне относятся к возделыванию риса благоговейно. Стадии роста риса отождествляются с развитием животного: от зародыша до рождения. На каждой стадии — пахота, высаживание рассады, колошение, жатва — крестьяне когда-то делали жертвоприношения «духу риса» и устраивали церемониальные молебны. Многие из этих обычаев умерли, но вера в «духа риса» до сих пор крепка. Начиная пахоту, крестьянин кладет приношение — пищу этому духу на водруженную посредине поля кормушку. Мы видели на полях с заколосившимся рисом прямоугольные флажки на бамбуковых жердочках. Это хозяин земли заклинает злого духа держаться подальше от поля, а соседей просит быть осторожными: «крис заберемене!» — если буквально перевести этот знак.

Рис боготворят. Да и как не поклоняться ему, когда крестьянин, забитый, неграмотный человек, не мыслит существования без риса!

Сахарный тростник и кукуруза, натуральный каучук и ценная древесина — тик, самые разнообразные фрукты, из которых наиболее изысканные даже неизвестны северянам,— все это производит и поставляет городу крестьянин-таиландец.

На Плавучем рынке мы видели полные баркасы рыбы. Считают, что ежегодно на рынках Таиланда ее продается около 150 тысяч тонн. Сюда не входит морская пища — креветки, крабы, устрицы, осьминожки, гребешки; сюда не входит и вся та рыба, которую потребляют сами ловцы и их семьи. Рыбу продают и потребляют свежей, соленой, вяленой, приготовленной в виде паст и соусов. И, конечно, громадное количество рыбы истребляется без пользы, потому что рыбаки применяют любые, самые хищнические методы ловли: гибнет мелочь, неиспользованная рыба портится, гниет. В стране нет рыбоконсервной промышленности. А она так нужна Таиланду!

Таиландцы, как известно, исповедуют буддизм. Эта религия довольно цепко держит народ Таиланда в своих руках. Мы спрашиваем таиландцев, как же они, исповедуя буддизм, решаются ловить рыбу. Ведь буддизм запрещает убивать любое живое существо, даже змей — это настоящее бедствие таиландца. Буддизм утверждает, что человек после смерти возрождается вновь в какомлибо живом существе. Чем тщательнее соблюдал человек религиозные каноны при жизни, тем в более высокое существо перерождается он после смерти, пока не достигнет идеального состояния — нирваны, при котором он уже не родится вновь.

Ну, а как же быть с рыбой? Без нее таиландец не может обходиться. Буддисты нашли обходный путь, провозгласив, что изъять рыбу из воды не значит убить ее. Правоверный буддист не откажется и от мяса животного, если его убил кто-нибудь другой.

В Таиланде много верующих. Здесь двести тысяч монахов и двадцать одна тысяча монастырей. Если учесть стоимость приношений монастырям, расходы на различные обряды и религиозные праздники, то размер этих затрат в семейном бюджете будет весьма заметным.

Повсюду во дворах — будь то утлая лачуга или богатый особняк — мы видели на столбиках яркие миниатюрные храмики, называемые «сарн пра пум». Это что-то вроде семейного иконостаса. Его назначение — отгонять «злого духа» от очага. Чтобы сарн пра пум действовал безотказно, на него никогда не должна падать тень от дома. Днем он всегда открыт солнечным лучам, свету. Тень уничтожает его чары.

Как-то беседуя между собой, мы заметили: очевидно, Таиланду нужно было поставить еще один большой сарн пра пум, который не достигла бы зловещая тень, падающая сейчас на страну — тень СЕАТО. Под этой тенью укрываются злые силы — реальные, а не мифические: военщина Пентагона, слуги тех кругов США, которых называют «бешеными». Это они впутывают Таиланд в свои авантюры. Это они заставляют таиландцев отказывать себе в лишней горсти риса ради увеличения расходов на армию.

Мы беседовали с людьми, имевшими прямое отношение к участию Таиланда в СЕАТО. Они обыкновенно доказывали, что Таиланд участвует в этом блоке исключительно в оборонительных целях. Однако известно, что СЕАТО ведет систематическую интенсивную борьбу против нейтралистских стран. С помощью СЕАТО растаптываются любые ростки национально-освободительного движения. Разве не подтверждает антинародной сути блока СЕАТО хотя бы тот факт, что на конец апреля этого года в Таиланде назначены военные маневры—необычные, даже по признанию буржуазной прессы: войска СЕАТО будут тренироваться в подавлении восстания.

Наши собеседники утверждали, что Таиланд тут ни при чем. Пусть это заверение останется на совести изрекших его. Но нам хотелось бы напомнить им мудрую таиландскую пословицу: если завернуть гнилую рыбу в листья, листья тоже пропахнут. Что бы ни говорили эти таиландцы, участие их страны в СЕАТО не повышает ее авторитета.

Не секрет, что Таиланд расходует на военные нужды гораздо больше, чем он получает от Соединенных Штатов в виде «помощи». А ведь эти средства можно было бы использовать для экономического прогресса страны.

Сейчас только один процент населения Таиланда занят в промышленности: горнодобывающей, пищевой, легкой (производящей мебель, ювелирные изделия, игральные карты и т. п.). В стране имеется только один очень небольшой металлургический завод. Промышленность, включая кустарную, дает не более 12 процентов национального дохода.

Конечно, дело самого Таиланда решать, по какому пути вести развитие хозяйства. Но мы не могли не заметить такого контраста. Страны Азии, не присоединившиеся к военным блокам, ведут в меру своих сил строительство заводов и фабрик, электростанций и оросительных каналов. Населению этих стран пока живется тоже нелегко, но в перспективе у них полная экономическая независимость, а отсюда и процветание.

Настоятельная необходимость иметь собственную промышленность становится очевидной и для многих таиландцев, как это можно было заключить из некоторых наших бесед.

В этих беседах мы также прямо говорили таиландцам, что в печати Таиланда мало рассказывается об успехах нашей страны в промышленном и культурном развитии и что объективная информация никак не ставит под сомнение право каждого народа избирать ту систему, при которой он хочет жить. Нам приятно было услышать от таиландских журналистов, что они заинтересованы в таком обоюдном знакомстве.

Мы поставили в начале нашего фоторепортажа вопросы о будущей судьбе мальчика. Мы могли ответить на них только косвенно: дел у него впереди столько, что было бы наиболее патриотичным надеть на себя спецовку строителя. Нам хочется верить, что необоримое стремление народов, в том числе и таиландского, к прогрессу и процветанию возьмет верх над бесплодной гонкой вооружений. Это стремление, если выразить его словами таиландской мудрости, подобно бегущему слону, которого не остановить за хвост.

Бангкок — Москва.

ПОРТРЕТЫ МОИХ

Всеволод ИВАНОВ

Антон Сорокин

Я напечатал в газете «Приишимье» два или три рассказа и вскоре после этого получил открытку, подписанную очень оригинально: «Король писателей Антон Сорокин». В этой открытке сообщалось мне не более и не менее как то, что рассказы мои весьма оригинальны, самобытны: «Вы гений». Я не знал тогда, что Антон Сорокин каждого своего знакомого писателя или художника называет гением, считая не без основания, что это лучший способ привязать к себе человека. И действительно, люди быстро привязывались к нему, причем люди самого различного склада ума и художественных вкусов. Правда, и то сказать, что таких людей, как Антон Сорокин, было в Сибири мало.

Странная у него была судьба! Он был, несомненно, талантливым и оригинальным писателем. Писал преимущественно рассказы, но брался и за пьесы, даже за киносценарии. Романов он, кажется, не писал. Впрочем, утверждать это трудно, потому что он напечатал не более чем одну сотую часть того, что написал. Его чудачества мешали ему. Он считался чуть ли не юродивым, и, несмотря на его талант и на обличительные тенденции, к чему были склонны тогда почти все сибирские газеты, Антона Сорокина мало печатали. Вскоре после его смерти, если не ошибаюсь, в особнячке, где он жил, произошел пожар, и все его рукописи, картины, изобретения, большое собрание плакатов времен гражданской войны в Сибири, вся его обширная переписка — все сгорело. Он-то как раз надеялся, что рукописи переживут его и будут напечатаны лет через пятьдесят после его смерти.

— Всякий талант,— говорил он,— и особенно, если это талант оригинальный (неоригинальные таланты тоже существуют), требует по крайней мере не менее полустолетия для того, чтобы прорасти, и еще полстолетия для того, чтобы дать плод.

Отец его был богатым торговцем, владельцем соляных озер. Все то, что я пишу, я пишу со слов Сорокина; говоря о своей семье, он обычно не присочинял, да и вообще не был лгуном, а выдумщиком. И притом выдумщиком для одной, определенной цели. Он считал, что самое главное в мире — реклама, возможность обратить на себя всеобщее внимание. После рекламы можно напечатать любые, даже самые плохие произведения, и, ослепленные рекламой, люди ничего не заметят. Он считал, что рекламой можно вдолбить людям любые нелепости. Реклама много значит и в литературе, но писатели рекламируют себя неумело. Так как он знал жизнь капиталистов, а значит, все способы рекламы, он считал нужным применить эти способы и в том деле, которым стал заниматься.

По его рассказам, отец его, человек очень религиозный, почувствовал себя однажды плохо и решил разделить все свое имущество между детьми, которых у него было не то трое, не то четверо, все уже достаточно взрослые. Антону Семеновичу Сорокину при этом дележе (причем отец, конечно, не был королем Лиром и оставил себе львиную долю имущества) досталась чайная торговля, магазин на Люблинском проспекте и двухэтажный каменный особняк на одной из главных улиц города. Антон Сорокин решил торговать по новому способу; он все делал по новому способу: писал, печатал, рисовал картины. Рано утром он открыл свой магазин, вывесив на двери его объявление, что магазин будет торговать по-новому: приказчиков и кассира в магазине не будет, цены на товары обозначены на полках, каждый покупатель, которому понадобится чай, может взять все ему необходимое и положить деньги в кассу. Если деньги будут крупные, покупатель может взять из кассы ту сдачу, которая ему полагается. Благодаря отсутствию приказчиков и кассира, сообщал далее Антон Сорокин, он имеет возможность продавать чай ниже той цены, по которой он продается в других магазинах, где благодаря множеству приказчиков на чай приходится накладывать лишние проценты. Когда вечером Антон Сорокин пришел в свой магазин, чай был весь раскуплен. Он обрадовался и направился к кассе. Касса была пуста. Собственно, не совсем пуста: нашелся один человек, который честно положил в кассу три рубля за взятый им чай. Рассказывая об этом новом способе торговли, разорившем его в один день, Антон Сорокин совершенно серьезно говорил:

— По-видимому, я не нашел и вряд ли найду более удачные способы торговли.

Для того чтобы читатели легче запоминали его книги и рассказы, он придумал себе своеобразную «торговую марку»: на небольшой картинке, размером с почтовую марку, была изображена горящая и оплывающая свеча, оплывающее с нее сало образовывало буквы сверху вниз, до конца подсвечника — «Антон Сорокин». Так как он был изобретателем, то в числе различных изобретений он открыл новый способ дешевого производства клише. Он вытравил этот рисунок на цинке и, прибив его на дощечку, рассылал во все сибирские газеты и журналы да, думаю, и в российские тоже, прося при этом печатать его «фирменную марку» перед названием рассказа. Когда он выступал перед читателями, а он любил выступать, он вынимал из кармана подсвечник и свечку именно такую, какая изображалась на его фирменной марке, зажигал свечу, даже если дело происходило днем, и читал при свете этой свечи.

— Вы бы лучше, Антон Семеныч, взяли у какого-нибудь актера уроки чтения,— говаривал я ему.— И если вы будете читать хорошо, а читаете вы, надо сказать, очень плохо, слушатели запомнят вас гораздо легче.

На это он возражал совершенно серьезно:

— У меня тихий и хриплый голос, и никакой актер его не улучшит. Я уже пробовал.

Повторяю, он был изобретателем. Он занимался фотографией и умел переводить фотоснимки на желатин, который он каким-то твердым ровным слоем располагал на доске. С этого быстро застывающего прозрачного желатина он печатал свои рукописи во множестве копий, чтобы рассылать их в разные места. Кажется, он посылал их в библиотеки всего мира. Может быть, эти рукописи где-нибудь и сохранились.

Так как он потратил оставшиеся деньги на издание в Петербурге, в каком-то издательстве, которое дало ему за хорошее вознаграждение свою «марку», одной из своих «монодрам», то есть такой драмы, в которой участвовал только один герой, Антону Сорокину ничего не оставалось, как только поступить на службу. Он работал бухгалтером в управлении Омской железной дороги. Работал он там тоже своеобразно. Проработав один месяц, как работают все бухгалтеры, он пришел к управляющему и сказал:

— Этот ежедневный урок, который вы мне даете, я могу выполнить вместо целого дня в один час. Я прошу вас давать мне двойной урок, на который я буду тратить три часа в день по моему новому способу ведения бухгалтерских книг и отчетов. Но я буду выполнять двойной урок только при том условии, если вы мне разрешите все остальное время писать мои рассказы.

Управляющий разрешил. И действительно, Антон Сорокин, служивший в управлении чуть ли не до самой своей смерти, выполнял двойной урок и, кроме того, имел возможность писать на службе рассказы. Ему это чрезвычайно нравилось: не то, что он имеет возможность писать на службе рассказы, а то, что он придумал такой способ ведения бухгалтерских книг, который не может ввести ни один из бухгалтеров. Так оно, между прочим, и было. Бухгалтеры пробовали у него учиться, но ничего не получалось.

Многие в Омске называли его сумасшедшим. Я знал его в течение трех или четырех лет и, должен сказать, не встречал человека разумнее его. Возможно, что если бы он не прибегал к своим способам рекламы, его больше бы печатали. Но я не думаю, чтобы печатали так уж часто. Он был очень своеобразный писатель, и большинство редакторов, обладавших в те времена, как и сейчас, очень средним умственным уровнем, не могли понять его творчества, так же как зрители, которым он показывал свои странные картины, которые он называл «символическими», не понимали этих картин. Может быть, он был и прав, когда рекламировал себя. Возможно, что если бы время не было таким бурным, он бы утвердил свое имя в некоторых кругах художественной интеллигенции, которые поняли бы его чудачества, и его творческая жизнь пошла бы легче. Он писал превосходные рассказы о казахах и вообще о всех народностях Сибири, эксплуатацию которых он ненавидел. Я до сих пор помню его рассказ «Чукча Коплянто Анадырский».

Однажды он напечатал в типографии визитные карточки. Я сам печатал их. «Антон Семенович Сорокин» — значилось на них крупным курсивом. Пониже было напечатано: «Кандидат Нобелевской премии», а еще ниже, петитом,— его адрес. Когда он вручал свою карточку, глаза его весело щурились, и он смотрел, какое собеседник сделает лицо, потому что при печатании карточек он сказал мне:

См. «Огонек» № 7.

ДРУЗЕЙ

Всеволод Иванов среди участников встречи руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года.

Фото А. Устинова.

— Ведь редко кто догадается, что кандидат Нобелевской премии вовсе не значит лауреат. Кандидатом может быть всякий. А дураки всегда спутают слово «кандидат» со словом «лауреат» и будут думать, что я действительно лауреат Нобелевской премии.

— Но зачем вам это нужно, Антон Семенович?

— Реклама,— отвечал он, улыбаясь.

Эта реклама принимала иногда неприятные формы. И нужно было очень хорошо относиться к Сорокину, чтобы простить ему это. Когда началась война 1914 года, Антон Сорокин разослал из Омска письма в траурной рамке и свои фотографии, сообщающие, что знаменитый сибирский писатель Антон Сорокин, автор таких-то и таких-то книг, в начале войны покончил с собой в Гамбурге. После того как некоторые журналы и газеты напечатали это печальное сообщение, в частности оно появилось, помнится, в тогдашнем журнале «Огонек», Антон Сорокин немедленно разослал по всем газетам сообщение, что это ложь и что он в ближайшее время вплоть до победы над Германией не собирается помирать.

В 1919 году он решил устроить в Омске выставку своих картин. Сейчас, вспоминая его картины, я думаю, что они были очень оригинальными и по форме и по содержанию. Тогда я мало понимал в них, хотя сам тоже занимался своеобразной живописью, для заработка меняя на базаре свои картины, обычно изображавшие пруд, две-три ветлы над ним, украинскую хатку и месяц над прудом, а иногда девушку, которая идет вдоль этого пруда, неся в руке букет роз. Мне за эти картины — аршин размером в длину и пол-аршина в ширину,— написанные малярными красками на тонких дощечках, которые я сам сколачивал, платили полпуда-пуд картошки. Картин Антона Сорокина не покупали даже на базаре. И, разумеется, он в Омске не мог снять помещение для выставки.

Если идти по Люблинскому проспекту через железный мост, то как раз напротив губернаторского дворца строился какой-то дом, начатый еще при Колчаке и обнесенный плотным дощатым забором. Мы всю ночь трудились, прибивая на этот забор картины Антона Сорокина, написанные на листовом железе или на больших листах картона. Поверх этих картин, прямо на заборе, мы написали: «Выставка картин короля сибирских писателей Антона Сорокина». Надо сказать, что выставка наша имела большой успех, и прибили мы эти картины так крепко, что оторвать их от забора было невозможно. Антон Сорокин благоразумно не появился на вернисаже этой выставки, а я пошел туда в обеденный перерыв, надев чистую белую рубашку «апаш». Должно быть, для того, чтобы рубашка соответствовала краскам выставки, я нарисовал на воротнике акварелью змею, которая опускалась ко мне на грудь и жалила меня в самое сердце.

Возле выставки стояла толпа народа. Минут через пятнадцать после моего появления ко мне подошел агент Чека и отозвал меня в сторону.

— Это вы возобновляете королей в Советской республике? — спросил он меня и повел.

По дороге, впрочем, посмотрев мои документы и расспросив об адресе Антона Сорокина, которого я ему не сказал, заявив, что я хотя футурист, но Антона Сорокина не знаю, агент отпустил меня. Я тотчас же побежал к Антону Сорокину. Тому очень понравилось, что меня арестовали вместо него, и он сказал, что сейчас пойдет объясняться в Чека. Мы действительно оба направились в Чека. Антон Сорокин спросил, где есть закон, по которому нельзя выставлять картины на улицах. Ему ответили, что против его картин они пока ничего не имеют, но если специалисты заявят, что картины плохие и портят вкус добродетельных граждан Омска, то милиция снимет эти картины. Чека возражает против слова «король» и возражает еще потому, что знает, что сам Колчак посещал дом Антона Сорокина.

— Я сам об этом хлопотал,— сказал Антон Сорокин,— чтобы Колчак посещал меня. Я ему устраивал скандалы и теперь печатаю эти скандалы во всех газетах и читаю их на собраниях.

Нас отпустили. Выставка провисела два дня, а через два дня специалисты, по-видимому, признав, что выставка действительно портит вкус добродетельных жителей Омска, содрали и увезли на телеге в милицию картины Антона Сорокина, которые, быть может, лет пятьдесят спустя явились бы украшением музея сибирской живописи.

Еще через несколько дней Антон Сорокин пришел ко мне в типографию и сказал, что угощает омских писателей необыкновенным обедом. Мы подумали, что он изобрел какую-нибудь новую пищу, и охотно отправились к нему. Собралось человек шесть-семь представителей омской литературы. Обед был хороший: щи из говядины, телячье жаркое, хороший чай, белый хлеб.

— В чем же заключается необыкновенность этого обеда? — спросили мы.

— А в том,— ответил Антон Сорокин,— что он куплен на мои собственные деньги.

— Вы продали какую-нибудь рукопись?

Он ответил очень просто:

— Зачем мне продавать за какие-то деньги, когда я сам могу напечатать эти деньги?

И он показал нам бумажные деньги. У меня сохранился один экземпляр этого денежного билета, быть может, одного из редчайших в мире. Там стояла определенная сумма, а подпись была такая: «Король писателей Антон Сорокин, директор Государственного банка Всеволод Иванов».

Самое странное было то, что он действительно без особого труда купил за эти, между прочим, отлично напечатанные деньги продукты на базаре.

Дня через два его по обвинению в производстве фальшивой монеты арестовала Чека.

— Я не фальшивомонетчик,— сказал он.— Я был бы фальшивомонетчиком, если бы напечатал деньги от имени Советского правительства. А я напечатал от своего имени. Сибирский народ очень уважает меня как писателя и охотно берет мою валюту.

— Значит, вы признаете себя королем?

— Да, королем сибирских писателей, так как я пишу лучше всех их,— ответил он.

— Король, значит, вы? — спросили его еще раз.

— А вы, собственно, для чего переспрашиваете? — спросил он.

— А для того, чтобы убедиться, что вы сумасшедший, и притом тихий сумасшедший. Мы вас выпускаем, но если вы появитесь на базаре со своими деньгами, мы каждый раз будем сажать вас за это в кутузку на неделю.

Кстати, о правителе. то было в начале 1919 года. Я довольно часто приходил к Антону Сорокину, хотя путь к нему был очень длинный. Я жил на окраине города, в доме какого-то торговца на толкучке. Этот торговец не пустил бы меня на квартиру, но его только что ограбили, причем бандиты пытали его, загоняя под ногти щепочки. Они допытывались, где у него спрятаны только что полученные сорок тысяч рублей. Он отрицал получение. Пытали они его всю ночь. Деньги у него были закопаны в подполе, как раз под тем самым местом, где его пытали, и Лыков не сказал. Вот она, сила денег! Пустить-то он меня пустил вместе с матерью и моим братом, которого мучила малярия, но очень меня боялся. Наверное, я был действительно страшен: оборванный, в шубенке, из которой ползла вата, в рваных ботинках, грязный. Торговец, ложась спать, припирал дверь сначала болтом, а потом большим чурбаном.

Я переходил Омку, долго шел по улицам, по тропинкам, среди сугробов снега и, придя к Сорокину, с удовольствием грелся у него чаем. Надо сказать, что он очень хорошо вспоминал Советскую власть и утверждал, что, если б она продержалась, он бы много уже напечатал своих книг. И вот однажды, вскоре после моего прихода к нему, на второй этаж, где комната служила одновременно столовой и спальней (он кровать смонтировал так, что она помещалась в платяной шкаф, а платяной шкаф, вернее сказать, дно кровати, служил ему складом одежды), пришла молодая женщина, слегка широколицая, с большими веселыми глазами и слегка полная. По ее разговору я понял сразу, что она актриса. Но мне не удалось разговориться с нею: послышался звонок, и в комнату вошел небольшого роста седеющий человек, подстриженный бобриком, в черном мундире. Он поздоровался с актрисой, затем с женой Сорокина, поцеловал им руки, а затем Сорокин представил меня военному, сказав, что это, мол, молодой гений, си-

бирский прозаик, с которым переписывается М. Горький. Военный, пожав мне руку своей маленькой рукой, как-то небрежно проговорил:

— Колчак.

После этого мы сели пить чай. Разумеется, вовсе не ожидая увидеть у Сорокина сибирского правителя, я растерялся, но, с другой стороны, не желая показывать своей растерянности, я подбирал веселые и самоуверенные слова, и, разумеется, не мог подобрать. Антон Сорокин говорил о литературе: вместо того чтобы печатать прокламации, которые никто не читает, или газеты, которые повторяют все одну и ту же ложь, нужно открыть несколько иллюстрированных журналов, потому что писатели для этого имеются. Они расскажут правду, а народ сам разберется в этой правде. Колчак слушал его небрежно, глазами приглашая актрису встать и уйти: это была его жена. Впрочем, на допросе он отрицал это. Актриса не торопилась и вообще обращалась с грозным правителем довольно небрежно. Антона Сорокина он, как и большинство мещан, по-видимому, принимал за юродивого, и, быть может, то, что этот юродивый говорит ему суровую правду, льстило ему: у него есть такой же юродивый, какие были у всех московских государей. Я думаю, что это так. Другим невозможно объяснить те скандалы, которые устраивал Антон Сорокин Колчаку и которые далеко до того времени, когда Сорокин напечатал их, передавались из уст в уста омскими жителями.

Чай Колчаку подали в серебряном подстаканнике, в котором обычно пил его сам Антон Сорокин. Помешивая чай ложечкой, Колчак посмотрел на меня и спросил, думая, должно быть, не обо мне, а о чем-то другом:

— Итак, с вами переписывается Горький?

— Он написал мне два письма,— ответил я.

Колчак помолчал, помешал ложечкой, а затем сказал задумчиво:

— И Горький,— и опять, чуть помолчав, он добавил: — и в особенности Блок талантливы.— Затем, слегка вздохнув, он глотнул чаю и сказал: — И все же их обоих, когда возьмем Москву, придется повесить.— И он опять вздохнул, словно сожалея, что вот, мол, хорошие люди, но придется вешать, чтоб не распложать большевиков. Он опять вздохнул и добавил: — Очень, очень талантливы.

Затем, снова поцеловав руку супруге Сорокина, Колчак ушел, ведя под руку свою даму.

Антон Сорокин думал, что из всех сибирских литераторов он наиболее благоразумный и потому проживет дольше всех и, в сущности говоря, останется единственным сибирским писателем, потому что другие исчезнут по той или другой причине. Поэтому он считал возможным брать у других сюжеты, сравнения, объясняя это тем, что он пишет много, фантазия его огромна, но иногда не хватает сюжетов и подробностей. Поэтому он, когда мы оставались вдвоем и говорить нам было не о чем, называл различные предметы или людей, предлагая мне говорить, на что они похожи. У меня действительно была тогда большая образность, и мне лестно было, что Антон Сорокин так верит в меня. Я сыпал сравнения, метафоры, как из мешка. Антон Сорокин тщательно записывал их. Затем я рассказывал сюжеты и, как ни нелепы они были, Антон Сорокин записывал их все подряд. Не помню, употреблял ли он их, быть может, все это он делал для того, чтобы воспитывать во мне фантазию и уверенность в обращении с материалом. Может быть, благодаря тому, что он входил, так сказать, в самое сокровенное моего творчества, он узнавал мои работы под любым псевдонимом, а псевдонимами я тогда увлекался. Мне моя фамилия не нравилась, да и Антон Сорокин не очень одобрял ее. Вот Сорокин — другое дело!

— И вообще фамилия писателя или художника должна вести свое начало от какого-нибудь зверя. Писатель обобщает нечто родовое, и он должен уловить тотем своего рода. Если вы возьмете фамилию, скажем, Горностаев, Белкин, Медведев или Соболев, это принесет вам пользу, так как ваши предки, несомненно, имели тотем...— Он пристально смотрел на меня и говорил: — Рыбу! Язя, например? Или стерлядь.

Я хохотал.

— Когда я буду писать в юмористических журналах, я буду подписываться: «Стерлядь колечко».

Семейные говорили, что он болен туберкулезом. Он этим тоже очень гордился, считая, что настоящий писатель должен болеть именно туберкулезом. Это болезнь людей с фантазией. Ему предлагали лечиться, но он никуда не хотел ехать.

— Раз у меня туберкулез, мне нельзя тратить время на лечение, я имею право тратить время только на писание.

Писатели и художники охотно собирались у него. Он хвалил всех, как король, тот король, который хвалит своих помощников, пока целиком не захватил еще власть в свои руки.

Он любил ходить на различные собрания, которых тогда было так много: профсоюзные, художественные, религиозные... Особенно он интересовался сектантством, и благодаря ему я познакомился с рядом очень любопытных сектантских деятелей. Мне тогда по роду моей общественной работы приходилось выступать на многих промышленных предприятиях и на заводах Омска. Разумеется, это не те огромные заводы с тысячами рабочих, которыми теперь так известен Омск. Это были небольшие предприятия в двадцать — тридцать рабочих. Сто рабочих — это уже было крупное предприятие, и меня, в сущности говоря, мальчишку, выступать на такие предприятия не посылали. Так как я ходил по этим предприятиям обычно во второй половине дня, когда меня освобождали из типографии с сохранением содержания, а Сорокин приходил со своей бухгалтерской работы часа в три, он ходил со мной вместе. Я говорил речь, а он записывал те разговоры с рабочими, которые вел перед собранием.

— Ну, зачем вам-то записывать? — спрашивал я с моим мальчишеским самомнением.— Я напишу роман из жизни рабочего класса, но вы-то ведь романа писать не будете, такого, во всяком случае.

— Если я буду жить в рабочем государстве,— серьезно отвечал Антон Сорокин,— как же мне не писать романов из жизни рабочих? Все будут писать, а я должен буду написать лучше всех.

Когда я переехал в Петроград и написал свою первую повесть о Сибири, «Партизаны», я решил ее посвятить Александру Оленичу-Гнененко, поэту и человеку, который сделал для меня очень много. У нас был в Сибири обычай: посвящать свои произведения кому-либо. Так как близких друзей у меня почти не было, то иногда я посвящал свои произведения выдуманным друзьям. Вот передо мною лежит вырезка из газеты «Приишимье» моего первого рассказа «Сны осени». Он посвящен несуществующему моему другу, какому-то Эрбио Стробанс. Рассказ «Сын человеческий» из цикла «Зло — явь» был посвящен Александру Меншикову, едва ли не фавориту Петра Первого. Рассказ «Зеленое племя» был посвящен Антону Сорокину.

После «Партизан» я стал писать «Бронепоезд» и, начав писать его, сообщил Антону Сорокину, что посвящаю эту повесть ему. Но по-

ВОЗЛЮБЛЕННОМУ РУССКОМУ НАРОДУ

400 лет книгопечатания в России

В. ИСТРИН

ИВАН ФЕДОРОВ.
Портрет неизвестного художника.

В марте 1964 года отмечается 400-летие русского книгопечатания.

Книгопечатание — одно из величайших человеческих изобретений. Книгопечатание позволяет каждому новому поколению овладевать всем богатством знаний, добытых в предшествующие эпохи. «Книга,— писал М. Горький,— быть может, наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворенных человечеством...»

Четырехсотлетний юбилей книгопечатания связывается с выпуском Иваном Федоровым в марте 1564 года в государственной типографии, организованной в Москве по указу Ивана Грозного, первой русской датированной печатной книги — «Апостола». Правда, как сейчас установлено, примерно за десятилетие до «Апостола» в Москве было напечатано несколько анонимных изданий. Более ранний их выпуск подтверждается имеющимися на них дарственными надписями: одна из таких надписей датирована 1559 годом. По-видимому, издания эти печатались в какой-то частной типографии, существовавшей в Москве до организации государственного книгопечатания. Кто был их печатником, точно не установлено. Возможно, в подготовке их принимал участие упоминаемый в одном из писем Ивана Грозного от 1556 года некий «мастер печатных книг» Маруша Нефедьев. Несомненно, участвовал в выпуске этих книг и Иван Федоров, иначе было бы непонятно, отчего именно ему — незаметному дьякону церкви Николы Гостунского,— поручил Грозный организацию государственной типографии.

Но почему юбилей приурочен к четырехсотлетию «Апостола», а не анонимных изданий? Главная причина в том, что выпуск «Апостола» точно датирован, а время напечатания анонимных изданий остается неясным. Кроме того, анонимные издания — это еще очень несовершенные опыты книгопечатания; их печатники, например, не умели выравнивать концы строк, и наружные края набора оказывались извилистыми. Наоборот, «Апостол» — прекраснейший образец типографского искусства.

Кроме «Апостола», Федоров напечатал два издания «Часовника». Вскоре после этого вместе со своим помощником Петром Мстиславцем он покинул Москву и переселился сперва в Литву, а затем на Украину. По-видимому, одной из причин этого были преследования со стороны невежественных церковников, считавших книгопечатание еретическим новшеством: так объясняет свой отъезд сам Федоров в послесловии к львовскому изданию «Апостола» (1574 г.).

И в Литве и на Украине Иван Федоров, несмотря на противодействие католического духовенства, упорно продолжал печатание славянских книг. Особенный интерес представляет написанная самим Федоровым и выпущенная им в 1574 году во Львове первая русская учебная книга — «Грамматика славянского языка»; единственный

дошедший до нас экземпляр этого издания найден около десяти лет назад. Грамматика посвящена Федоровым «возлюбленному, честному... русскому народу». Книга эта показывает Федорова не только как талантливого печатника, словолитчика, издателя, редактора и оформителя книг, но и как крупного ученого своего времени.

Умер Иван Федоров в 1583 году во Львове; незадолго до смерти его типографию отняли за долги. Похоронен Федоров на кладбище при львовском монастыре; на его могиле была возложена плита с гербом Федорова и с надписью «друкарь книг, пред тым невиданных». Впоследствии эта плита была использована католическими монахами для перестилки пола в монастырской церкви, а в конце XIX века эту плиту уничтожили; не найдена до сих пор и могила Федорова.

Таково начало русского книгопечатания. Особенность его в отличие от западноевропейского в том, что оно возникло в результате правительственной инициативы и в течение двухсот лет оставалось государственной прерогативой. Частные издательства и типографии появились в России лишь при Екатерине II и просуществовали меньше полутораста лет.

Развитие русского книгопечатания неразрывно связано с историей русского общества, с развитием русского общественного движения, науки и литературы.

Крупнейшие изменения внес в русское книгопечатание Петр Первый. По его указу и при его личном участии осуществлена реформа русской азбуки, архаичный полууставный шрифт заменен близким к современному гражданским шрифтом. При Петре же начался широкий выпуск книг светского, главным образом учебного и научного содержания, и была создана первая русская печатная газета — «Ведомости».

В середине XIX века за рубежом Герцен создает русскую бесцензурную печать — альманах «Полярная звезда» и газету «Колокол». Почти одновременно в России развертывается издательская деятельность Некрасова, Чернышевского и Добролюбова, объединившихся вокруг журнала «Современник»; выходит в 1872 году первое издание «Капитала» К. Маркса, появляются подпольные народовольческие прокламации.

Особенно усиливаются революционные течения в русской печати в начале XX века. В 1900 году по инициативе Ленина и Плеханова создается первая социал-демократическая газета «Искра». Наряду со «Знанием» возникают большевистские книжные издательства, например, «Прибой», а социал-демократическую литературу в погоне за прибылью начинают издавать даже коммерческие издательства. «Марксистам льстили,— пишет об этих годах В. И. Ленин,— за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг».

Новый революционный подъем знаменуется организацией первой массовой ежедневной легальной большевистской газеты «Правда»; первый номер ее вышел 5 мая 1912 года.

Принципиально новое направление дала издательской деятельности победа Октябрьской революции. Произведения печати стали подлинно народным достоянием.

Правда, около года после Октябрьской революции еще существовали частные издательства; ликвидированы они декретом в ноябре 1918 года. Первыми советскими книгоиздательствами были издательства «Коммунист», «Прибой», издательства ВЦИК, Наркомпроса; в мае 1919 года многие из них объединились в Госиздате. Огромное значение получил боевой агитационный плакат, в том числе знаменитые «Окна Роста» В. Маяковского. Распределялась литература до 1921 года в основном бесплатно через «Центропечать».

Значительно увеличился рост советской печатной продукции в послевоенные годы. По данным ЮНЕСКО, на долю СССР падает пятая часть мировой книжной продукции.

Особенностью советской издательской деятельности является ее массовость и многонациональный характер. В 1962 году книги издавались в СССР на 93 языках, журналы — на 58 и газеты — на 63 языках.

Широко развито в СССР общественное потребление произведений печати. В бесплатное, в том числе библиотечное, потребление ежегодно поступает около 35 процентов экземпляров издаваемых книг, около 30 процентов журналов и около 15 процентов газет.

За 400 лет русское книгопечатание прошло большой путь. Но наивысшего расцвета оно достигло за последние 46 лет. Советская книга — массовая книга, созданная народом и служащая народу.

ИВАН СИЛИН—ЧЕКИСТ

Хороший человек встретился нам в повести Варткеса Тевекеляна; из тех людей, теперь уже немногочисленных, которые в красноармейской, подбитой степными ветрами, шинели дрались еще в гражданскую и, закаленные в ее святом огне, остались в строю на долгие и многотрудные годы.

У них, конечно, тоже была юность, и любовь ко всему прекрасному, и свое представление о счастье.

«И еще я любил представлять себе, как, закончив войну, поеду в Москву, отправлюсь в консерваторию и скажу: «Мои пальцы одеревенели, потому что долго держали винтовку. Мой слух притупился потому, что вместо музыки я слушал орудийную канонаду. Прошу вас, примите меня в консерваторию!»

Так мечтает паренек из южного города Ваня Силин. Но не становится он музыкантом, становится чекистом. В том возрасте, в котором в наши дни приходят сдавать экзамены на первый курс вуза, начал коммунист Иван Силин бессонную и бессрочную работу в Чека. Пришла было любовь, парень ее заглушил в себе, чтоб не мешала служить делу революции. Автор книги сумел просто, ясно и оттого выразительно и запоминающе рассказать о будничной и каждодневной романтике суровой борьбы питомцев школы Ф. Э. Дзержинского с разномастными врагами революции: эсерами, националистами, контрабандистами, валютчиками, бандитами...

Рано столкнулся герой повести с трагическими по своим последствиям противоречиями в работе Чека. Люди с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками, как говаривал Феликс Эдмундович, люди высокой революционной принципиальности и безграничной верности партии воспитали молодого чекиста Ивана Силина. Тепло и умело выписаны автором образы Ивана Мефодьевича Яблочко, коменданта южного порта, Модеста Ивановича Челнокова, начальника отдела, первого наставника Силина, молодого чекиста Гугуши, совершившего тяжелый проступок, но честного и преданного... В противовес этим людям появляется на жизненном пути Ивана Силина мрачная фигура властолюбивого невежды, жестокого и тупого карьериста Медведева, начальника одного из управлений.

«Хорошо, что Медведевых единицы,— размышляет Силин.— А что будет, если со временем их станет больше?»

В годы культа личности их стало больше. С тревогой и печалью наблюдает коммунист Иван Егорович Силин, работающий теперь, после долгожданной учебы, директором одного из крупных заводов, как редеют ряды честных тружеников.

С тревогой и печалью узнает коммунист Иван Силин, что старые его фронтовые товарищи, старые соратники по работе в Чека объявляются «врагами народа», шпионами иностранных разведок.

И Силина не миновала беда. Арест, одиночка, допросы... «Посадили нас, группу осужденных, в теплушку, оборудованную нарами, с железной печуркой и решетками на маленьких окнах, и поехали мы в неизвестном направлении».

Но с глубокой верой в конечное торжество ленинской правды написаны последние главы повести о жизни Ивана Силина. Хоть и трудная, военная пришла пора, хоть и смерть подстерегала каждый час разведчика-солдата, мысль, что он служит своей Родине, отодвигала куда-то далеко пережитые обиды, горе.

Все остается позади. В строю советских людей, строящих будущее, коммунист Иван Егорович Силин, человек с седыми висками, с трудной судьбой.

М. АЛЕКСАНДРОВ

В. Тевекелян. Гранит не плавится. Изд-во «Советский писатель», Москва, 1963 год.

том я, наверное, забыл об этом или, быть может, кто-нибудь сказал мне, что посвящение старомодно; как бы то ни было, когда повесть была напечатана, посвящения Антону Сорокину не было. Он написал мне ругательное письмо, обвиняя меня в зазнайстве. Наверное, так оно и было, потому что вместо того чтобы извиниться перед старым моим другом, я обиделся и ничего не ответил ему. С той поры наша переписка порвалась.

Я много лет собирался поехать в Омск. Жил я там, как вы сейчас понимаете, не очень хорошо, и, когда я собирался поехать, у меня была хорошая и правильная идея: собрать произведения моих друзей времен гражданской войны,— но, к глубокому сожалению, я не осуществил этой идеи. Каждый раз тяжелые воспоминания поднимались на сердце, и я уезжал куда угодно: в Архангельск или в Среднюю Азию,— но только не в Омск. Хотелось мне написать и Антону Сорокину, хотелось помириться, но все откладывал, жизнь все крутила, и вот однажды, когда я собирался на собрание в правление издательства «Круг», где должны были разбираться вопросы, которые казались мне тогда страшно важными, раздался телефонный звонок. Женский голос сказал мне:

— Это говорит жена Антона Сорокина. Антон Семенович сильно захворал, и врачи нашли единственный способ спасти ему жизнь: отправить его в Крым. Мне стоило больших трудов уговорить его поехать туда. Когда он приехал в Ялту, санаторий, в который его направили, отказался его принять, так как у него третья стадия туберкулеза, а при третьей стадии в этот санаторий не принимают. Я не имела возможности и средств хлопотать о переводе Антона Семеновича в другой санаторий, и мы решили, вернее сказать, он настоял, чтобы мы вернулись в Москву и чтобы вы похоронили его здесь. Он просит у вас за все, что сделал вам нехорошего, прощения. Сейчас он лежит в приемном покое при вокзале. Больных много, положить его некуда, и он лежит на полу. Помогите ему.

Разумеется, я ни капли не поверил, что Антон Сорокин находится при смерти. Я позвонил в «Известия» Г. Устинову, человеку, имевшему отношение к писательству, писателю и другу Есенина. Человек этот охотно пошел мне навстречу, выхлопотал место в хорошей больнице, куда сразу же перевезли Антона Сорокина, а я решил навестить своего старого приятеля после того, как кончится заседание «Круга».

В середине заседания меня вызвали к телефону.

— Говорят из больницы. Здесь по вашей просьбе помещен больной Антон Сорокин. Он только что скончался.

Я написал некролог об Антоне Сорокине и напечатал его в «Известиях»: «...приглашаем земляков отдать последний долг замечательному сибирскому писателю». На похороны, кроме жены Сорокина да меня, пришли только два земляка: писатель Ф. Березовский и библиотекарь из Ленинской библиотеки, занимавшийся библиографией Сибири.

Антон Сорокин завещал похоронить его в красном гробу. Больница находилась на одном конце города, Ваганьковское кладбище, где должен был быть похоронен Сорокин,— на другом. Мы торопились. Кладбище закрывалось в семь часов, а было что-то около шести. Рысью, через всю Москву неслись погребальные дроги, солнце приближалось к закату, и красный гроб становился все краснее и краснее.

Когда дроги прибыли на кладбище (провожавшие ехали на машине «Известий», я приехал раньше), ворота закрывались и пьяные могильщики собирались уходить. Мне стоило большого труда уговорить их, чтобы они остались. Они подняли гроб Сорокина на плечи и, пошатываясь, в начинающихся сумерках несли его среди могил.

Некоторое время спустя я хоронил на этом же кладбище Сергея Есенина. Великая тоска терзала меня. Когда присутствовавшие на похоронах разошлись, а их было много, я пошел побродить по кладбищу. Невдалеке я натknулся на ограду и камень, надпись на котором сначала показалась мне непонятной. Только несколько минут спустя, придя несколько в себя, я смог прочесть: «Здесь покоится тело великого сибирского писателя Антона Сорокина».

Валентин ЕРАШОВ

Рассказ

Сказка о синем

Эта СКАЗКА начинается так, как начинаются все сказки на свете...

Жил-был в большом городе маленький Валерка. Жил с мамой, а отец что-то больно уж долго не возвращался с войны, хотя война кончилась семнадцать лет назад. Вернее, отец один раз вернулся— Валерка не помнит, когда,— но, как видно, был отец храбрым солдатом, потому что его снова послали воевать далеко-далеко, в незнакомую и непонятную страну, даже мама забыла ее название. Взрослые умеют придумывать такие хитрые слова, что даже сами не могут их потом запомнить.

В сентябре весь первый «А» собирал стальные перышки: золотистые «восемьдесятшестые», «рондо», которыми запрещали писать в классе, «пионер», «ласточки»... В октябре перекинулись на конфетные бумажки. Валерка не отставал от других. А вот в ноябре пришлось ему круто.

Началось с того, что хвальбишке Борьке Бергельсону на день рождения подарили альбом с марками. Борька приволок альбом в школу и все четыре урока перелистывал его, загораживая локтями от соседей, будто те могли слопать марки. Под конец дня Борька получил три двойки и ушел домой зареванный. Но свое подлое дело Борька-таки сделал: наутро все мальчишки первого «А» уже называли себя мудрено и важно — филателистами.

Хорошо заделаться филателистом тому, у кого есть и папа и мама: они могут дать денег, чтобы купить в книжном магазине прозрачные пакетики: в каждом по пять, а то и по десять разноцветных марок с ровными зубчиками, с отчетливыми штемпелями. На худой конец, неплохо и тем, в чей дом чуть не каждый день приходят письма от родных и знакомых. А как быть, если мама у тебя просто счетовод в конторе «Горремстрой», а папка воюет далеко-далеко, в стране с забытым всеми названием, и не пишет, и бабушка умерла, и дедушка тоже, и писем совсем не от кого получать?

Тогда Валерка и додумался собирать спичечные коробки.

Дело тоже оказалось хлопотным и нелегким. В магазинах висели грозные объявления: «Детям до шестнадцати лет вино, папиросы и спички не отпускаются». Мама же спички вечно забывала покупать, вечерами бегала к соседке занять несколько штук, а когда спохватывалась, приносила сразу полную сумку одинаковых коробков со скучными надписями: «Уничтожайте колорадского жука» и «Берегите жилище от пожаров». В магазин спички привозили в больших ящиках, и нет, чтобы додуматься класть в них коробки с разными картинками — все они были про колорадских жуков, которые в городе не водились, а каменные дома за всю Валеркину жизнь не горели ни разу.

Однако хлопотливое и нелегкое дело, хоть и медленно, шло на лад. Валерка выпрашивал пустые коробки у соседей, подбирал их, мокрые, на трамвайной остановке, менялся с Гришкой из первого «Б», и через месяц в фанерном чемодане с оторванной крышкой, где раньше навалом хранился всякий необходимый хлам, ровными рядочками теснились разноцветные коробки — сто двадцать четыре штуки. Для ровного счета не хватало одного.

В тот вечер Валерка дотемна гонял в парке на лыжах, а когда вернулся в раскисших валенках, с липкими волосами и красными, как гусиные лапы, руками, мама даже внимания не обратила на то, что всегда называла «непотребным и разгильдяйским видом».

Мама разговаривала с гостем.

Завидев его, Валерка забыл даже шмыгнуть носом, стянуть кожаную ушанку и поздороваться.

В гостях у мамы был не иначе, как адмирал. Правда, без погон, зато с широченными золотыми нашивками на рукавах синего кителя, с большим, тоже золотым, похожим на яйцо значком и тремя орденскими планками. Золотые ветки украшали козырек фуражки, брошенной на диван, выше козырька сверкала — опять золотая! — затейливая штуковина.

— Здоров, гвардеец! — первым сказал адмирал, протягивая Валерке ладонь, которой он, наверное, крутил штурвал самого главного на флоте корабля.

— Раздевайся, сынок, мой руки, садись пить чай,— сказала мама.

И мама и адмирал пили вино, наливая его из длинной, похожей на гранату бутылки с нерусской надписью. Адмирал называл вино сухим, и Валерка подивился: вино жидкое, вроде воды, а разве ж бывает сухая вода? Лед — и тот мокрый, чуть возьмешь его в руки.

Мама принарядилась в прозрачную кофточку, красивую и удивительную: надетая на маму, она становилась розовой, хотя на самом деле была голубоватой.

Допив последний глоток из высокой рюмки, адмирал спросил:

— А курить у тебя, Аннушка, можно?

Валерка даже похолодел: курить в комнате мама не разрешала. Неужели запретит самому адмиралу?

Но, как видно, мама тоже понимала толк в морских делах. Она быстренько сказала:

— Кури на доброе здоровье.

Однако — ох, женщины! — прибавила совсем непочтительно:

— Кури, Женечка, вот пепельница.

Пепельницей — должно быть, из уважения к адмиралу — она решила назвать обыкновенное чайное блюдечко.

Теперь Валерка окончательно уверился в том, что мамин гость — адмирал. Да и как не поверить! Все мужчины кругом курили кто «Беломор», кто «Север», кто сигареты «Пчелка» или «Памир». А тут...

Адмирал неторопливо достал из кармана длинную, прямую, даже на вид тяжелую трубку — такие Валерка видел только в кино,— медленно и старательно набил ее золотым — все у него было золотым! — табаком и принялся чиркать одну спичку за другой, потому что табак не хотел гореть.

Если бы адмирал не был адмиралом, Валерка обязательно ахнул бы, увидев спичечный коробок, положенный наконец возле тарелки. В присутствии адмирала не полагалось ахать. Валерка только шмыгнул носом.

Коробок был всем коробкам коробок!

Большой, обклеенный блестящей зеленой бумагой, с ярко-красной чиркалкой на боках!

С нерусскими буквами вдоль краев!

С невиданной, замечательной картинкой!

На желтом, как лимонная корка, песке высилась коричневая пальма. Ее освещало круглое солнце с длинными лучами. А возле пальмы, подставив солнышку высокий горб и важно задрав голову, стоял и смотрел вдаль синий-синий верблюд.

Если бы адмирал предложил Валерке меняться, Валерка в ту же минуту отдал бы за коробок все сто двадцать четыре коробка с фанерным чемоданом в придачу.

Но, конечно, адмирал не расстанется со своими адмиральскими сокровищами: золотыми нашивками, золотыми штуковинами на фуражке, золотым табаком, тяжелой трубкой и невиданным коробком — об этом нечего и думать.

— Наелся, сынок? — спросила мама.

— Спасибо.

Сейчас мама скажет: «Умывайся и ложись спать».

Мама сказала:

— Можешь пойти к тете Вере посмотреть телевизор. Сегодня можно.

Ну, понятно, что сегодня можно, сегодня необыкновенный вечер, сегодня вообще можно не ложиться спать: ведь в гостях у нас адмирал!

Валерке очень не хотелось уходить к тете Вере, хотя такое выпадало не часто: смотреть позднюю передачу для взрослых, даже, может быть, такую, где написано: «Детям до шестнадцати лет...» и так далее.

Перед адмиралом Валерка не стал артачиться. В последний раз поглядев на синего-синего верблюда, он отправился к тете Вере.

А через два часа, когда дикторша на экране вежливо улыбнулась и сказала: «Спокойной ночи, товарищи!», когда Валерка вежливо улыбнулся и сказал: «Спасибо, тетя Вера, спокойной ночи!» — вдруг вбежала мама в накинутом на красивую прозрачную кофточку старом пальтишке, пошепталась с тетей Верой, приложила руку — ладонью наружу — к Валеркиному лбу и, глядя в сторону, торопливо проговорила:

— Ишь, разморило как тебя, а на улице холодина, ты уж не студись, оставайся у тети Веры, переночуй.

Все было удивительным в этот необыкновенный вечер, когда в гости к маме пришел сам адмирал...

Но настоящие чудеса начались все-таки позже.

Едва Валерка улегся на тети-Верин диван, едва щелкнул выключатель и белая, в ночной рубахе, тетя Вера отдернула занавеску и приоткрыла форточку, едва прошлепала она в свой угол босыми ногами и отзвенели пружины на ее кровати,— тотчас же черное — пока горел свет — небо за окном стало светлеть, светлеть, пока не сделалось голубым, как на том адмиральском спичечном коробке. И вот уже из путаницы узоров на стеклах шагнула вперед пальма. И пол с лунной дорожкой стал желтым, как лимонная корка, песком. И синий-синий верблюд с высокими горбами неслышно появился из тьмы, и тонко прозвенели бубенцы на его шее, и, подогнув узластые колени, верблюд улегся на лимонный песок. И Валерка уже знал, что это далекая, неизвестная страна, которую зовут не то Мадагаскар, не то Никарагуа, а может быть, Танганьика, в общем, та страна, название которой не помнит даже мама, страна, откуда не бывает писем и где идет много лет непонятная война.

Тонко звенели бубенцы — это верблюд встал, верблюд кланялся и шаркал копытом, как дрессированный пони в зоопарке, верблюд кланялся, и тонко звенели его бубенцы, и звенел пронзительный, как луч солнца, клинок, и человек — выше пальмы, прямее пальмы — встал рядом и сказал:

— Здравствуй, сынок.

— Здравствуй, папа,— ответил Валерка.— Кончилась, папа, твоя длинная война?

— Кончилась война, сынок,— сказал отец.— Кончилась моя длинная война.

— Значит, мы сейчас поедем домой, папа? Ты для этого привел синего верблюда?

— Нет, мы не поедем домой, сынок. Ты поедешь один. А мне оставаться здесь. Разве ты не видишь ракеты вон там, за океаном?

верблюде

Рисунок И. Ушакова.

Разве ты не слышишь, как рычат чужие самолеты? Разве ты не знаешь, что еще остались у нас враги?

— Ты адмирал, папа? Или генерал? Ты куришь золотой табак из длинной тяжелой трубки? Ты здесь главнее всех, да, папа?

— Да, я главнее всех, сынок. Только я не генерал и не адмирал. Я солдат, сынка, понимаешь? А самый главный на войне — солдат, хоть и курит он не золотой табак, а серую махорку и нет у него золотых нашивок и золотых погон. Ты понял меня, сынок? Ты будешь солдатом тоже. А сейчас синий верблюд ждет тебя, и ветер качает пальмы, и свистит песок, и рычат чужие самолеты. Собирайся, сынок, пора...

И неслышно исчез во тьме синий-синий верблюд. И лимонный песок стал обыкновенным полом, а тонкая пальма — морозными разводами на стекле, и голубое небо за окном потемнело, потому что щелкнул выключатель и загорелась лампочка, потому что настало утро.

Когда Валерка влетел в их с мамой комнату, мама убирала со стола. Высокая рюмка поблескивала рядом с длинной, похожей на гранату бутылкой. Над блюдцем, полным табачного пепла, еле заметно струился пахучий дымок, он делался тоньше и тоньше, вот-вот должен был умереть. А посреди стола лежал спичечный коробок с синим верблюдом.

— Мам, правда, он адмирал? — спросил Валерка, поглядев на бутылку, блюдечко и верблюда.

— Кто, сына?

— Он,— сказал Валерка, не решаясь назвать дядей Женей вчерашнего раззолоченного человека.

— Дядя Женя? — догадалась мама.— Нет. Он мой школьный товарищ. Мы вместе учились. Давно. И долго не виделись.

Мама вздохнула и улыбнулась — она умела делать это сразу.

— Ну, ладно, вместе учились. А кто же он, мама?

— Он штурман на эс-эр-тэ [1], вот он кто, понял?

Валерка не понял, но переспрашивать не стал. Штурман и эс-эр-тэ — оба эти слова означали непременно что-то важное, большое — иначе разве стал бы дядя Женя ходить весь в золоте, курить золотой табак и носить в кармане синего верблюда, каких наверняка не видел никто во всем городе...

Должно быть, дядя Женя только что ушел и вот-вот вернется, чтобы взять забытую на столе коробку с верблюдом. Валерка погладил блестящую бумагу кончиками пальцев, осторожно открыл коробок. Там не осталось ни одной спички. Надо спрятать, потому что вдруг мама — ох, женщина! — по рассеянности либо случайно выкинет коробок в поганое ведро...

В последнюю минуту Валерка передумал и принес коробок в школу. Как Борька Бергельсон, сперва он рассматривал коробок, заслонив локтями от соседей, потом не выдержал, показал на перемене Гришке из первого «Б» (Гришка канючил всю переменку, чтобы поменяться на двадцать коробков), показал хвальбишке Борьке Бергельсону, чтобы не слишком задирал нос, показал одному за другим всем одноклассникам, никому, впрочем, не позволив дотронуться до коробка.

Штурман дядя Женя пришел и в этот вечер; снова на маме была удивительная, розовая и в то же время голубая кофточка, снова стояла бутылка вина с нерусскими буквами, пахло золотым табаком. Только спички у штурмана были на тот раз обыкновенные, с призывом собирать металлолом. Валерка пил чай, стараясь не шмыгать носом, не кашлять и вообще оставаться по возможности незаметным: а вдруг штурман забыл о синем верблюде?

Наверное, он и в самом деле забыл или же решил с непонятным великодушием дать Валерке возможность хоть еще на вечер остаться хозяином драгоценности. Во всяком случае, о коробке штурман и не заикнулся. Кончилось тем, что подобревшая мама снова отправила Валерку смотреть телевизор, теперь уже заранее предупредив, что ночевать ему придется у тети Веры, поскольку погода не располагает к ночным прогулкам.

Так повторилось и завтра, и послезавтра, и всю неделю, и каждую ночь темное небо в окне становилось голубым, пол превращался в лимонный песок, синий верблюд тихонько и тоненько звенел бубенцами, только почему-то отец не приходил больше — наверное, потому, что вражьи моторы теперь рычали сильнее и ближе, а ракеты повернулись к стране, название которой не могла вспомнить мама.

Зато вдруг однажды рядом с верблюдом встал дядя Женя — весь в золоте, с тяжелой трубкой, набитой золотым пахучим табаком. Он улыбался весело и ласково, как улыбался по вечерам только маме — на Валерку он дома не обращал никакого внимания — и дымил трубкой, и пальма склонилась к нему.

— Дядя Женя,— весело спросил Валерка,— вы не сердитесь на меня за коробок?

— Ну что ты, гвардия! — ответил дядя Женя, сверкая нашивками.— Я подарю тебе еще, хочешь? Целый десяток?

Валерке очень хотелось, чтобы ему подарили целый десяток замечательных, невиданных коробков, но он пожалел дядю Женю, которому, наверное, нелегко будет расстаться с таким богатством.

Валерка сказал:

— Пожалуй, хватит и трех, дядя Женя, спасибо!

— Хорошо, пусть будет три,— согласился штурман.

— Дядя Женя, а что такое эс-эр-тэ? — окончательно осмелев, спросил Валерка.

— О, это... Видишь?

Огромные корабли, дымя высокими трубами, накренив мачты, неслись к берегу, выстроенные в ряды, как солдаты. Их было много, они заполнили весь океан.

— Видишь? Все эти корабли вместе и называются Эс-Эр-Тэ.— Советский Революционный Таран. Ты знаешь, что такое таран?

— Знаю, дядя Женя. Им сокрушают крепости.

— Да. Так вот, наш Эс-Эр-Тэ может сокрушить любую вражескую крепость.

— И ту, где ракеты?

— И ту, где ракеты. А я штурман на Эс-Эр-Тэ. Я веду все свои корабли на штурм, ты понял?

— Я понял, дядя Женя, я понял!

И синий верблюд кивал опущенной головой, и тонко звенели бубенцы...

А в воскресенье дядя Женя не пришел. Не пришел он и в понедельник, и во вторник, и в среду. Мама не надевала по вечерам красивую прозрачную кофту, а когда Валерка заикнулся насчет телевизора, мама прикрикнула:

— Ишь, разбаловался, каждый вечер шляться! Лучше в углу прибери у себя, там черт ногу сломит!

И вдруг заплакала, хотя плакать полагалось совсем не ей, а Валерке, на которого накричала ни за что ни про что.

В четверг первый «А» отправился в зоопарк.

Верблюд за высокой решеткой был рыжий, тощий, облезлый, шерсть с него валилась клочьями, а запрятанные под надбровья глаза были маленькими, злыми, тусклыми. Валерка сердито смотрел на него, пока верблюд не повернулся боком, загородив собой низкое зимнее солнце. Тогда и оказалось вдруг: верблюд в самом деле синий, он оказался совсем синий на фоне зимнего ноябрьского солнца и серого неба.

Свернули в боковую аллею, чтобы посмотреть на медведей, и здесь Валерка увидел, как навстречу, сверкая позолотой на фуражке и нашивками на рукавах шинели, шагает штурман Эс-Эр-Тэ. Так по крайней мере ему показалось.

— Дядя Женя! — крикнул Валерка и выбежал из строя.

Валентина Павловна крикнула ему что-то вдогонку, но Валерка даже не обернулся.

— Дядя Женя! — сказал он, вздернув голову так, что кожаная шапка едва удержалась на макушке.— Дядя Женя, почему вы не приходите к нам в гости? Мама плакала вчера, дядя Женя... Или вы рассердились на меня за коробок, дядя Женя? Так я ведь отдам его, дядя Женя!

— Гляди, шапку потеряешь,— сказал позолоченный штурман.— Какая мама, какой там еще коробок?..

— Мама, что такое эс-эр-тэ? — спросил Валерка вечером.

Мама ответила не сразу, медленно и нехотя:

— Это пароход такой. Маленький. На нем селедку ловят.

А потом Валерка сказал, что ему надо пойти к Борьке, спросить, какую задачу велено им решать дома. Он потихоньку достал запрятанный в самый низ фанерного чемодана коробок, обклеенный блестящей бумагой, вышел на двор, погладил блестящую бумагу кончиками пальцев, с размаху кинул коробок в грязный снег и стал топтать его ногами, шепотом выкрикивая:

— Не бывает синих верблюдов! Не бывает! Не бывает!

Эта сказка кончается не так, как обычно кончаются сказки. Не всегда у сказок бывает счастливый конец.

Калининград.

---

[1] СРТ — средний рыболовный траулер, небольшое промысловое судно.

СНОВА УДАЧА

Николай Засухин, артист Куйбышевского драматического театра имени Максима Горького, покорил зрителей буйным размахом натуры Петра Артамонова, заставив остро почувствовать трагедию «хозяина» — раба собственности. И вот новая удача актера — в горьковском спектакле «Мать».

Добродушный рабочий парень Павел Власов на наших глазах становится солдатом революции.

Путь Павла хоть и начат неверными, пьяными шагами, копирующими звероподобную поступь отца, дальше поворачивает на иную колею жизни. Засухин-Власов — агитатор, убежденный революционер, подчиняет весь зал могучему обаянию натуры борца.

Актриса В. Красева исполняет роль Ниловны. Строго и сдержанно ведет она беседу со зрителем,— ведь спектакль и построен как своеобразный рассказ Матери. Из стен тюремной камеры рассказ этот обращен к тем, кто пришел смотреть спектакль, сильно и интересно поставленный режиссером Л. Монастырским.

На снимке: Ниловна — В. Красева, Павел Власов — Н. Засухин.

Куйбышев.

ПРЕМЬЕРА В ПСКОВЕ

В Псковском театре драмы имени А. С. Пушкина идет премьера «Дочь России».

Это интересная попытка автора документальной драмы П. Чередниченко и постановщика Л. Луккера рассказать со сцены о живых связях основоположников коммунизма — Маркса и Энгельса — с революционной Россией.

В спектакле Маркс и Энгельс, встречаясь с русской революционеркой Лизой, узнают от нее подробности жизни великого народа, который готовится к борьбе.

В роли Карла Маркса — артист Н. Крицкий, Фридриха Энгельса играет А. Багрецов, Лизу — ее-то любовно и называют дочерью России — В. Шмакова.

Все исполнители хотят добиться не только портретного сходства — они передают в зал мысли и чувства, волновавшие их героев.

На снимке: сцена из спектакля.

Псков.

Фото М. Демиховского.

У ТЕАТРАЛЬНОЙ КАРТЫ СТРАНЫ

Представьте себе театральную карту страны. Сколько театров! Большие и маленькие, музыкальные, драматические, детские... По вечерам здесь зажигаются огни рампы, раздвигается занавес, и зрители охвачены ожиданием волнующей встречи с искусством.

Много хороших спектаклей показывают театры страны.

Мы расскажем вам о некоторых из них.

КИЕВЛЯНЕ АПЛОДИРУЮТ «ХОВАНЩИНЕ»

Славится Украина голосами. В Киевском театре оперы и балета что ни имя, то громкое. И повторяют его с уважением не только советские слушатели, но и любители вокала многих стран. А запомнив имя певца, следят за дальнейшей его творческой судьбой.

В новом сезоне сценическая биография многих артистов Киевского театра имени Шевченко обогатилась галереей замечательных образов. Театр показывает «Хованщину» Мусоргского, «Тоску» Пуччини, балет Кара-Караева «Семь красавиц». Готовятся «Трубадур» Верди и новая опера Майбороды, посвященная славному юбиляру, чье имя носит театр,— Тарасу Шевченко.

На снимке: в роли Ивана Хованского — А. Кикоть.

Киев.

НА СЦЕНЕ И НА ЭКРАНЕ

Можно рассказывать о многих работах этого замечательного артиста, который создал десятки образов на сцене Узбекского Академического театра имени Хамзы. Но, на мой взгляд, особого разговора заслуживает одна из последних работ Шукура Бурханова — Улугбек, в пьесе Шайхзаде «Мирзо Улугбек».

Очень тонко и правдиво раскрывает актер внутренний мир героя.

Каждым своим жестом, каждым движением, словом артист старается подчеркнуть человечность этого большого ума.

Улугбек — внук правителя Тамерлана, но в исполнении Бурханова это прежде всего гражданин, мыслитель, великий ученый.

Сейчас актер продолжает работу над созданием этого образа уже в кино. Скоро мы сможем увидеть Бурханова — Улугбека на экране. Я уверен, что это будет еще одной победой актера.

Зрители Узбекистана помнят его замечательную работу над образом великого вождя Владимира Ильича Ленина в «Кремлевских курантах» Н. Погодина и в «Путеводной звезде» К. Яшена.

Бурханов — многоплановый актер, актер широкого диапазона. Его Брут в «Юлии Цезаре» — блестящая страница в истории шекспировских пьес.

Выдвижение Шукура Бурханова на соискание Ленинской премии радует нас, его коллег, и всех поклонников его огромного таланта.

Разак ХАМРАЕВ,
народный артист Уз. ССР

На снимке: Улугбек — Шукур Бурханов.

Фото И. Тункеля.

Ташкент.

ВСТРЕЧА

В Москве на гастролях побывал Белорусский государственный театр оперы и балета.

Приезд этого коллектива всегда обещает встречу с настоящим искусством: интересный репертуар, актерские удачи. Белорусскую труппу столица принимает уже третий раз, и третий раз это — радостное событие. В первый же свой приезд в 1940 году коллектив привез четыре спектакля. Все в них, начиная с музыки, создано было молодыми талантами республики. Во вторую декаду, в 1955 году, вместе с произведениями белорусских композиторов в репертуаре были творения Чайковского, Монюшко. Третий приезд своего рода юбилейный. Недавно было отмечено 30-летие театра.

Превосходный, серьезный, разнообразный репертуар привлек и на сей раз музыкантов и зрителей. Да и как может быть иначе, если в репертуаре новые оперы и балеты на современные темы, если на афише «Орестея» С. И. Танеева, никогда не шедшая на советской сцене, и «Отелло» — эту оперу Верди тоже много лет не слышали москвичи! А ведь для того, чтобы поставить такие спектакли, нужно высокое мастерство исполнителей, нужен очень профессиональный коллектив! Замечательному искусству белорусских гостей подолгу каждый вечер рукоплескали москвичи.

На снимке: сцена из оперы С. Танеева «Орестея».

Фото Д. Ухтомского.

ЧЕРЕЗ 100 ЛЕТ

Много несчастий принесли чешскому народу немцы-бранденбуржцы. Патриоты не могли больше терпеть чужеземцев на родной земле, и поднялся на борьбу пражский люд. Но городская беднота не только против немцев, но и против «своих» панов — тех, кто продался врагу...

Народ — главный герой оперы Бедржиха Сметаны «Людише» («Бранденбуржцы в Чехии»). Это произведение прославляет героев, воевавших за честь и независимость родины, ненавидящих угнетателей народа. «Бойтесь народного гнева!» — грозно восклицает предводитель пражской бедноты.

Опера, написанная в 1863 году, была, по существу, первым произведением чешского классика, а челябинский театр сейчас первым поставил ее на русской сцене.

Мы позвонили в Челябинск, чтобы поздравить коллектив театра оперы и балета с премьерой. К телефону подошел дирижер спектакля И. А. Зак, народный артист РСФСР.

— Нас пленила мелодичность оперы,— сказал он,— яркий национальный характер музыки. Все участники спектакля поют свои партии с наслаждением.

На снимке: сцена из спектакля «Людише». В ролях: Ольдржих — В. Гриченко, Вольфрам — С. Мошков.

Фото В. Шаталова. Челябинск.

ЛЕНИН С НАМИ

Слова М. ВЕРШИНИНА.

Музыка А. НОВИКОВА.

Слышат горы, долины и реки,
Слышит каждая травка в пути —

Ленин с нами!
Он с нами навеки,
Он в суровой борьбе впереди! } 2 раза

Мы прошли с ним нелегкие войны,
Вел к победе нас ленинский клич.

Ленин с нами!
И люди спокойны,
Если рядом Владимир Ильич! } 2 раза

В наших людях несметная сила
И к Отчизне любовь горяча.

Ленин с нами!
И в нас не остыла
Боевая душа Ильича! } 2 раза

Слышат горы, долины и реки,
Слышит каждая травка в пути —

Ленин с нами!
Он с нами навеки,
Он в суровой борьбе впереди! } 2 раза

ВСЮ СТРАСТЬ ДУШИ...

Композитор пел новую песню. Глухой и чуть хрипловатый голос его звучал проникновенно. И думалось: вот так поют в народе — не заботясь об украшении песни, но обнажая ее душу.

Для Анатолия Григорьевича Новикова песня с детства была учителем, она воспитала его.

Длинными праздничными вечерами в доме скопинского кузнеца любили собираться за столом всей большой семьей и петь. Тоненький дискант мальчика согласно звучал в общем хоре.

Нет, не просто полюбил он песню. Это вошло в него как убеждение, как жизненное кредо — найти путь к песне для всех людей. В первые годы революции Новиков в родном Скопине организует большой хор и, забросив занятия в Московском учительском институте, разъезжает с ним по уезду.

В Рязани он создает самодеятельный красноармейский хор — один из первых в Красной Армии — и ставит силами красноармейцев свою оперу «Илья Муромец». Потом уже параллельно с учебой в Московской консерватории и после окончания он работает с самодеятельными хорами в школах, техникумах, в только что открывшемся Парке культуры и отдыха имени Горького.

Впрочем, что заглядывать в прошлое! Всю страсть души, каждую свободную минуту отдает Анатолий Новиков и сейчас недавно открывшейся певческой школе.

Про нее знают еще немногие: ведь делает она только первые шаги! Учатся здесь инженеры, студенты, служащие, учителя — любители пения. На общественных началах согласились преподавать М. О. Рейзен, М. П. Максакова, И. С. Козловский. А ректор — конечно, Анатолий Григорьевич Новиков. И он не жалуется, что школа отнимает у него много времени. Сочинение песен, создание новой оперы, завершение оперетты и хлопоты о школе кажутся ему одним делом.

В сущности, композитором он стал именно потому, что ощутил в самом народе и у людей, с которыми занимался пением, потребность в песне. Он писал о мотористах, снайперах, танкистах, о Москве, о новых героях и новой жизни. В лучших его песнях всегда жила народная душа, интонация и краски народной песни. Наверное, поэтому и подхватывали их все. Кто не пел во время войны «Вася-Василек», «Самовары-самопалы», «Жди меня», кто не знает «Есть такая партия!», «Гимн демократической молодежи»!

И вот новая песня. Песня о Ленине.

Л. ФЕДОРОВА

От Инсбрука к

ПРОБЛЕМА НОМЕР ОДИН

Константин СИМОНОВ, писатель

Выступать первому всегда, в том числе и на заочной пресс-конференции болельщиков, трудно. Лучше бы сначала послушать других и понабраться ума. Но ничего не поделаешь, кому-то надо начинать.

Если говорить о наших на Белой олимпиаде, то мне больше всего пришлась по душе стойкость наших спортсменов, их упорство, их выдержка, то есть те человеческие качества, которые сразу бросаются в глаза, даже когда ты не специалист в спорте, и которые дороги не только в спорте, а вообще могут служить примером жизненного поведения.

Если говорить о хозяевах, об австрийцах, то, помимо естественной благодарности за гостеприимство, хочется выразить искреннее восхищение тем, как здорово австрийцы занимаются горнолыжным спортом, каким массовым стал у них этот спорт. Правда, это старый традиционный спорт в Австрии; и подъемники и другие сооружения, создающие великолепные возможности для развития этого спорта, строятся там уже десятилетиями — тут есть чему поучиться. Но мне хочется сказать не только об этом и даже не столько об этом, сколько о малышах, о том, как правильно, с пяти, с шести лет, их сразу ставят на лыжи, о том, что матери и отцы не трясутся над ними, дают им смело кататься. Приятно глядеть на этих смело идущих по горам на лыжах малышей!

Кстати сказать, немалую роль играет то, что они сразу правильно учатся, что спортивный инвентарь, настоящие горные лыжи, настоящие крепления — все это есть и для шести-, и для семи-, и для восьмилетних, и тут нашим организациям, занимающимся спортивным инвентарем, есть чему поучиться.

Я уже, пожалуй, начал отвечать на второй вопрос, пока отвечал на первый.

Нашим хоккеистам на будущей Белой олимпиаде можно пожелать только традиционное: «Так держать!» Но в дополнение хочется понадеяться, что на соревнованиях в Гренобле клюшки у них будут ломаться не чаще, чем у их противников. Я подсчитал, что у нас они ломались примерно в три раза чаще, чем у наших противников. Конечно, наши хоккеисты все равно выиграли, но не думаю, чтобы плохие клюшки способствовали этому успеху.

Хочется пожелать во имя будущих успехов нашего горнолыжного спорта, чтобы у нас было больше подъемных сооружений, чем сейчас, хотя понимаю, что это — дело дорогостоящее и тут всего сразу не сделаешь. А вот в смысле изготовления инвентаря, лыжной обуви и лыжных креплений для детей — тут можно быстро переломить сложившуюся скверную практику, при которой сначала дети учатся ходить на горных лыжах неправильно и только потом, уже став подростками, учатся ходить правильно.

Если учесть, что наш прыгун с трамплина Александр Иванников, показавший лучший результат в нашей команде и шестое место среди сильнейших, имеет всего восемнадцать лет от роду, то разговор о базе для развития горнолыжного спорта для детей мне кажется отнюдь не праздным. Чем больше детей будет заниматься горнолыжным спортом, тем больше будет из них выходить талантливых спортсменов, которые — хочется верить — составят славу нашего горнолыжного спорта. И это не за такими уж горами.

Но главное, что нужно нам для обеспечения устойчивого успеха и на белых олимпиадах и на летних,— проблема номер один: это спорт в школе. У нас еще слишком часто в школах на уроках физкультуры занимаются всем и ничем — не спортом, а отбыванием номера.

Я бы со своей стороны горячо поддержал идею создания школьных спортивных клубов. При этом я бы предложил, чтобы спортивные успехи школ оценивались не по общим знаменателям, а по отдельным видам спорта. Скажем, был бы учрежден знак: серебряная лыжа, серебряный конек, серебряный мяч,— и та школа, которая, например, в пределах Москвы, завоевала эту серебряную лыжу, имела право укрепить соответствующий знак на год рядом с названием и номером школы. А у другой школы будет серебряный конек, а у третьей школы — серебряный мяч, который завоюют ее баскетболисты. Это создаст увлечение, тягу к спорту, борьбу за честь школы.

Мне также кажется, что спорт плохо пропагандируется среди молодежи. Я думаю, открытки наших лучших спортсменов должны распространяться уж во всяком случае наряду с открытками киноактеров. Я думаю, что в круг обязательного чтения в школе должны быть введены лучшие книги о спорте; должна быть создана популярная книга-справочник с биографиями всех наших выдающихся спортсменов на протяжении всей истории советского спорта, с рассказами о том, как они завоевывали рекорды страны и мира. Мы тут не должны быть Иванами непомнящими. Обычно спортсмен удерживается на вершине рекордов всего несколько лет, и это естественно, иначе и не может быть. Тем более мы должны знать всех тех, кто уже сошел с футбольных и хоккейных полей, с лыжных и с беговых дорожек, но все равно продолжает составлять славу советского спорта, остается неотъемлемой страницей его истории.

Вот, пожалуй, все.

•

МЫ ВСЕ ХОККЕИСТЫ

П. Р. ПОПОВИЧ, космонавт

Фото Л. Бородулина.

— Что мне понравилось в Инсбруке? Ну, конечно, хоккей. Вот лежит у меня на столе хоккейная клюшка. Ею была забита решающая, золотая шайба в ворота канадцев. А на ней автографы моих друзей — писали сразу после победы, до предела усталые, еще руки дрожали.

Мне посчастливилось видеть хоккейные схватки воочию, с трибуны олимпийского стадиона, но по телевизору на всех интересных матчах присутствовали и все мои товарищи-космонавты. Ведь это наша любимая игра, самая современная, требующая быстроты, выносливости, силы, мгновенной реакции. О хоккее в Инсбруке могли бы с полным знанием дела сказать и капитан нашей хоккейной команды Юрий Гагарин, и отличный нападающий Валерий Быковский, и защитник Андриян Николаев.

Так уж получилось, что мы с Николаевым не только вдвоем были в космосе, но и вдвоем защищаем ворота нашей космонавтской команды — я играю вратарем. Но сейчас речь идет о другой команде — сборной СССР. Я смог еще раз убедиться в том, какой это от-

(Греноблю

Два вопроса болельщикам

Команда СССР в Инсбруке, как известно, состояла из семидесяти четырех лучших хоккеистов, конькобежцев, лыжников. Но эта цифра не точна; наша команда на IX Белой олимпиаде была значительно более представительной: ведь ее подкрепляли любители спорта, приехавшие в Инсбрук, а кроме того, и миллионы знатоков и приверженцев, которые переносились в Тироль с помощью отлично работавшего телевидения.

Вклад болельщиков в общую победу велик. Сколько теплых телеграмм и писем шло в адрес нашей команды! Но страстно переживая ход спортивных поединков, любители спорта не теряли остроты взгляда: мимо них не проходило незамеченным ничто!

И вот редакция решила обратиться к болельщикам с двумя вопросами:

1. Что вам больше всего понравилось на IX Белой олимпиаде в Инсбруке?

2. Что надо сделать, чтобы на X зимних Олимпийских играх в Гренобле команда СССР выступила еще лучше?

личный, сыгранный, напористый коллектив. Там один игрок так пригнан к другому, что трудно кого-нибудь выделить, но все же из защитников мне особенно понравился Александр Рагулин, а из нападающих — хоккеисты, составляющие армейскую тройку: Александр Альметов, Вениамин Александров и Константин Локтев.

Рядом с ними по праву — молодой нападающий Виктор Якушев, игрок исключительного хладнокровия и стремительности. Он блестяще действовал не только в нападении, но и в обороне. Но я еще раз подчеркиваю, что на одинаково высоком уровне играла вся команда. Стоит лишь вспомнить решающий и последний матч олимпийского турнира с канадцами. Их поддерживали многочисленные болельщики. Канадцы первыми забили шайбу, и тем не менее наши ребята атаковали с железным упорством, отдавали все свои силы и добились желанной победы.

Что же пожелать нашим хоккеистам к будущей, X Олимпиаде?

Я бы хотел, чтобы наш отличный вратать Виктор Коноваленко, если ему снова выпадет честь стоять в воротах сборной, действовал еще хладнокровнее и расчетливей, чтобы все игроки — и нападающие и защитники — обрели еще большую скорость, силу и выносливость. Надо помнить, что у олимпийского чемпиона на следующих играх в грозных соперниках недостатка не будет. Но и в команде СССР появятся за это время новые выдающиеся игроки. Я в это верю!

●

Мужчины, не отставать!

Л. Н. ДОРОФЕЕВА,
работница киевского завода «Арсенал»

Есть такая старая поговорка: «Дружба дружбой, а табачок врозь». Так вот одно из самых волнующих впечатлений на IX Белой олимпиаде заключается в том, что на ней «табачок» не был врозь. Была дружба, и она озаряла весь размах этих крупнейших соревнований ярче олимпийского пламени.

С каким удовлетворением, вернувшись в родной Киев, вспоминаю я одиннадцатиэтажные корпуса олимпийской деревни, веселые встречи спортсменов разных стран! А как не вспомнить «олимпийскую деревню» — нашу, болельщиков. В отличие от спортсменов мы действительно жили в деревне, в двенадцати километрах от Инсбрука, в одной из бесчисленных тирольских гостиниц. Там нас встретили тепло и радушно, а когда мы узнали, что сын владельца гостиницы является участником Белой олимпиады, то тут же все стали его болельщиками. Признаюсь, что раздвоения личности у нас не произошло по той простой причине, что Иозеф Фейстмантл выступал в том виде спорта, в котором наши спортсмены не участвовали, — в спуске на санках.

Какова же была наша радость, когда наш новый друг вместе со своим товарищем Манфредом Штенглом завоевал на парных санях золотую медаль! Мы все поздравили его, а затем вручили ему и поздравления советских спортсменов. Вот была радость у всех жителей маленького горного местечка!

Да, дружба — это замечательная штука. И я рада, что успела в Инсбруке крепко подружиться с нашими спортсменками. Но мне кажется, что для успешного выступления на X Олимпийских играх в Гренобле надо значительно укрепить наш мужской спорт. Пока советские конькобежцы и лыжники отстают от скороходок и гонщиц. А нам нужны и в конькобежном спорте среди мужчин свои Скобликовы и в лыжных гонках свои Боярских.

●

Поздравляем с 8 Марта

Сергей МИХАЛКОВ, писатель

Первый вопрос «Огонька» коварный. Он кажется простым, а когда вдумаешься в него, понимаешь, что исчерпывающий ответ потребует многих страниц. Белая олимпиада — штука такая, что ее одним взглядом не окинешь. Разве можно перечислить все, что нам понравилось в Инсбруке! Да и мои друзья и попутчики, и в первую очередь Константин Симонов, уже о многом рассказали на этой заочной пресс-конференции. Поэтому я отмечу лишь одну меня обрадовавшую деталь: болельщики всех стран, каждодневно встречаясь на соревнованиях с коронованными особами, не обращали на них никакого внимания. Для них коронованными особами в Инсбруке был не иранский шах, а шведский лыжник Ернберг, не нидерландская королева, а наша Лида Скобликова.

Вообще советские женщины пользовались в Инсбруке королевскими почестями. И не случайно. Я рад в преддверии 8 Марта отметить, что наши спортсменки очень помогли спортсменам почувствовать себя олимпийскими триумфаторами (лишь хоккеисты обошлись своими мужскими силами).

Итак, с 8 Марта вас, дорогие победительницы! А в связи с наступающим Международным женским днем, не скрою, есть у меня одна мечта: хочу, чтобы через четыре года после возвращения из Гренобля, с X Олимпийских игр, наши спортсмены-мужчины почувствовали себя наконец вполне равноправными с женщинами.

●

СПОРТСМЕНЫ И ПИСАТЕЛИ

Лев КАССИЛЬ, писатель

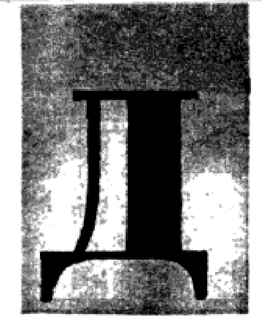
Мне очень трудно добавить что-нибудь к тому, что сказал на нашей заочной конференции мой товарищ по литературной работе и соболельщик по инсбрукским баталиям Константин Михайлович Симонов. Он удачно выразил многое из того, о чем нам думалось во время состязаний Белой олимпиады и о чем толковали мы в олимпийской деревне, беседуя с руководителями нашей команды.

Что касается моих личных впечатлений об играх в Инсбруке, то для меня одной из самых сильных радостей была победа, которой в самый первый день IX зимних Олимпийских игр добились наши Людмила Белоусова и Олег Протопопов. Ну что тут скрывать: в наших блокнотах, куда мы перед отбытием в Инсбрук внесли имена возможных завоевателей золотых медалей, Белоусовой и Протопопова не было. При всем нашем восхищении великолепным мастерством этой пары, не раз продемонстрированным на международных стадионах, мы все же скромно отводили им серебряное местечко на пьедестале почета. Вероятно, над нами тяготело ныне уже явно устаревшее представление об уровне мастерства и возможностях наших ледовых фигуристов. И среди зрителей, заплативших огромные деньги за билеты (сидячее место на Айс-стадионе в тот день стоило 250 шиллингов, примерно 10 долларов), подавляющее большинство было убеждено в победе прославленной пары из ФРГ — М. Килиус и Г. Ю. Боймлер. Но то, что показали — нет, это не то слово,— то, что совершили на олимпийском льду наши мастера, сочетая в себе безукоризненную спортивную натренированность и элементы ослепительной акробатики с высоким поэтическим искусством, буквально потрясло не только зрителей, но и все давно уже казавшиеся непоколебимыми представления о возможностях этого трудного спорта.

Серебряные коньки советских фигуристов впервые стали золотыми на крупнейших международных соревнованиях. Победа, неоспоримая, радостная, свидетельствует о том, что и в этой области наши спортсмены поднялись на мировую высоту. Будем надеяться, что на следующих олимпийских состязаниях вслед за нашей изумительной парой фигуристов поднимутся на такую же высоту и советские мастера, подвизающиеся в области индивидуального фигурного катания.

Хочу выразить надежду, что тем писателям, которые уже проявили несомненный свой интерес к спорту, отразив это в своих произведениях, следовало бы предоставлять бо́льшие, чем они имеют сейчас, возможности для установления тесных, душевных, основанных на полном взаимодоверии контактов с передовыми людьми нашего спорта. Мы все-таки пока еще часто отделены во время соревнований и дверьми и барьерами от тех, чью человеческую сущность и спортивное мастерство хотелось бы нам раскрыть перед читателями.

А ведь только счастливая возможность наблюдать непосредственно в постоянном общении интересующих их людей может помочь писателям раскрыть многогранные характеры спортсменов. В последнее время мы както лишены таких возможностей во время многих международных состязаний. А жаль!..

АВШИЕ ЖИЗНЬ,

СПАС

Вл. РУДИМ

ТАКОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

Иногда встречаешь человека, который говорит о минувшей войне: «Это уже история». Нет, то грозное время не стало для нас историей, не настал такой час, ибо еще бьются сердца, горевшие любовью и ненавистью, жаждавшие победы над коричневой чумой. Еще в строю, еще среди нас те, кто видел суровую годину своими глазами, в ком живо все до мельчайших подробностей. То время не только живая, нестирающаяся память. Оно и во многих событиях, которые начались в суровые военные месяцы и заканчиваются лишь теперь, спустя два и более десятка лет. Иные же страницы не завершены до сих пор — последнюю их фразу предстоит дописать завтрашнему дню. О таких историях — завершенных и незавершенных — вновь и вновь сообщают нам читатели.

Вот одно из многих писем. «Когда началась война, я с восьмилетним ребенком осталась на оккупированной территории без крова и без куска хлеба»,— пишет Мария Прокопьевна Звягина из Архангельска. И дальше Звягина рассказывает волнующую историю о русской женщине с полустанка Черный Бор, о матери — о Марии Филипповне Личко. Мария Филипповна сделала многое, чтобы облегчить участь Звягиной. «Она помогала мне, когда мне было трудно, она кормила моего ребенка, когда мне нечего было дать». А ведь у самой Личко положение было нелегким: она заботилась о больном муже, о престарелом дяде, о девятилетней Жене и о пятилетнем Вите. Женя и Витя не были детьми Марии Филипповны. Женю Либецкую взяла к себе Личко после того, как мать девочки погибла от вражеских осколков во время отступления. Двумя месяцами позже в доме появился и Витя Лосиадзе, который неизвестно как и откуда забрел в поселок. Он помнил лишь свою фамилию да еще то, что отец сражается на фронте, а мать схвачена фашистами. Гитлеровцы, находившиеся в Черном Бору, узнав о русской патриотке, взявшей детей советских воинов, нагрянули к ней в дом. Однако кто-то вовремя предупредил Марию Филипповну об опасности. Девять месяцев скрывалась Личко от преследований. Добрые, сердечные люди в окрестных деревнях прятали женщину. По ночам она тайком приходила к семье, приносила еду, стирала белье и исчезала, пока не наступил рассвет. (Семья тоже скрывалась — в другом месте.)

Так изо дня в день, рискуя своей жизнью, спасала она четыре жизни. У Марии Филипповны никогда не было своих детей. Но мы не случайно назвали ее матерью. То, что она сделала для Вити и Жени, может сделать только большое, любящее материнское сердце.

После войны Витю нашли родители, Женю тоже разыскали родственники. Теперь Витя и Женя взрослые, может быть, у них уже есть свои дети. Но разве можно забыть ту, которая заменила родную мать в самое тяжелое время?

Великое чувство — материнская любовь — никогда не забывается. Вот почему именно сегодня написала о Марии Филипповне Личко другая мать — М. П. Звягина.

ЭШЕЛОН СТОЯЛ В ГРАЕВЕ...

«Это для меня такой радостный день, о котором я уже и не мечтал»,— пишет Иван Николаевич Кожух.

Путь к радостному дню был долгим и трудным. Война. Нина Кожух умерла осенью 1943 года, на полпути в Германию. Ее тело охранники вытащили из вагона в польском городе Граеве. А в вагоне остался муж Иван Николаевич с трехмесячной дочкой на руках. Крошке нужно материнское молоко. Завтра охранники выбросят и бездыханное тело девочки. Что же делать?

Поезд еще стоял. Иван Николаевич выпрыгнул из вагона, подошел к группе поляков, которые собрались возле эшелона.

— У девочки умерла сегодня мать. Девочке нужно грудное молоко. Может кто-нибудь позаботиться о ней?

Он держал дочь на вытянутых руках, обводя взглядом каждого. Молчание. И вдруг шагнула женщина вперед.

— Давайте мне. Как зовут малышку?

— Не успели назвать. Не до этого было.

Женщина взяла крошку. Как вовремя! Охрана загнала Ивана Кожуха обратно в вагон, поезд тут же тронулся.

Иван Николаевич только успел крикнуть свою фамилию, женщина тоже назвала свое имя, но за стуком колес уже ничего нельзя было разобрать.

Полька Елена Лешковская выходила, спасла девочку, дала ей польское имя Тереза.

Отгремела война. Иван Кожух, вернувшийся домой, начал поиски дочери. Месяцы и годы ожиданий. Увы, они не оправдали надежд отца. Поиски пришлось прекратить. Снова прошли годы. И вот в Москву пришло письмо из Граева на польском языке. От Терезы. Она писала, что лишь недавно узнала всю правду о себе: Елена Лешковская умерла и перед смертью все рассказала девушке.

«Мне было хорошо у моей приемной матери, она любила меня и не думала о том, чтобы расстаться со мною. Но вот я теперь знаю о себе все. Моего отца зовут Кожух Ян. Я хочу найти его любой ценой. Терезка».

Это письмо читала и перечитывала Юлия Антоновна Пономарева — сотрудница Бюро розыска Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Она, мать, вырастившая троих детей, в том числе приемную дочь, хорошо понимала Терезку. Девушка из Граева в один день потеряла сразу двух матерей — ту, с которой выросла, и ту, о которой долго ничего не знала. И в тот же день, потеряв двух матерей, нашла отца. Нашла?.. Пока узнала только имя, не больше. Отца еще нужно искать. А сколько в Советском Союзе Кожухов? Наверное, десятки, если не сотни тысяч. Легче найти иголку в стоге сена, чем отца Терезки. Но чем сложней представлялась задача, тем настойчивей бралась за нее Юлия Антоновна. Во все крупнейшие города страны посланы запросы о Кожухах. Пришли сотни ответов. Кожухов много, очень много, но никто из них не расставался с дочерью. Уже накопилась целая кипа неутешительных ответов. Но поиски все ширились и ширились. В них участвовали сотни людей: работники милиции, сельсоветов, справочных бюро, домоуправлений. О розыске отца Терезки сообщали перед началом киносеансов и спектаклей, через поселковые и колхозные радиоузлы. Печатали объявления в районных и городских газетах. И еще: искали Ивана Николаевича Кожухи разных возрастов и имен, принявшие близко к сердцу судьбу своего однофамильца. Снова текут недели, месяцы. Вдруг письмо из Медвежьегорска: работник милиции случайно разговорился с Антоном Петровичем Якубовским, и тот сказал, что когда-то работал вместе с Иваном Николаевичем Кожухом в совхозе, в Витебской области, что в деревне Якимовцы, кажется, живет сын Кожуха — Дмитрий, тракторист. Юлия Антоновна срочно пишет в Якимовцы. Да, есть там Дмитрий Кожух. Через него узнали наконец адрес Ивана Николаевича: оказывается, он живет в Астрахани.

В тот день Юлия Антоновна Пономарева была счастлива. Теперь можно написать отцу Терезки. Написать? Но ведь разве допустимо, чтобы такая радость тащилась до Астрахани несколько дней? Юлия Антоновна помчалась на телеграф. Купила талон для междугородного переговора. Кожуха вызвали в переговорный пункт... Они говорили и плакали от радости, астраханец Иван Кожух и москвичка Юлия Пономарева.

Вскоре отец и дочь встретились — Терезка приехала в Астрахань. В сердце Терезки всегда будут жить имена трех женщин: той, которая родила ее на Витебщине, той, которая вырастила ее в польском городке Граеве, и той, которая вернула ей отца. Так завершилась история Терезки... Нет, это не только про Терезку — это и про трех ее матерей — про Нину, Елену и Юлию.

ИХ ЗОВУТ МАРТА И ЖУЛЬЕТТА

Может быть, вы слышали о двух небольших городках — о Мейсене и о Сербере? Первый — в Германской Демократической Республике, второй — во Франции. Когда говорят о первом, то вспоминают прежде всего фарфор, когда называют второй, упоминают умельцев-рыбаков и ароматные сардины. Но есть люди, для которых Мейсен и Сербер памятны совсем другим.

Никогда не забыть Татьяне Михайловне Зинчук, жительнице Забугского района на Львовщине, последних месяцев войны. Татьяна Михайловна и ее дочь Тамара, увезенные насильно в Германию, находились весной 1945 года под Мейсеном. Во время одной из сильных бомбежек мать и дочь потеряли друг друга. Сколько ни искала потом Татьяна Михайловна девочку,— Тамара как сквозь землю провалилась. Горе матери было беспредельно: все говорило о том, что Тамара погибла. В тот же день Татьяне Михайловне пришлось перебраться в другой город. Но Тамара не погибла. Смертельно напуганная бомбежкой, она потеряла сознание и долго лежала, пока на нее не наткнулась Марта Хербст. Она взяла девочку к себе. Восемь лет жила Тамара у Марты Хербст — сердечной немецкой женщины, ненавидевшей фашизм и войну. Марта пыталась навести справки о Татьяне Михайловне — никаких следов. Марта и Тамара посчитали, что Татьяна Зинчук погибла под бомбами. И Марта Хербст заменила девочке мать. Тамара подросла, и так как у нее сохранились документы, она вскоре уехала в Советский Союз. Детский дом, новый коллектив, первые уроки русского языка. И, конечно, Тамара попросила: «Разыщите мою родную мать, может быть, она все-таки жива».

Да, Татьяна Михайловна была

живa. Они нашли друг друга, мать и дочь! Это было похоже на чудо, на воскрешение. И кто знает, может быть, такому чуду никогда не свершиться, если бы не встретилась русской девочке Тамаре труженица из-под Мейсена, сердечная немка Марта Хербст.

Теперь о другой разлуке, о другой встрече. Во время минувшей войны шестнадцатилетняя Лира Талызина оказалась на оккупированной территории, и гитлеровцы угнали девушку в Германию. А потом трудная и сложная судьба привела Лиру во Францию, в местечко Сербер. Неудачный брак, рождение дочери, хлопоты о возвращении домой, в Советский Союз. Девочка родилась очень слабой и не смогла бы перенести трудный переезд. Что делать? Как быть?

В эти полные забот и волнений дни в чужой стране нашлись сердечные люди, которые вызвались помочь Лире Александровне. Супруги Кой, с которыми она познакомилась в Сербере, обошли всех своих знакомых, нашли семью, которая согласилась взять на себя заботу о дочери Талызиной. Это были супруги Маю, а точней, это была Жульетта Маю. Лира Александровна очень волновалась, когда шла к ней. Какая это женщина? Можно ли ей довериться? Сделает ли она все, что необходимо, для слабой, беспомощной крошки?

Две женщины долго говорили и все не могли расстаться. Лира Александровна смотрела в открытое, простое лицо Жульетты и все больше верила ей, матери четырехлетнего Жоржа. Две матери,

М. Ф. Личко с Витей и Женей (снимок военного времени).

ШИЕ ЖИЗНЬ

Родная мать встретилась с Кристианой. Слева направо: Роберт Маю, Жульетта Маю, Л. А. Талызина и Кристиана. Впереди стоят две подружки Кристианы.

только что пережившие тяжелейшую войну, узнавшие много невзгод, протянули друг другу руки, обнялись: «До скорой встречи!» Так у Жульетты Маю появился второй, приемный, ребенок — Кристиана.

Для обоих детей Жульетта Маю была любящей матерью. Она заботилась о Кристиане, как и о своем сыне Жорже. Лира Александровна и Жульетта писали друг другу, но снова встретиться долго не смогли. Разные обстоятельства не позволяли Лире Александровне выехать во Францию и забрать дочь. Талызина с нетерпением считала дни, месяцы. Однажды она написала в Сербер: «Дорогая Жульетта, знает ли Кристиана обо мне, или вы предпочли ничего не говорить ей?» Да, Кристиане все было известно.

Жульетта Маю показала ей фотографию: «Это твоя родная мама, она русская, живет в Советском Союзе, ждет не дождется, когда увидится с тобой». Жульетта очень привязалась к Кристиане, полюбила ее. Но француженка понимала, что настанет день (грустный для нее и радостный для Лиры Александровны и Кристианы), когда родная мать обнимет свою дочь. Заранее зная о неизбежной разлуке, Жульетта хотела, чтобы и после отъезда девочки в семье было постоянное напоминание о ней. И когда у Маю родился второй сын, его не случайно назвали Кристианом.

Наконец долгожданная встреча состоялась. Лира Александровна приехала во Францию и возвратилась в Советский Союз с Кристианой. Сердце Лиры Александровны было переполнено горячей благодарностью к Жульетте Маю, к француженке, которая так много сделала для русской женщины и для ее дочери.

Наверное, только матери, перенесшие горькую разлуку с дорогим существом,— разлуку, которая почти равна невозвратимой потере, могут со всей глубиной оценить то, что сделали Мария Филипповна Личко, Елена Лешковская, Марта Хербст, Жульетта Маю...

«МНЕ ВСЕ СНИТСЯ МОЯ БОЖЕНА...»

Разве их было только четыре, четыре матери, о которых вы прочли выше? Конечно, нет! Их сотни, их тысячи в разных странах!

Мы еще не все знаем о незаметных благородных подвигах матерей. Почтальон еще принесет в редакцию письма, которые расскажут о бессмертных сердцах матерей, о сердцах, дождавшихся счастья, бьющихся радостью свершенного, живущих нетерпеливым ожиданием... Одно из таких ожиданий до сих пор не дает покоя Станиславе Звониченко из польского города Згожелец. Ее письмо нельзя пересказывать. Его нужно процитировать целиком.

«После того, как фашистские изверги подавили восстание жителей Варшавы в 1944 году, многие, в том числе и я с мужем, были арестованы и разлучены. Вместе с дочками Наташей восемнадцати лет и Варварой пятнадцати лет я попала в гитлеровский лагерь смерти Равенсбрюк.

Ежедневно гитлеровские псы убивали наших подруг и сжигали их тела. Моя старшая дочь, Наташа, заболела воспалением легких и была брошена в печь.

Я ждала ребенка, но вынуждена была это скрывать, так как беременных женщин фашисты истязали и убивали. Когда лагерные надзиратели все-таки узнали о моем состоянии, меня начали пытать, мне сломали ногу. Не знаю, как я все же вытерпела, уцелела. Может быть, благодаря тому, что фронт быстро приближался...

Я родила ребенка, когда в лагере уже слышен был гул орудий. Это произошло ночью с 29 на 30 апреля 1945 года. Это была адская ночь! Присутствовавшая при родах лагерная «врачиха» била меня по лицу, выбила все зубы. Немного позже ворвался в больницу пьяный гестаповец и начал стрелять по больным. Он стоял передо мной и целился пистолетом мне в лицо. Я закрыла лицо рукой, пуля пробила руку, кровь заливала меня, я потеряла сознание, а изверг, думая, что убил меня, отошел.

Мне возвратили сознание советские солдаты, вступившие утром 30 апреля в лагерь. Они позвали русского врача Плавскую, которая оказала помощь мне и новорожденной. Русская летчица дала мне свою кровь, спасая мне жизнь.

Все время я находилась в полузабытьи, но я точно знаю, что ребенок мой был здоров и цел; все мои мысли были только о нем. Мне сказали, что ребенок будет жить. Потом я снова потеряла сознание на целых два месяца. А когда возвратилась к жизни и спросила о ребенке, мне сказали: ребенок умер. Возможно, это так. Но может быть, кто-то спас мою маленькую Божену и удочерил, сочтя меня погибшей. (Это почти так и было, я лишь чудом выжила.)

С тех пор минули годы, но мне все снится и снится моя Божена. Мне, матери (это так естественно), кажется, что девочка жива, мне так хочется узнать о судьбе моего ребенка. Я не сомневаюсь, что, если Божена жива, она находится у хороших людей, ее любят, и она любит их. Может быть, она ничего не знает о своем происхождении, и я не хочу вносить разлад в ее семью. Но каким было бы для меня счастьем хоть издали, хоть один раз увидеть дочь! Я жду ответа с нетерпением, с таким большим нетерпением, с каким может ждать лишь мать».

Кто знает, возможно, Божена жива, возможно, придет письмо, которое сделает Станиславу Звониченко безмерно счастливой!

В грозные годы, когда шли рядом жизнь и смерть, гибель и спасение, когда рушились цитадели и погибали государства, в сердцах матерей пламенела великая любовь к жизни, к миру, ко всему, что сплачивает, объединяет, роднит во имя самых высоких, самых благородных идеалов. Русские и польки, белоруски и француженки, украинки и чешки, латышки и итальянки — женщины разных наций, матери разных народов были верны своему интернациональному, своему святому долгу. Они верны ему и сейчас, сжигая пламенем материнских сердец все, что препятствует дружбе и взаимопониманию, что стоит на пути ко всеобщему миру и счастью. Матери, мир, счастье — это слова, в которые вложен один и тот же смысл, слова, которые понятны и близки всем народам.

В жестком купе

Что рассказал Командированный

В городе Нижнеивановске пропал человек. Был объявлен розыск. В милиции и горисполкоме надрывались телефоны.

— Где товарищ Подсвечников?

— Подсвечников, — отвечают,— рано утром ушел из гостиницы, и с тех пор его следы пропали.

— Говорят, что Подсвечникова видели в районе рынка.

— В последний раз — там. Но что произошло дальше?

Вы, конечно, догадываетесь: человека, может, украли, а может, и хуже — дело пахнет убийством.

Но убийством дело не пахло. Искали не украденного и не убитого. Искали... ревизора, приехавшего из центра.

Когда ревизор прибыл в Нижнеивановск, в горисполкоме составили план его пребывания. Авторы плана исходили из одного: у гостя не должно быть свободного времени. Ревизор должен развлекаться и не думать о ревизии. Гостя таскали по музеям, по концертам, по репетициям, пригласили даже на киностудию, где он присутствовал при монтаже нового фильма. Каждый день в 9.00 в его гостинице звонил телефон.

— Вас ждет машина у подъезда. Не желаете ли вы поехать в картинную галерею?

Однажды ревизор проснулся в семь утра и сбежал. Он просто пошел на прогулку по городу.

Борис ЕГОРОВ

Самые невероятные истории рассказывают обычно в пути. Разумеется, не в салоне самолета, где от высоты болят уши. И не в междугородном автобусе, где пассажир втиснут в свое кресло так, что и головы не повернуть, соседа не видно.

Лучшим местом для бесед остается купе железнодорожного вагона. Соберутся в купе несколько человек, и один, после того как все познакомились, начинает:

— Вот ведь какие бывают случаи...

Его слушают, кивают в знак согласия, а когда рассказчик умолкает, то слово берет следующий:

— Всякое бывает. Вот я вам расскажу...

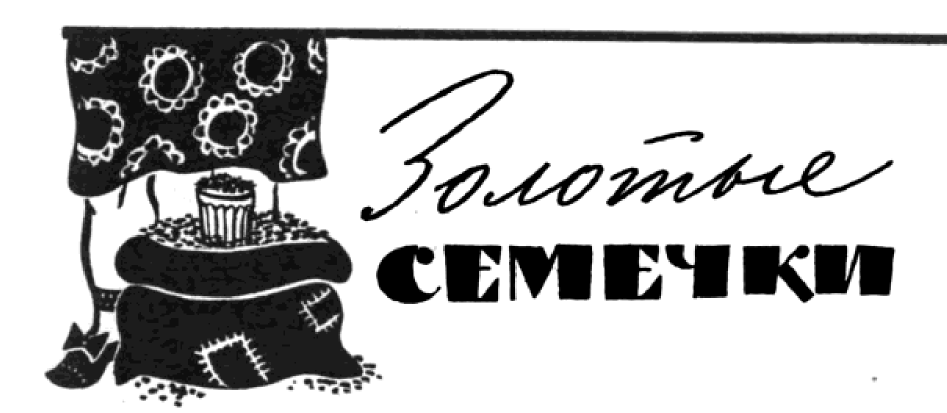
Состав участников беседы более или менее постоянный: командированный, старушка, ездившая проведать сына, студент, посланный на практику, отпускник...

...Проводник уже угостил пассажиров чаем. После чая настроение у всех тихое, раздумчивое.

Обитатели купе смотрят в окно. Удивительное существо пассажир: он может часами молча глядеть в окно. Но молчание не вечно. Достаточно кому-то произнести хоть несколько слов, как беседа начинается сама собой, и теперь ее уже не остановить.

Рисунки Ю. Черепанова.

Золотые семечки

Я. ФОМЕНКО

«Москвич» номер 86-61

На баранке лежат крупные, мясистые руки. Лежат лениво, будто отдыхая. Между тем маленький «Москвич», словно подгоняемый бичом, рвется вперед. Сидящий за его рулем тучноватый сорокалетний мужчина управляет им с уверенностью бывалого автомобилиста.

«Москвич», отдалившись от шоссе, останавливается. Вокруг ни души. Водитель «Москвича» достает отвертку. Сноровисто работают тяжелые руки. Один за одним вывинчиваются шурупы с внутренней стороны дверцы.

Дверца — это сейф. В ней между внешней и внутренней стенками хранятся деньги. Много денег. И не только в дверце. Если вскрыть полик, под ним тоже обнаружатся деньги. Если отделить потолочную обшивку, сверху посыплются сотенные и полусотенные.

В руках хозяина «Москвича» толстая пачка денег. Он отбирает несколько кредиток и рассовывает по карманам. Чуть похудевшая пачка летит, скомканная, в сейф. Тучноватый мужчина обращается с деньгами, как с туалетной бумагой. Шурупы водворяются на место, и автомобиль выглядит таким же невинным, как и сотни его сородичей.

Пятигорск. «Москвич» номер 86-61 ждет хозяина у ворот маслозавода. Вскоре, полностью загруженный, он бежит к ресторану.

Официантка любезно отвечает на приветствие тучноватого мужчины:

— Здравствуйте, Иван Федорович!

Клиент часто посещает ресторан и всегда садится за ее столики. В компании Ивана Федоровича Токмакова одни и те же люди. Тот, что сидит справа от него, любит бульон с фрикадельками, пьет самый дорогой коньяк и при этом жалуется на нулевую кислотность. Второй, слева от Ивана Федоровича, заказывает обычно индюшатину. Третий — цыплят. Сам Иван Федорович предпочитает бифштексы, отбивные... А вообще на столе всего бывает полно — и яств, и напитков, и сластей, и фруктов.

Расплачивается всегда почему-то Иван Федорович. Выложит семьдесят, восемьдесят рублей — и не поморщится.

Официантка недоумевает: откуда у Ивана Федоровича такие деньги? Ведь он всего лишь заготовитель. Закупает семечки...

Черный день Токмакова

Да, Иван Федорович Токмаков всего лишь заготовитель. Он ведает обменным пунктом Пятигорского маслозавода в селе Благодарное.

Для точности скажем: ведал, так как сравнительно недавно заготовительная карьера Токмакова закончилась. Он взят под стражу.

Итак, Токмаков, обладатель сейфа-автомобиля, ведал обменным пунктом маслозавода.

Однажды Токмакову пришлось изрядно поволноваться. Его обвинили в воровстве. Спасибо районному прокурору — прекратил дело. Чтобы доказать вину Токмакова, надо было пропустить через весы тысячи тонн семян, жмыха и масла.

— Громоздкое, канительное дело,— решил районный прокурор.

Токмаков с облегчением вздохнул. Повезло! Гроза миновала. Жизнь потекла по-прежнему. Но везение в таком деле, каким занимался Иван Федорович,— штука весьма ненадежная. До поры до времени везет, а потом — неизбежный крах.

Несколько опережая события, сошлемся на его собственные признания. На одном из допросов, когда Яков Николаевич Никулочкин, заместитель начальника краевого управления охраны общественного порядка, благодаря энергии и настойчивости которого разоблачен Токмаков, спросил, неужели он рассчитывал на неуловимость, Токмаков отрицательно замотал головой:

— Нет! Знал, что посадите. Ночи не спал. Ждал каждую минуту — вот-вот придете.

И за ним пришли.

Было это так. Семидесятилетний старец Жамали Улимбашев, хитрец и пройдоха, пронюхал, что в Благодарном можно сделать коммерцию.

Улимбашев давно интересовался семечками и умел делать их золотыми. Способ такой: уплатит за тонну 200 рублей, а продает впятеро, а то и всемеро дороже.

В Благодарном Жамали заглянул на обменный пункт. Токмаков дал ему записочку, адресованную заведующей складом овцесовхоза «Кучерлинский» Брюхановой и главному агроному этого совхоза Суганову.

Все шло как по маслу. Договорились в одну минуту. Улимбашев платит тысячу рублей, а Суганов и Брюханова отпускают ему пять тонн семечек. Пять тонн — пять тысяч килограммов. А в граненых стаканах? Очень много гривенников выручат базарные торговки за товар Улимбашева. Его тысяча превратится в пять тысяч. Семечки — золото для Жамали.

Уже погружены мешки с товаром. Машина трогает...

Дальше ворот грузовик, однако, не пошел. Ему преградил дорогу старшина милиции П. С. Брыгин. Расхитители народного добра очутились за решеткой. Туда же попал и Токмаков.

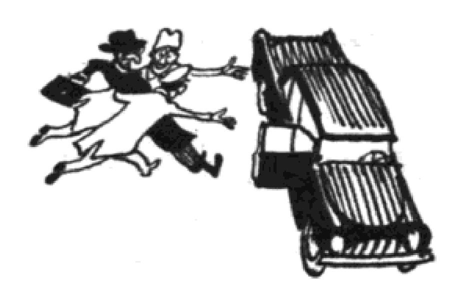
Нить за нитью...

Три года Токмаков плел свою сеть: устанавливал контакты, крепко завязывал узлы, действуя взяткой, подкупами и пиршествами в ресторанах. Почти безошибочно он угадывал своих духовных близнецов — жадных стяжателей, нечистых на руку хищников — и довольно быстро сколотил «капеллу» — так назвали его шайку следователи.

Старшему следователю краевого управления охраны общественного порядка В. Г. Иванову и его товарищам, следователям М. В. Бондаренко и В. А. Меренкову, далеко не сразу удалось сломить упорство Токмакова. Преступник в ожидании ареста тщательно обдумывал тактику, приготовился к бою. Он решил изобразить себя жертвой обстоятельств.

Предстояло нить за нитью распутывать сложный узел.

Токмакова со всех сторон обло-

Один, без сопровождающих. Тут-то и началась паника:

— Куда он делся? Может, решил посмотреть то, что ему смотреть не надо? Вот скандал будет!

Скандал действительно произошел. Милиция, которой сообщили приметы разыскиваемого человека, задержала подозреваемого и для выяснения личности посадила под замок.

Кончилось тем, что арестованный ревизор позвонил председателю горисполкома:

— Распорядитесь, чтобы меня освободили...

Так он познакомился с порядками в Нижнеивановске. Собственно, не он, а я. Моя фамилия и есть Подсвечников.

Что рассказал Отпускник

Слушал я вас, товарищи, и робел. Понятно, что можно ожидать, когда рассказывает командированный или студент. У вас миллион событий. А кто я? Просто служащий. Сижу за столом от девяти до пяти. И ничего, кроме бумаг, не вижу.

Вы говорите, я отпускник, и при этом улыбаетесь даже. Вот, мол, он сейчас нам курортную историю завернет. А я не могу завернуть, потому не с курорта, а на курорт еду. Отпуск у меня еще впереди. Так что история может быть не южная, а северная.

Она, эта история, очень простая. И даже кое-что напоминает. Из Чехова, между прочим. Очень люблю Чехова. Помните, у него один чиновник случайно чихнул в театре на лысину генералу, а потом переживал? Фамилию его я запамятовал, не осудите. А вот нашего сотрудника фамилию скажу точно — Засучевский.

Бывают же такие случаи, когда фамилия действительно очень подходит к человеку. Засучевский у нас — парень энергичный, даже начальство шутит по этому поводу:

— Работайте, как Засучевский,— засучив рукава.

Мы, конечно, по этому поводу смеемся: засучить рукава — это он может, а энергия у него показная, для виду. Господи, с каким упоением читает он по утрам газеты! Сидит за столом и все красным карандашом подчеркивает.

На него, конечно, и внимание. Старшие по службе нам прямо так и говорят:

— Засучевский уровень повышает, а вы — нет.

Особенно активен Засучевский на собраниях: всегда первым руку тянет, неважно за что. Раз есть предложение, нужно поддержать. В общем, товарищ положительный.

Но в чем-то он был и отрицательный. Я бы даже сказал, полуотрицательный. После работы Засучевский любил посидеть в ресторане. Он не кутил. Не присоединялся к какой-нибудь компании. Он честно съедал бифштекс и выпивал ровно сто граммов старки. Но об этой его слабости нам не было известно. Узнали мы о ней неожиданно.

Приходит ко мне Засучевский — на нем лица нет. Оглядывается, прикрывает дверь.

— Понимаете ли,— говорит,— позор приключился.

Я спрашиваю:

— Что такое?

А он еле лепечет:

— Зашел в ресторан... есть у меня такое... Бифштекс подали, старки сто граммов. Ровно сто! Больше — ни-ни, никогда. В троллейбус сажусь, еду и вдруг вижу: сидит наша машинистка Лерочка. Конечно, она меня заметила. И теперь всем расскажет: Засучевский пьет. Аморальный человек! Что подумают в коллективе!

Я стал успокаивать Засучевского. Ерунда, мол, какое дело, был чуть-чуть косоглаз, но не в рабочее же время. Посоветовал ему:

— Только никуда не ходи и никому не рассказывай.

Он согласился, но, как я узнал потом, от меня побежал к начальнику отдела, от него — к заместителю секретаря партбюро. И тот и другой сказали то же, что и я: «Сиди и работай».

Но работать он не мог. Какая тут работа! Нет, надо бежать к секретарю и честно покаяться, пока в коллективе разговоры не начались. Лучше пойти самому, чем когда позовут.

Засучевский бил себя в грудь, яростно клеймил позором. Секретарь слушал, сочувственно кивал, потом сказал:

— Да-да, до меня такие слухи уже дошли...

Засучевский закачался и чуть не выпал из кресла. Когда он опомнился, то прошептал:

— Конечно, Лерочка всем рассказала.

Секретарь позвал Лерочку. Спросил, кому она говорила о Засучевском. Машинистка удивилась. Оказывается, когда она ехала в троллейбусе, то на Засучевского даже внимания не обратила. Просто она его не заметила...

* * *

Поезд идет. Оседает серый дым на болотах. Едут в поезде люди. Едут, говорят. И каждый вагон начинен тысячами историй. И ни одна из них не похожа на другую.

жили неопровержимыми уликами. Вместо «нет» он вынужден был говорить «да».

— Скупали неучтенные излишки? — спрашивал следователь.

— Да, скупал...

Следствие ускорилось. Дело № 1427/13 стало разбухать. Предварительные подсчеты вначале говорили: уворовано 111 с лишним тонн маслосемян на 44 409 рублей. Потом сумма выросла до 200 тысяч рублей.

Откуда на складе у Брюхановой взялись пять тонн лишних семечек? Заведующий током фермы № 1 Деркачев доставил на склад под честное слово десять тонн подсолнечника. Привез, свалил — и все. Так уж заведено в совхозе «Кучерлинский». Раздолье для супругов Брюхановых! Для мужа, заведующего хозяйством, для жены, заведующей складом. Сколько хочешь привози, сколько хочешь увози.

И такой «порядок» не только в овцесовхозе «Кучерлинский», но и в колхозе «Гигант», где со складов похищено 63 тонны семечек, и в колхозе «Красная звезда», откуда исчезла 71 тонна.

Неучтенные излишки оказались на учете у Токмакова. Он их скупал десятками и сотнями тонн и как оптовый покупатель платил всего лишь десять копеек за килограмм. С каждого килограмма семечек в сейф-автомобиль поступало 30 копеек — разница между заготовительной ценой (40 копеек) и той, какую дирижер «капеллы» платил ворам-кладовщикам.

Воровская алхимия

— Продавали квитанции? — спрашивает следователь.

— Да,— отвечает допрашиваемый.

Распутываются хитроумные махинации с отчетными документами. Здесь в одном клубке — фальсификация, дутые цифры, поддельные ведомости с мертвыми душами.

Работал в Кабардино-Балкарии, в Баксанском райпотребсоюзе, Лю Нагоев. Для отчета ему понадобились квитанции. У кого добыть? Конечно, у Ивана Федоровича. Токмаков вручает коллеге кипу квитанций на 65 тонн семечек и кладет в карман 12 904 рубля. Токмаков продает то, что ничего ему не стоит. Ведь квитанции фиктивные! Нагоеву они дают 26 тысяч рублей. Частью из них он покрывает свой долг перед бухгалтерией. Львиную же долю квитанций он реализует по своему усмотрению.

Чем не алхимия? Подсчитано (возможно, еще не полностью), что от этих операций в автомобиль-сейф Токмакова попало 42 777 рублей.

А сколько нажито за счет повышения процента влажности и сорности? Здесь соучастницей, вернее, правой рукой Токмакова, была лаборантка Попушенко.

В материалах дела значится «маневренный фонд» в 188 тонн. Прокурор следственного отдела краевой прокуратуры Л. Д. Любимов, на которого возложена задача отшлифовать материалы обвинения, склонен считать эту цифру предварительной.

Подручных своих Токмаков одаривал по-разному, как говорится, по заслугам. Кому бочку масла, а кому — десятикилограммовую канистру, кому тысячу рублей, а кому — три пары модных носков, валуха или десяток откормленных уток. Были у него и фавориты. Бухгалтеру Чеканову он выплачивал от себя вторую зарплату.

Тревожный вопрос

В кабинете начальника краевого управления охраны общественного порядка В. А. Шашкина идет «оперативка».

Краткие сообщения, указания. Одно из них гласит: «Надо завершать дело Марулласова». Эта фамилия называется рядом с фамилией Токмакова.

Давно в поле зрения органов охраны общественного порядка появился двойник и соперник Токмакова, заведующий маслообменным пунктом в селе Нагуты того же Пятигорского завода А. А. Маруласов. Так же, как и Токмаков, Маруласов раскатывал на своей машине по курортным городам. Правда, манера вождения у него несколько иная — более осмотрительная.

«Лучше поменьше, да почаще»,— рассуждал Маруласов и не без успеха конкурировал с Токмаковым.

Несмотря на разные характеры жуликов, их воровские почерки оказались очень схожими. И тот и другой скупали неучтенные излишки, завышали влажность, сдавали в бухгалтерию ведомости с мертвыми душами.

Правда, в отличие от Токмакова его двойник уделял больше внимания маслу, чем семечкам. И тут сказался более тонкий расчет. Килограмм масла на целый рубль дороже килограмма семечек. И не так пыльно.

Долго можно рассказывать о преступных действиях Маруласова. И как он сбывал масло через ларьки в Ессентуках и Кисловодске. И как исчезли в колхозе «Победа» документы, на которых начертана его фамилия.

Пора, однако, говорить о другом. И говорить, не страшась горькой правды. Плохо еще охраняют на Ставрополье народное добро от Токмаковых и Маруласовых.

Чем объяснить, что в колхозе «Родина» семь лет не было ревизии? Чем объяснить, что в колхозе имени Чапаева ее не было пять лет? Как случилось, что Пятигорский маслозавод превратился в щедрую кормушку для хищников?

Очевидно, этому способствовало благодушие и беспринципность некоторых работников Ставропольского края. Например, чем иным можно оправдать поступок председателя колхоза «Гигант» Г. Е. Цыганкова, который, не потребовав никаких документов, списал с Тимченко, заведующего перевалочной базой, около 64 тонн недостающих семян? Не захотел губить человека? Но это ведь попустительство, укрывательство преступника.

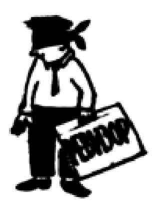
Удивительно сердобольными оказались директор маслозавода Воднистова вкупе с главным инженером Крыжановской и заведующей лабораторией Шержуковой. Уже после разоблачения темных дел Попушенко они возбудили ходатайство о взятии ее на поруки.

К чести рабочих завода, ни один из них не выступил в поддержку такого ходатайства.

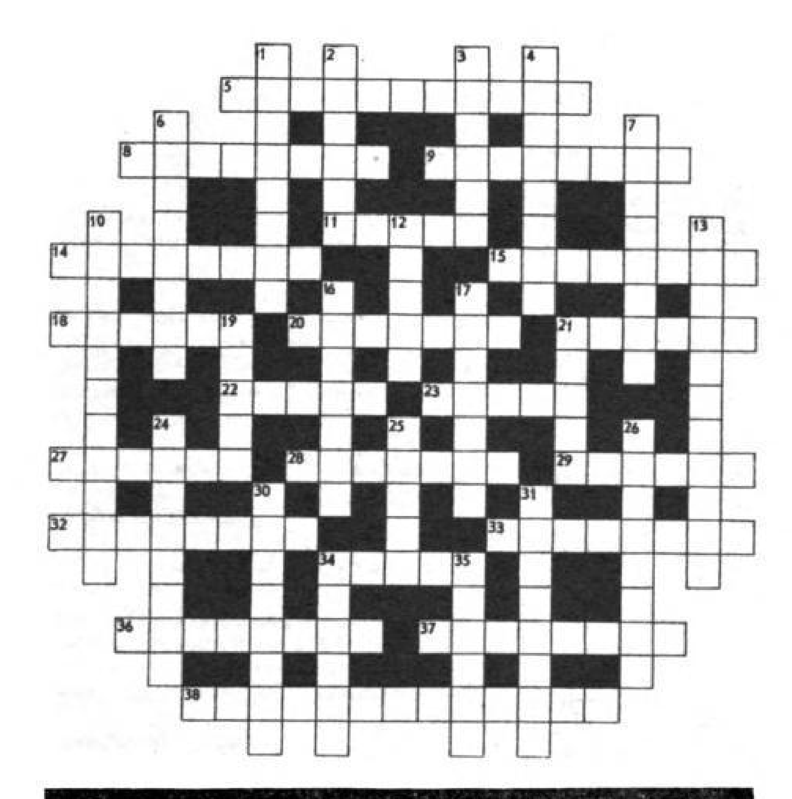
* * *

Богат Ставропольский край! Несметно богат! Славно трудятся его люди. Больно узнавать, что к богатствам, добытым честным трудом, прилипли грязные, воровские руки Токмаковых и Маруласовых. Но факт есть факт, и он должен послужить уроком. Хорошо, что работники охраны общественного порядка крепко ударили по воровским рукам. Вместе с тем возникает тревожный вопрос: почему многочисленные органы контроля края сыграли тут слишком скромную, можно сказать, незаметную роль? Не следует ли товарищам из Ставрополя всерьез призадуматься над этим и сделать практические выводы? Стоит. Безусловно, стоит...

Рисунки В. Воеводина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Город в Ленинградской области. 8. Вещь, хранимая как память о прошлом. 9. Фламандский картограф. 11. Главная артерия. 14. Элементарная частица. 15. Датский художник-карикатурист. 18. Приток Нила. 20. Вертикальная опора здания. 21. Двухместный велосипед. 22. Радиоактивный элемент. 23. Специальность рабочего. 27. Римский поэт-сатирик. 28. Травянистое растение семейства сложноцветных. 29. Древнейшее государство, существовавшее на территории СССР. 32. Хранилище для жидкостей. 33. Союзная республика. 34. Период времени. 36. Советский писатель. 37. Образец, шаблон. 38. Чемпионка мира по шахматам.

По вертикали:

1. Персонаж комедии А. Н. Островского «Волки и овцы». 2. Путь движения небесного тела. 3. Денежный знак. 4. Планета. 6. Открытие художественной выставки. 7. Небольшое музыкальное произведение. 10. Режиссер. 12. Труба для усиления звука. 13. Морская птица. 16. Фотографический снимок. 17. Озеро в Северной Америке. 19. Смазочное масло. 21. Порт в Финляндии. 24. Наука о форме и строении человеческого тела. 25. Сорт кофе. 26. Массовый физкультурно-акробатический номер. 30. Жвачное животное. 31. Разрешение на ввоз или вывоз товаров. 34. Высоковулканизированный каучук. 35. Дипломатический ранг.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали: 6. Воскресенье. 7. Скерцо. 9. Кромка. 11. Рифма. 14. Колос. 16. «Спартак». 19. Балет. 20. Геометрия. 21. Статуэтка. 23. Стопа. 25. Таможня. 26. Аргон. 30. Бисер. 32. Глинка. 33. Евфрат. 34. Массальский.

По вертикали: 1. Ректор. 2. Фреска. 3. Ковров. 4. Метафора. 5. Льгота. 6. Кито. 10. Кета. 12. Повесть. 13. Ренклод. 15. Схема. 17. Плита. 18. Антон. 19. Влуза. 22. «Консуэло». 24. Псел. 27. Репа. 28. Ландау. 29. Соффит. 30. Варсук. 31. Реестр.

На первой странице обложки: Парнишка из Бангкока — столицы Таиланда.
Фото А. Аджубея и К. Перевощикова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь редакции), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00335. Подписано к печати 26/II 1964 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 2 025 000. Изд. № 201. Заказ № 514.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Полчаса на электричке или автобусе — и мир преображается.

Роняют снег ели. Березы забрели в сугробы. В белых полушалках завьюженный кустарник, притихший и сторожкий. По насту — четкие письмена, оставленные незябкими птицами России. И еще — лыжня, веселая тропа веселых пришельцев из недальнего города. Она плутает меж стволов, бежит, торопится к опушке, где взлетают и скатываются пестрые фигурки.

Оседает под лыжами снег, и нет уже ни тишины, ни первозданного седого покоя. Звенит, поет зимний лес. И вот уже тесно на лыжне, на опушках, на ослепительном полотне реки.

Свой культмассовый сектор.

Будущий чемпион.

МИШКА-МАТРОС

Экипаж нашего судна «Актиния» приобрел в небольшом поселке Усть-Хайрюзово на Камчатке маленького медвежонка. Несколько месяцев он находился на судне, забавляя нас своими проделками и проказами.

Вот как проходили будни нашего нового члена экипажа, которого мы очень полюбили.

А. ШЕВЧЕНКО,
штурман

С утра роятся лыжники под сенью заиндевелых лесов.

Лыжня зовет!

Белая олимпиада... Кто сказал, что она открывается раз в четыре года? И почему Скво Вэлли, Кортина д'Ампеццо, Инсбрук? Это будни и спортивных баз и воскресные праздники лыжников Москвы и Свердловска, Горького и Таллина и десятков других городов. Всюду, где ложится белый полог на поляны и горы, на застывшие реки и аллеи парков, прокладывают стремительные тропы парни и девушки в заиндевелых свитерах.

— Лыжню, товарищ! — звенит в морозном воздухе.

— Лыжню, дяденька! — сопит за спиной скороход в ушанке.

— Лыжню, лыжню! — скатываются к реке вертние и быстрые люди.

Лыжня зовет!..

Фото Е. УМНОВА.

Набрали заданную скорость!

Каждое утро медвежонок купался в маленьком тазике на палубе.

Отбивал склянки, созывая всех на обед.

После завтрака матросы принимались за уборку судна. И мишка помогал им как мог.

А теперь можно и отдохнуть и даже позевать.

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ И ДЛЯ БОЛЬШИХ

Н. Железнякова

Мы печатаем кадры из новых фильмов производства московской киностудии «Союзмультфильм». Эти фильмы делаются обычно для маленьких, но их любят и большие, взрослые зрители.

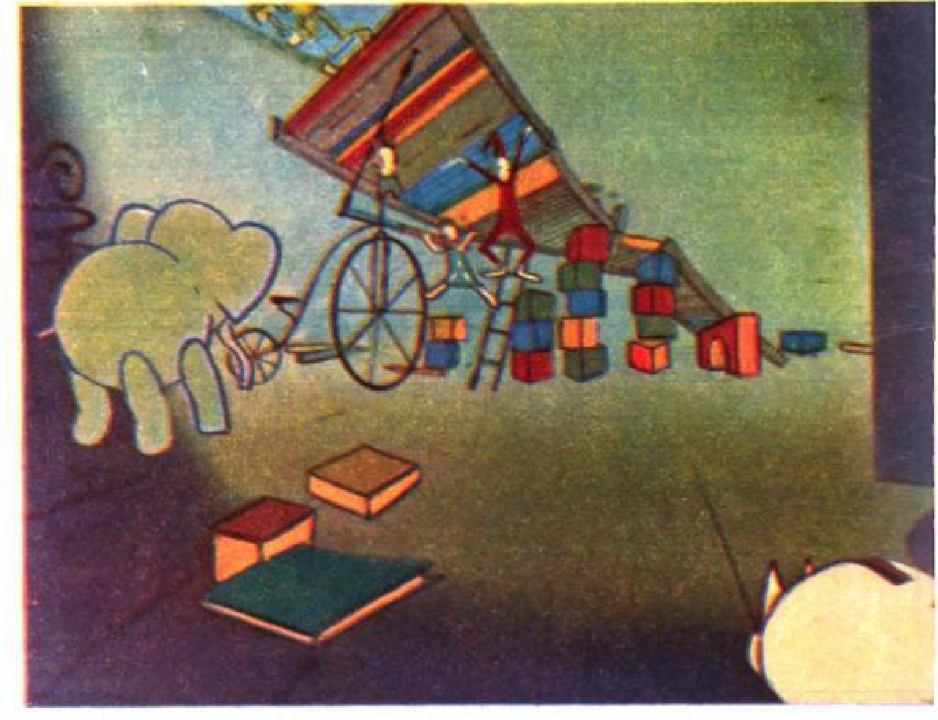
«БАБУШКИН КОЗЛИК» Избаловала бабушка Козлика. Дома ему все надоело. Он убегает в лес и там завязывает дружеские отношения с бандитом-волком. История кончается визитом новых друзей Козлика к бабушке, после чего от бабушки остаются только «рожки да ножки». Остро-сатирический мультипликационный кинорассказ «Бабушкин Козлик» создан по мотивам одноименной детской сказки Ф. Кривина режиссером Л. Амальрик, художниками Н. Приваловой и Т. Сазоновой.

«МИР ДОМУ ТВОЕМУ» Теме мира на земле посвящен фильм «Мир дому твоему». Создатели картины молодые режиссеры В. Никитин и И. Николаев рассказали — в несколько условной форме — историю трудового человечества, которому на протяжении долгих веков навязывались богачами кровопролитные войны. Разгневанные люди решили отобрать оружие у богачей.

«МИСТЕР ТВИСТЕР» — А это мистер Твистер!.. Надутый, недружелюбный.

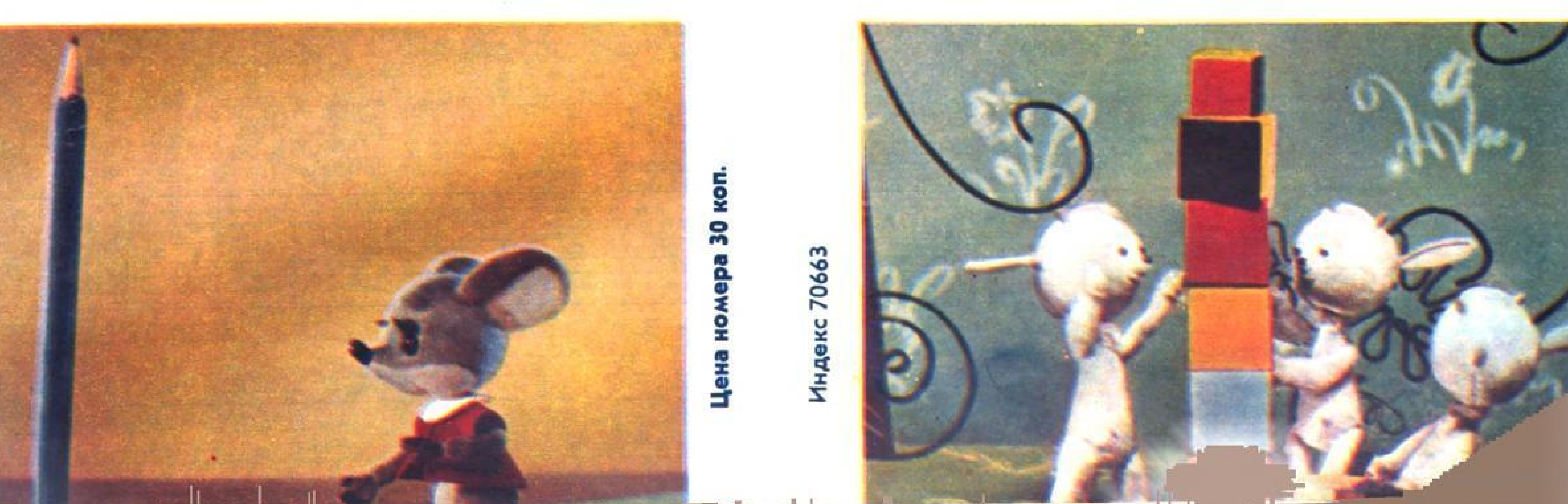
Известное всем детям стихотворение легло в основу мультипликационного фильма, постановщики которого А. Каранович и Е. Шукаев почти полностью сохранили сюжетные линии великолепного произведения С. Маршака.

«СВИНЬЯ-КОПИЛКА» Кругленькая свинка на переднем плане — главный персонаж фильма «Свинья-копилка», поставленного по мотивам сказки Г. Андерсена Л. Мильчиным и Ф. Епифановой. В образе свиньи-копилки высмеиваются жадность и стяжательство; свинья ничего не видит вокруг себя, она без устали собирает, накапливает монетки. Набивая свое брюшко до отказа, свинья не выдерживает — разваливается!

«НАШ КАРАНДАШ» Занимательный фильм «Наш Карандаш» поставлен по сценарию писателя В. Сутеева режиссером В. Дегтяровым для самых маленьких зрителей. Эта забавная история повествует о необычных приключениях своенравной и капризной Кошки, об умном и смелом Карандаше и о забавном Мышонке.

«ХОЧУ БЫТЬ ОТВАЖНЫМ» Фильм «Хочу быть отважным» поставили режиссер В. Курчевский и художник Н. Серебряков по сценарию писательницы Н. Гернет. Сказочные приключения маленьких зверушек, их уловки и ужимки особенно нравятся малышам.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663